

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

МАЙ

2000

ИЯР

5760

N 5 (97)

Дорогие друзья!

Евреи бывшего Советского Союза прекрасно знают и любят праздник Симхас Тойра с танцами и Пейсах с мацой. Если и можно встретить еврея, который не ест в Пейсах мацу, то уж он, по крайней мере, слышал, что это полагается делать. И Йом Кипур евреям известен. А вот про Швуэс знали мало, несмотря на то, что праздник этот, пожалуй, самый важный у евреев. Ведь в этот день Всевышний избрал нас из всех народов земли и даровал нам Тору.

Как сказано нашими мудрецами, прежде чем даровать Тору евреям, Всевышний предлагал ее другим народам, и те спрашивали: “А что в той книге написано?” И, узнав, как много требует в ней Всевышний от человека, неизменно отказывались: “Нет, не нужна нам эта Тора. Ни за что! Так жить мы не сможем...”

От евреев же, когда Б-г обратился к ним с тем самым предложением, Он услышал удивительные слова: “Сделаем и будем слушать”. Это значит, что наши предки без всяких обсуждений согласились выполнить все, что скажет Всевышний.

Почему евреи выразили такую полную готовность подчиниться воле Б-га?

Представьте себе, что больному врач, к которому он обратился, назначил лечение, и пациент начинает задавать ему вопросы: “А почему выбрано именно это лекарство? Что в него входит? Как оно действует? Какие у него противопоказания? И почему принимать его следует до, а не после еды? Наконец, он может еще подумать, стоит ли ему вообще выполнять указания этого врача, не лучше ли обратиться к другому.

Однако все будет происходить совершенно по-иному, если больной доверяет врачу и знает, что искать другого ему не надо. Не всегда обойдется без вопросов, но какими бы ни были ответы, назначения врача больной будет выполнять. И лечение в этом случае будет эффективным...

Нечто подобное происходило на Синае. Известно, что каждый еврей – самый умный и где два еврея, там три мнения. Наши мудрецы говорят, что на всем пути из Египта до самой горы Синай евреи спорили. Шли и спорили, спорили о чем-то возвышенном и важном, и каждый был убежден, что его мнение – истина в последней инстанции.

Но вот народ подошел к горе, и все споры прекратились – евреи мгновенно осознали, что перед ними Мудрость, бесконечно превышающая человеческую мудрость, и перед ней все их споры ничтожны и бессмысленны. В этот судьбоносный момент народ был абсолютно един, действовал, как один человек с одной волей, готовый принять все, что даст ему Всевышний, выполнить все, что Он скажет.

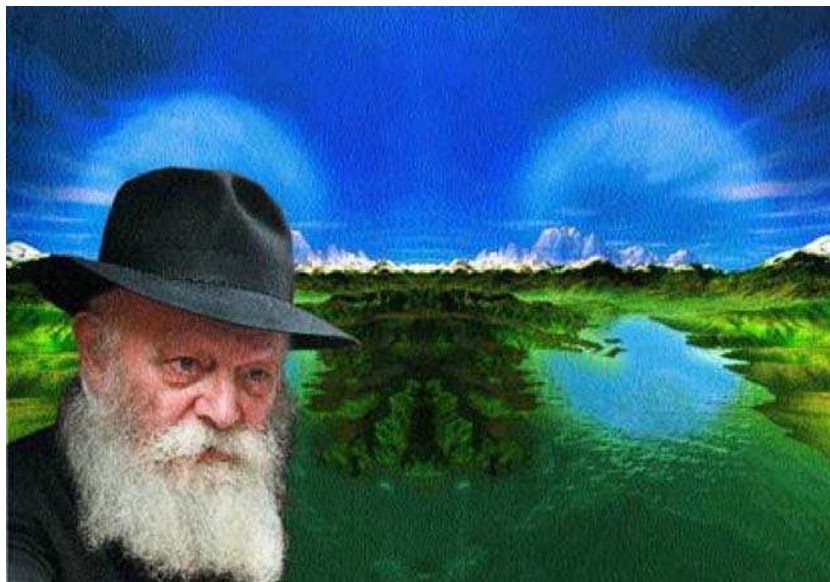
Это не значит, что у евреев не возникало вопросов (у евреев всегда они есть), что они не хотели бы услышать объяснений (нам они всегда нужны). Но они сказали Всевышнему: “Сделаем и будем слушать”. Наши предки понимали, что все – потом, что это тот самый случай, когда сначала надо выполнить, а уже потом спрашивать и обсуждать. Они приняли Тору, которая сделает жизнь каждого из них и исторический путь всего еврейского народа надежными и осмысленными.

Дай Б-г, чтобы в этот Швуэс наше единство в готовности принять Тору и решимости выполнять ее заповеди были такими же, как у тех, кто стоял тогда у горы Синай.

Í dāwīāāō āēū īāūāēī āī ēy dāāēī īā NĪ Ā ā Āādē Ēāqāō

Обретение Неба на Земле

365 размышлений Ребе

Мы — единое целое

213

Я предложил свою руку, пять пальцев, и вы протянули свою. Вместе у нас десять пальцев; это – рукопожатие. Мы с вами только частицы единого целого, когда не вместе.

214

Мы все – частицы великих душ, и те души – частицы еще более возвышенных душ, и так оно продолжается, пока все не приблизится к первоначальной душе. Душе Адама.

Никто из нас не завершен. Никто не стоит на своих. То, чего не хватает одному, дополняет другой. Кому-то не хватает чего-то, у кого-то избыток этого.

Только вместе мы можем достичь единства. Только вместе мы способны предстать перед Тем, Кто Над нами.

215

Алтер Ребе писал: “Все души – едины. Только тела разделяют нас. Тот, кто ставит тело выше духа, никогда не испытывает настоящей любви или дружбы”.

216

Мы едины в своей сущности и в своем характере. В своей сущности все мы – одна душа, из одного источника.

В своем характере все мы дополняем друг друга, никто не завершен, каждый вносит то, чего недостает другому, каждый добавляет штрих к совершенству другого.

Подобно грандиозной мозаике-загадке мы соединяемся, чтобы составить единое совершенное целое.

Никто из нас не совершенен без всех остальных, и все другие не совершенны, если не хватает одной индивидуальной личности.

217

Однажды, придя домой, я обнаружил, что дети забрались на чердак через отверстие в потолке. Это им запрещалось, так как представлялось небезопасным. Но прежде чем что-либо сказать им, я посмотрел на них и подумал. Их было четверо. Сколько потребовалось труда, чтобы двое подняли третьего, четвертый держал стул, на котором те стояли. Тогда я понял то, что не раз слышал от Ребе:

Отец смотрит на играющих детей с любовью и готов простить им все. Лучше гармоничный своевольник, чем унылый тихоня.

Это относится к Отцу Всех Нас.

– Лучше пусть бросят меня, чем друг друга, – говорит Он.

218

В свои последние годы Ребе каждое воскресенье стоял часами, чтобы принять тысячи людей, евреев и неевреев, выстраивавшихся в очереди за его благословением. Он внимательно глядел каждому в глаза, часто улыбался, иногда отвечал на вопрос или давал совет. Каждый получал от Ребе доллар на доброе дело по своему усмотрению.

Зрелище было невероятное. Очередь двигалась, и Ребе все больше оживлялся, словно получал от этих людей новые силы.

Много часов спустя, когда очередь подходила к концу, Ребе спрашивал своего секретаря: “Никого больше нет?”

Однажды перед Ребе предстала старая женщина, которая передвигалась в очереди вместе со скамейкой, принесенной ею из дома.

– Ребе! Я моложе вас... И все это время сидела... А вы здесь приветствуете каждого стоя... Посмотрите на себя!

Ребе улыбнулся:

– Когда считаешь бриллианты, не устаешь.

Алтер Ребе как-то спросили:

– Что больше – любить Б-га или своего брата-человека?

– Любить человека, – ответил он, – потому что тогда вы любите того, кого любит ваш Любимый.

219

Помните, что доверяете Б-гу. Когда дела идут неважно, говорите себе, что в сущности, все к лучшему, и радуйтесь тому, как добр к вам Б-г.

Если же трудности возникают у других, советовать им радоваться беде не следует. Сокрушайтесь вместе с ними, молитесь за них, делайте для них все, что в ваших силах, и только потом можете посоветовать им довериться Б-гу.

Молодой художник, который несколько лет страдал от депрессии и внутренней борьбы, пришел к Ребе, чтобы рассказать ему о себе. Ребе слушал историю неудачника, ежеминутно вытирая пот со лба.

220

Не расстраивайтесь из-за лицемерия других, из-за собственной несостоятельности. Наша жизнь движется по холмам и долинам – духовное становление человека не происходит гладко.

Но добро, которого достигает каждый, вечно, так как оно соединяется с Источником Всех благ, Источником бесконечным и постоянным. С другой стороны, падения преходящи и поверхностны, они – мимолетные тени облаков, пятна на одежде, которые нужно удалить.

221

Рабби Акива учил любить ближнего, если потребуется – отдать за него жизнь. Но его учеников поразила эпидемия за то, что они не относились друг к другу с уважением. Как это могло произойти?

Бывают моменты, когда любовь способна погубить. Вы любите кого-то настолько, что не позволяете ему свободно дышать. Он должен вести себя так, как вам представляется лучше для него, вы не терпите, чтобы он сколько-нибудь отклонился от истины, какой видите ее вы.

“В конце концов, – думаете вы, – я должен сделать для него то же, что сделал бы для себя”.

Но подлинная любовь оставляет место для того, кого вы любите.

Как указал Гиллель старший: “Не делайте другому того, что ненавистно вам”.

Лучше всего любовь выражается не в том, что вы делаете или говорите, а в том, чего вы не делаете и не говорите.

222

Тот, кто поглощен собой, стремится заполнить все пространство вокруг себя, не оставляя места ни для кого другого. Он ненавидит тех, кто пользуется какой-то частью пространства, презирает их и может подыскать причины этому, но причины – не главное.

Это – беспричинная ненависть, она стала основанием для нашего изгнания. В ней корень зла. Уравновешивается и исцеляется она любовью и добротой.

223

Кто-то написал Ребе о том, что, исполняя служебные обязанности, он очень обидел одного из своих помощников, настроил его против себя.

Ребе посоветовал этому человеку:

Заставьте себя полюбить своего сослуживца, и его раздражение исчезнет само собой.

224

Довольно известный раввин пожаловался Цемаху Цедеку, что никто не считается с его мнением, а коллеги топчут его ногами.

Цемах Цедек удивился:

– Кто же велел вам так широко располагаться, что куда бы люди ни ступили, они не могут не наступить на вас?

225

Цемах Цедек велел одному человеку стать луком.

Тот переходил из города в город, распространяя хасидское учение. Но однажды остановился и заявил, что шумиха насчет его талантов ему надоела. Теперь он решил работать над собой, чтобы избавиться от своих недостатков.

Цемах Цедек не выразил сочувствия этому человеку и посоветовал ему стать луком. Учите других тому, чему должны учиться! – добавил Ребе.

Почему луком? Лук кладут в кастрюлю не для того, чтобы его ели, а только для придания вкуса курице или бульону. Подобно луку, следует пожертвовать своим личным ростом, чтобы другие могли расти.

Это и есть рост.

226

На первых этапах жизни нужно учиться быть себе хозяином. Главная и трудная перемена наступает, когда вы берете на себя ответственность за семью. Тогда собственное благополучие должно быть отодвинуто на второй план. Но в конечном счете то, что лучше для родных, для семьи, окажется лучше и для вас.

227

Ответ тому, кто написал, что намерен заботиться о своем эго в ущерб общественной деятельности:

А бывает ли эго без активной деятельности? Лучше надменный деятель, чем эгоцентричный бездельник.

228

Люди недооценивают терпимость. Последняя состоит не в том, чтобы, наблюдая, как кто-то действует во вред себе, говорить, что не следует вмешиваться в чужую жизнь. Это безразличие, апатия. Если вы видите, что человек, который вам дорог, выбрал для себя неправильный путь, вы должны сделать все возможное, чтобы свернуть его с этого пути.

Терпимость – это когда вы видите его ошибки во всей наготе, но они ни на йоту не уменьшают вашего уважения к нему и вы с ним навсегда.

И если вы не понимаете, как можно ожидать от себя такого парадокса – порицать и уважать одновременно, разрешите спросить, сами вы ошибок никогда не делали?

И разве не уважаете себя?

И если можете допускать парадоксы в отношении себя, распространите такую привилегию и на других.

229

Пока вы не увидите в человеке добро, вы не сможете помочь ему.

230

Если вы порицаете своего брата, а он вас не слушает, виноваты в этом вы: слова от сердца входят в сердце.

231

Слово – мощная сила. Плохо о ком-то говорить – значит осквернять его, себя самого и тех, кто обратит внимание на ваши слова случайно. Обнаженная рана начинает гноиться, и страдают все.

Если о том же человеке говорить хорошо, добро, находящееся внутри него, внутри вас и внутри всех присутствующих, засияет.

232

Традиция, идущая от Баал-Шем-Това, гласит: когда кто-то рассказывает вам “нехорошие вещи” о других, следует испытывать боль и огорчение по нескольким причинам.

В любом случае, как ни смотри, кто-то страдает. Если это правда, плохо для того, о ком говорят, если ложь – плохо для того, кто это придумал.

233

Сам факт того, что вы знаете о чьей-то беде, означает, что в ваших силах ему помочь. Иначе – почему это знание вошло в ваш мир?

Арик Шарон, будучи министром обороны Израиля, получил аудиенцию у Ребе. Позднее генерал рассказал своим друзьям, как сердечен был с ним Ребе, просил его не улетать на следующий день, как он планировал, а задержаться ненадолго.

Любавичские друзья генерала Шарона объяснили ему, что Ребе никогда не говорит таких вещей просто из вежливости, и настояли на переносе полета. Вскоре стало известно, что самолет, на котором должен был лететь Шарон, был захвачен и посажен в Ливии.

Другой израильский министр, удостоенный аудиенции у Ребе, спросил его, почему он, зная о готовящемся захвате, не попытался его предотвратить, не сообщил об этом властям.

– Вы думаете, я знал? – ответил Ребе очень серьезно. – Это было не пророчество и не знание. Просто когда я вижу кого-то, мне хочется сделать ему добро. Вот почему я сказал то, что сказал.

234

У каждого человека есть свой внутренний источник. Если вы не можете его найти, виноваты вы сами. Удалите ржавчину со своей лопаты, заточите ее и копайте все глубже и глубже.

235

Наши души не могут быть разбиты и нуждаться в починке, они не могут быть обделенными и нуждающимися в чем-то. Их нужно только раскрыть и позволить им засиять.

236

Люди отражают друг друга, как зеркала. Если вы видите недостатки другого, и они не выходят у вас из головы, это значит, что вы увидели собственные недостатки.

В этом большая милость Б-га к нам, без этого мы никогда не сумели бы обнаружить собственные недостатки.

237

Одну из своих самых замечательных незабываемых речей Ребе произнес на встрече с изувеченными израильскими солдатами.

Каждому дано все, что требуется для исполнения им своей миссии в нашем мире. Но у всех нас миссии разные и соответственно разные силы, связанные с ними. Однако никому из нас не легче, чем другим. И если вы видите человека, который кажется вам неполноценным или изувеченным, знайте, что на самом деле он обладает силами, которых нет у других. Не называйте его изувеченным, называйте его особым.

К израильскому солдату, который потерял обе ноги при взрыве сирийской мины, пришли родители. Мать плакала, а отец сидел, молчал.

Приходили генералы и государственные чиновники, произносили речи, называли его героем, которым следует гордиться. Но утешения не было. На улице люди по-прежнему избегали его.

Ребе пожал ему руку, посмотрел в глаза и сказал: “Спасибо”.

Он до сих пор носит с собой это “Спасибо”.

238

Раввину, ученому талмудисту, который просил Ребе благословить его на мир в мыслях, чтобы можно было посвятить себя изучению:

Мир в мыслях! Мир в мыслях! Земля горит! По улицам бегают дети, не знающие того, чему вы должны научить их! И вы можете думать о мире в своих мыслях?!!

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

МЫ ВСЕ СЧАСТЛИВЧИКИ! НАМ ВСЕМ ПО 55!

Смотришь на этих людей, видишь их чудесные лица, молодые и почти счастливые глаза, а потом слушаешь их рассказы под тонкий перезвон бесчисленных медалей и орденов на лацканах их костюмов, и с трудом веришь, что все это возможно. Пройти от начала до конца всю войну, увидеть настоящий ад, потерять родных и друзей, получить ранения, остаться инвалидами, дойти до Берлина, вернуться домой победителями, испытать несправедливость и чудовищную неблагодарность власти, испытать унижения, пережить развал Родины, за которую воевали, жить на мизерную пенсию – и не озлобиться, ни словом не упрекнуть эту самую власть, не потерять достоинства, не жаловаться, а радоваться жизни и с благодарностью помнить всех, кто когда-то помог им в жизни, быть признательным за любую малость, которую они получили...

Удивительный народ эти ветераны! Сколько великодушия в их оценках людей, событий, как снисходительны они к чужим ошибкам, как много в них жизненных сил и по сей день, с каким интересом они воспринимают все новое, как не утратили они этого юношеского свойства души изумляться. С каким юмором говорят они о промахах своих друзей и в первую очередь – о собственных! И точно так же – о своих бедах.

Вот, например, эпизод из долгой экскурсии по Оружейной Палате. Экскурсовод рассказывает о русских царях, об их быте, привычках и т. д. Петр I, подчеркивает, всегда очень заботился о своих подчиненных, особенно о младших чинах и солдатах. У очередного стенда с роскошными, вышитыми серебром и золотом кафтанами Петра сообщается такая подробность. Однажды утром, надевая один из них, царь увидел, что из вышивки на пол упала серебряная нить. «Смотри, Катенька, – повернулся он к своей жене – это ведь целое жалованье одного солдатака». Стоящий рядом с экскурсоводом наш отставной полковник Ройтберг, весь в орденах и медалях, тихо добавляет: «... и целая пенсия одного полковника».

Их суждения о жизни вообще необычайно интересны и неожиданны. Они живо интересуются политикой, они в курсе всех изменений, которые происходят здесь, в Москве. А замечания по поводу тех или иных событий последних лет поражают своей глубиной и мудростью.

А как прекрасно они выглядят! Милые, со вкусом одетые женщины – с какой нежностью и гордостью рассказывают они о своих детях, внуках и правнуках, как блестят их глаза. Элегантные и подтянутые мужчины пропускают вперед дам! Даже с палкой (контузия) он уступает место женщине. Язык не поворачивается назвать их стариками. А они и не желают ими быть. Ясность вносит Борис Самуилович Шустерман: «Мы ровесники Победы, нам всем по 55!»

Откуда черпают силы эти люди, так много пережившие? Почему они так отличаются от нас, молодых, современных? Почему они не в пример нам, агрессивным, так мягки и уступчивы, добры и терпимы к людям? Почему забытые слова «Родина», «патриотизм» в их устах совсем не кажутся пустым звуком, а приобретают какое-то очень важное и сокровенное значение? Вопросы, вопросы...

Их двадцать пять ветеранов войны, приехавших в Москву на празднование 55-й годовщины Победы по приглашению Федерации еврейских общин России. Двадцать пять судеб и историй, которые невозможно слушать без комка в горле и даже слез. Они приехали с разных концов своей Родины, бывшего Советского Союза, – из Риги, Еревана, Алма-Аты, Ташкента, Вильнюса, Минска, Киева, Тбилиси. По ним можно писать историю страны, ее географию и социологию. Это полный социальный срез общества: среди них есть и рабочие, и врачи, и кадровые военные, и учителя, и бывший беспризорник-детдомовец, и художник-фотограф, и экономист, и обувщик.

О каждом из них можно писать книгу, так драматичны, а порой просто трагичны их судьбы. Каких чудес мужества, а иногда и героизма требовала от них жизнь. И они всегда с честью эти требования выполняли. Сколько вражеских танков они подорвали, на каких страшных передовых они находились, сколько ранений перенесли, сколько спасенных жизней на их счету! Где вы, генерал Макашов! Послушайте их рассказы, вы же не можете как военный офицер промолчать, не оценить их подвига, не отметить их храбрость. Покайтесь, пожалуйста, и попросите прощение хотя бы именно у этих конкретных людей. Им-то ваше покаяние не нужно, оно нужно вам!

Как много слез выпало на их долю и как мало радости. Но что самое удивительное, – все до одного они считают себя счастливыми. Замечательно выразил это общее мнение Герц Роговой: «Все мы, кто выжил в эту войну и собрались здесь сегодня, – абсолютные счастливики. Из ста человек нашего поколения – 1923–1925 годов рождения – живыми после войны в 1945 году по официальной статистике,

вернулись только трое и то, как правило, калеки. После этого прошло 55 лет, и мы живы! Это ли не чудо?!»

И еще одно общее мнение, которое высказали все ветераны. Такого подарка, который преподнесла им Федерация еврейских общин России, они не получали, наверно, за всю свою жизнь. Так тепло и искренне к ним давно никто не относился. За пять дней они столько всего увидели, побывали в таких замечательных местах – на Поклонной горе, в Кремле, на могиле Неизвестного Солдата, на прекрасном концерте в «России» – впечатлений хватит до конца жизни. Главное, они почувствовали себя единой национально-культурной общностью людей, которых так много связывает и объединяет.

Они благодарили Федерацию за доброе к ним отношение здесь, в Москве. А разве можно к ним относиться иначе. Это люди-легенды, это наша честь и наша гордость, цвет нашей нации. Мы в неоплатном долгу перед ними. Спасибо им за все – за Победу, за жизнь! Дай им Б-г здоровья и долгих-долгих лет жизни. Теперь послушаем их короткие рассказы о себе.

Меня зовут Гельман Анатолий Яковлевич. Я родился – страшно сказать – в 1912 году в Каменец-Подольском Хмельницкой области, но почти всю жизнь, с 1930 года, живу в Киеве. Танкист, в 1938 году окончил Харьковское танковое училище. В 1939 году участвовал в воссоединении западных областей Украины с УССР, в 1940 году – в присоединении Северной Буковины к СССР. Я тогда был уже старшим лейтенантом. Второе образование у меня журналистское, а после войны, когда демобилизовался, пошел работать в школу. Знаний не хватало, и я окончил еще Киевский педагогический институт, заочно.

В 1941 году я был уже капитаном. Тогда многие кадровые военные по ряду причин имели, как правило, семилетнее образование. Поэтому более образованным приходилось многое им объяснять. К нам в Дом Красной Армии привезли известный фильм «Подруги», и начальник политотдела попросил меня до сеанса выступить перед зрителями, рассказать, о чем фильм, на что в нем следует обратить внимание и т. д. Поэтому я просмотрел его заранее в будке. И вот 22 июня 1941 года весь командный состав танкового корпуса во главе с генерал-майором Фекленко пришел смотреть картину. Я выступил, все объяснил и сел со всеми в просмотровом зале. Вдруг слышу: «Гельман, на выход!» Выхожу, стоит жена, говорит: «Война. Только что Молотов объявил». Я возвращаюсь в зал, докладываю генералу, а он в ответ: «Что вы панику сеете, садитесь, смотрите кино».

Началась война. Я до сих пор не знаю, чья это была вина. Дело в том, что мы незадолго до этого получили новые машины Т-34. У старых, Т-26, БТ-5, броня тонкая, в бою машины оказались совершенно неэффективные. За пять дней до войны мы неожиданно получаем приказ снять все замки с новых танков Т-34 и отправить их на дорегулировку.

Победу я встретил в Будапеште. За 8 дней до конца войны получил сильное ранение, уже третье. Первое было 24 ноября 1941 года под Москвой, под Истрой. Для меня это место личной трагедии – на моих глазах погиб мой младший брат, ему было всего 18 лет. Я его сам похоронил. Собираюсь поехать к нему на могилу в Новопетровск, за Истрой.

После войны я долго лежал в госпитале, потом ходил на костылях, обе ноги были у меня ранены. Попал в Барнаул, работал там корреспондентом ТАСС по Алтайскому краю. Отсюда меня пригласили на работу в Киев. И вот я там уже 30 лет.

Десять лет назад я создал еврейскую газету «Возрождение», считаю, что она очень много делает для евреев, живущих не только в Киеве и Украине, но и в других регионах. Сейчас мы судимся с редактором газеты «Вечерний Киев» за антисемитские, неуважительные высказывания в адрес евреев. Думаю, мы процесс выиграем.

Мое имя Соня. Софья Шмулевна Абраменкова. Родилась на Украине, но с 1960 года живу в Ташкенте. Прошла две войны – финскую и Отечественную, была в Японии. Награждена орденами Отечественной войны всех степеней. Имею личную благодарность от Сталина. Всю войну проработала фельдшером в госпиталях, видела такие ужасы – не дай Б-г! Дошла до Берлина, расписалась на рейхстаге. После японской войны работала на Курильских островах в госпитале, была секретарем комсомольской организации.

Я живу совсем одна. Мужа и всех моих родных, 6 человек, убили на Украине, в Бабьем яре. Мне чудом удалось выжить. Помню это, как сейчас, и ни одного дня с того времени не была счастлива. Но несмотря ни на что, я радуюсь жизни. Люблю людей и желаю всем только добра, благополучия.

Очень признательна Федерации еврейских общин России за то, что так хорошо нас встретили, столько интересного показали. Большое спасибо!

Миндлин Арон Гиршевич. Живу в городе-герое Минске, родился в деревне Редьке. В 1933 году окончил неполную среднюю школу, после чего работал в Москве на строительстве. С 1939 года – в Красной Армии. На войне с первых дней, даже раньше, с 18 июня – вышли по тревоге. Служил во 2-й танковой дивизии, 4-й танковый полк. Был командиром танка БП. У меня 5 боевых наград – за Никополь, за Николаев, за Орловско-Курскую битву, за Будапешт.

Победу встретил в Австрии. До 1961 года служил командиром танковой роты в Белорусском военном округе. Я уже сказал, что живу в Минске. Мне Лукашенко нравится. Он много сделал для нас. И все эти разговоры о том, что он диктатор, притесняет евреев, что магазины у нас пустые – все это неправда. У нас в магазинах получше, чем у вас в Москве. И жизнь дешевле.

У меня прекрасная семья, замечательная жена, трое детей, внуки. И мы никогда не ощущали себя притесненными. Может быть, иногда на бытовом уровне что-то такое проскочит, но благодаря Лукашенко – на государственном уровне в Белоруссии антисемитизма нет. К нам, ветеранам, президент относится очень хорошо. Уважительно. Нет, нам грех жаловаться. Вот мне 82-й год – а я все еще работаю и не собираюсь уходить на покой. Работаю в управлении, которое обслуживает больницы, снабжает их специальным кислородом. В советское время было много несправедливости и много хорошего, не надо забывать этого. Мы выиграли войну, но к сожалению, мы проиграли войну идеологическую. Помните, что про нас в свое время сказал Даллес: «Россию так не возьмешь, ее надо развалить изнутри». Вот и развалили. Больно, очень больно.

Брагинский Михаил Владимирович. Живу в Минске. Не работаю, на пенсии, раньше работал на заводе «Горизонт», а до этого на подшипниковом заводе. Родился в Житомире, оттуда пошел на войну. Служил в 10-й типолитографии – были в армии такие

войска. У меня 6 орденов – два Отечественной войны, два – Красной Звезды; «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени – это уже в мирное время, за труд. Я не назвал медалей.

Победа застала меня в Праге. Нас встречали с цветами и пирогами, со слезами на глазах, со словами «На здрав!». Никогда этого не забуду. Я там оставался в наших войсках до 1949 года, а потом до 1956 года служил на Курилах. Когда вышел Указ Хрущева о военных кадрах, меня отправили в запас, и я с семьей уехал в Минск. У меня уже тогда было два сына, оба выросли, один – часовой мастер, другой живет в Израиле. Я был там, приезжал к сыну, посмотрел. Он просил меня остаться, но я не захотел. Там, конечно, прекрасно, но я привык сам за все платить, зарабатывать, приносить пользу стране. И потом, не забывайте, мне ведь скоро 80 лет. Но я еще хоть куда, чувствую себя молодцом.

Я вырос в многодетной семье, нас было 11 человек. Отец был простым рабочим, жили мы небогато, но очень дружно. И главное, что бы сегодня ни говорили, мы очень гордились нашей Родиной, и не все так было плохо, как некоторые сейчас хотят представить. Я – счастливый человек. Посудите сами: пройти всю войну, через Сталинград, Курскую Дугу, дойти до Берлина и остаться живым, – разве это не счастье? Хочу передать всем воинам и друзьям 10-го Уральского добровольческого корпуса 4-й танковой Армии огромный привет от счастливчика Михаила Брагинского.

Шустерман Борис Самуилович. Живу в Минске. Я заместитель председателя республиканского совета ветеранов. В 1941 году шестнадцатилетним парнишкой бежал из Минска от немцев. В Башкирии меня взяли в армию, в знаменитые Тощки и Гороховецкие лагеря. А знамениты они были тем, что там людей вообще не кормили, через полтора месяца я потерял почти 20 кг. Эти бригады должны были сдавать государству продукты, а где их взять? Вот, нас, солдат, и не кормили. Я снова бежал – на этот раз в десантные войска, нас потом перевели в пехоту, мы были так называемый резерв Сталина. Прослужил всю войну. В 1945 году был награжден Орденом Славы на 3-м Украинском фронте, сразу после Вены.

У меня хорошая семья, уже взрослые дети – дочь и сын, жаль, что неженатые, очень хочу внуков.

Живем мы по сравнению с другими не очень тяжело. Одежда у меня вся еще с советских времен, только на обувь приходится тратиться, на специальную ортопедическую из-за ранений в ногах. На питание хватает, что такое «Сникерс», правда, не знаю, не пробовал, а так все вполне сносно, жить можно у нас в Минске. Единственное, что меня не устраивает – это распад страны. Мы так разобщены. Доехать куда-нибудь сложно, билеты дорогие, письма идут месяцами, позвонить – накладно. И все-таки я чувствую себя счастливым и молодым человеком. Ведь всем нам, которые прошли войну и встретили Победу, всего лишь 55 лет – мы ее ровесники!

Линумян Белла Львовна. Я приехала из Армении, из Кировокана. Помните это страшное землетрясение – так это почти эпицентр, 18 км от Спитака.

Родилась в 1925 году в Брянской области, эвакуировались в Ульяновскую область, а после освобождения своего города от немцев в 1943 году вернулась домой. С февраля 1944 года я вступила в войсковую часть, в местный эвакуопункт, это был 1-й Белорусский фронт, управление госпиталей, я была медстатистом. С этой войсковой частью я через Барановичи, Бобруйск, Брест дошла до польского города Лодзь. Там в

Польше, я вышла замуж за офицера Польской Армии. В 1946 году часть расформировали, и мы с мужем вернулись в Советский Союз, его перевели в резерв Закавказского Округа. Мы прожили с ним очень хорошую, счастливую жизнь. К сожалению, 12 лет назад его не стало. У нас трое детей, две дочери живут со мной в Армении, а сын, научный работник, доктор биологических наук, живет в Канаде.

Сейчас жить в Армении очень трудно, денег не хватает, отопления нет уже почти 12 лет, свет подают по графику на несколько часов в день. Зимой обогреваемся железной печкой. Но все это искупается прекрасным отношением к нам, евреям, особенно ветеранам. Я никогда не чувствовала себя изгоем в Армении, напротив. Да и нас осталось там очень мало. Надо сказать, у нас с армянами похожие судьбы. Пройдя через страшный геноцид, они хорошо понимают, что такое притеснение целого народа. Кроме того, они признают, что евреи – народ умный, интеллектуальный. Почти, как мы, армяне, шутят они.

Лично мне жить не очень тяжело. Я приезжаю к внукам в Москву «перезимовать», они неплохо устроены. Внучка, умница, работает переводчицей в ЦКБ. А если бы не они, как бы я выжила?

Шор Ефим Еремеевич. Я прибыл из Алма-Аты. Очень доволен тем, что нас пригласили сегодня в Москву, сам бы я никогда не смог приехать, прежде всего из-за отсутствия средств. Как хорошо, что мы посетили Поклонную гору, памятник еврейской культуры – синагогу, музей в этом центре. Спасибо организаторам за прекрасный ужин в еврейском ресторане.

В Алма-Ате евреям живется неплохо. Назарбаев к нам относится хорошо, старается сохранить в республике дружбу, которая была раньше. У нас ведь там десятки разных национальностей – и казахи, и русские, и немцы, и евреи, и армяне, и азербайджанцы, все замечательные люди, я их уважаю и со всеми дружу. Со многими из них служил в армии. Я – кадровый военный, отслужил в армии 40 лет, там и остался работать в воинской организации.

Родился я на Украине. 10 июня у нас был выпускной школьный бал, мы закончили десять классов, а 22-го началась война. С первых дней на войне. Сначала – было очень больно – мы отступали. Зато потом наступали, освободили Элисту, Ростов, Донбасс и Донбасскую область, Бендеры. Больше всего из военных дней мне запомнилось взятие Ростова! Но об этом можно говорить долго. Был трижды ранен.

Победу встречал под Берлином. Служил в местных органах управления Верхней Австрии до 1954 года. Потом с семьей поселились в Алма-Ате. У меня дочь, внучки есть, скоро будет правнучка. А жена 7 лет назад умерла. Мы с ней в школе вместе учились. В 1944 году после второго ранения попал домой, и тогда 7 ноября мы с ней расписались, и я тут же уехал опять на фронт. И вот остался жив!

И за границей, и дома, в Казахстане, я лично с антисемитизмом не встречался. Ни в армии, ни дома никто никогда не сказал худого слова о моей национальности. И вся семья моя с этим никогда не сталкивалась.

Ройтберг Яков Самойлович, полковник в отставке. Живу в Алма-Ате, а родился на Украине в городе Тульчине, Винницкой области. Семнадцатилетнего меня направили в училище, а по его окончании – в составе военной бригады – на Закавказский фронт боевых действий в Иран. Там, в горах, на границе с Туркменистаном, это юг

Ирана, мы везли в порт Басру вооружение, боеприпасы, разобранные самолеты на машинах – все это мы получали по ленд-лизу. Там было два направления, одно на Баку, другое – на Ашхабад. Немцы эти дороги постоянно подрывали.

После войны я был выведен на территорию Туркменского военного округа, где я много лет служил командиром роты, прошел все командные должности. Потом я окончил Академию имени Фрунзе в Москве и стал начальником штаба полка, был начальником оперативного отдела дивизии. В конце концов меня направили в Алма-Ату на должность начальника штаба мотострелковой дивизии.

У меня была хорошая семья, но супруга недавно скончалась. Из двух дочерей старшая – врач, начальник поликлиники республиканского МВД, прекрасный специалист, у нее двое детей – два моих внука. Младшая дочь – переводчица с английского языка, там тоже все хорошо. Живу я в хорошей квартире, пенсии мне хватает, так что живу нормально.

В последние годы стал посещать синагогу, интересоваться историей иудаизма. Младшая дочь приносит книги, она член общественного фонда, она пользуется в нем авторитетом, мне это приятно. Мы встречаемся, обсуждаем свои проблемы, изучаем нашу историю, поем песни. Вот я, например, разыскал и записал с разных кассет на одну 18 фронтовых песен – 9 песен начала войны и 9 других периодов. Так что живем интересно. Я весьма благодарен организаторам нашей встречи в Москве за теплый прием, за встречу с ветеранами, за прекрасный концерт.

Самуилов Исахак Авнерович. Родился в городе Коканда в Узбекистане, в Ферганской долине, сейчас живу в Ташкенте. В 1942 году в 17 лет ушел добровольцем, меня сразу направили в артиллерийскую школу, а оттуда я уже попал на фронт, в 58-й ОГПТИД – отдельный гвардейский противотанковый истребительный дивизион. Я был заряжающим противотанковым, мы подбили десятки вражеских танков. Участвовал в освобождении Белоруссии, Польши. Победу встретил под Кенигсбергом. После одного из своих многочисленных ранений перешел в 119 полкгруппу разведки. 16 октября 1944 года был одним из тех немногих, кто перешел государственную границу СССР в Германии, получил личную благодарность Главнокомандующего Сталина «За отличные боевые действия по вторжению в Восточную Пруссию». Тогда шли бои и в Венгрии, и в Австрии. Но ни один солдат еще не был на немецкой земле. И вот я и мои товарищи перенесли войну на немецкую землю. Мы взяли их первые города – Гольдап, Шталупенин, Гумбенин и другие. Помню один бой, когда у немцев было 50 танков, у нас – 12 пушек, взвод автоматчиков, взвод ПТРовцев. Мы яростно сопротивлялись, из 150 человек осталось 9. Я получил сильное ранение, не мог ходить до июня 1949 года.

Больше всего я горжусь тем, что был разведчиком и выполнял вместе со своими друзьями Шерстневым, Рожковым и Морозовым ответственные задания. С благодарностью вспоминаю майора Кулешова, он тогда еще капитаном был, человека честного и порядочного, который очень заботился о своих подчиненных. Он меня спас однажды, потом я его спас. После одного боя, когда оставалось совсем немного, мы получили приказ уйти в лес. Я услышал стон нашего капитана, увидел его лежащим на земле. И мы – Петр Башкирцев, Саша Александров и я – волоком вытащили его в лес. Вокруг танки, стреляют над головой, но мы спасли его.

Еще я горжусь тем, что спас трех немецких детей и их мать. Это было 16-17 февраля 1945 года в Восточной Пруссии. Мы брали его штурмом. И вот старший лейтенант Морозов дает мне задание: «Самуильчик, – меня так все звали на фронте, –

надо пробраться в дом и уничтожить немецких коррективовщиков, которые там засели. Я пробираюсь, тихонько смотрю в окно и вижу – лежит женщина, вокруг нее трое детишек лет 7-10. Меня увидели, испугались, заплакали. Ну, я обработал женщине рану, перебинтовал. Они немного успокоились и что-то лопотать стали по-немецки. Я понял, что они не ели три дня. Пошел принес им мяса вареного, хлеба. Жалко их было. Когда я уходил, старший мальчик порылся в кармане и дал мне медальон серебряный. Я его потом с собой в гимнастерке носил, но потерял, вернее, он у меня в колодец упал. Я все время этих детей помню, помнят ли они меня? Я вообще детей люблю. После войны долгое время в школе работал. Преподавал литературу, русский язык и черчение с рисованием. Рисую неплохо. Отличник народного образования Узбекистана.

Да, жизнь я прожил непростую. После войны был арестован, судили по 58-й статье. В 1950 году мы, студенты, создали подпольную организацию СБСРП – Союз борьбы за справедливость, равенство правовое. Мы хотели, чтобы СССР был правовым государством. Мы тогда еще не знали о существовании Венской Конвенции. Нас выдал пятикурсник Быковцев, мы все получили по 15 лет – 10 лет тюрьмы и пять ссылки. Но Сталин умер, и я отсидел всего 3 года и 2 месяца, в Омске-13. Обо мне даже книжку написал Энвер Арипов «Петля несправедливости». Да, несправедливости в моей жизни было много. Но у меня хорошая семья, жена, бывший инженер, сейчас на пенсии. Два сына, оба вертолетчики, у каждого своя семья, своя квартира. Жить можно. Жаль только, что русскоязычное население уезжает, и наш круг общения сужается. Я ведь из тех, кто может за себя постоять. А так, конечно, и на работу не брали, потому что я еврей. Но я привык бороться, никогда не сдаваться и к людям относиться с добром, с пониманием. И они мне отвечают тем же.

Дейч Меер Мордухович. Родом из Латвии. В первые дни войны добровольцем ушел на фронт. Служил в Латышской дивизии. Мы кончали войну в Латвии, там был такой Котел, немцы там еще остались, они держали плацдарм на территории бывшего Советского Союза в надежде, что еще вернуться и пойдут в наступление. Потом я приехал в Ригу, там меня направили в Калининград на курсы высшего офицерского состава и уже оттуда я демобилизовался.

В мирное время был заготовщиком обуви, закончил техникум, институт. 17 лет был директором крупного обувного объединения в Риге. У меня хорошая семья, трое детей. Я еще работаю, но уже не директором.

Жить сейчас всем нелегко. Особенно, если сравнивать с тем, что было до развала Союза. Пенсионеры тогда получали 120 рублей, и на эти деньги могли нормально жить. Тех 60 лат, что мы теперь получаем, даже на самое необходимое не хватает. Мне легче, чем другим, так как я работаю. Я очень признателен Федерации еврейских общин России, которая нас пригласила сюда в Москву и устроила нам замечательный прием.

Роговой Герц Моисеевич, капитан, инвалид Отечественной войны 2-й группы. Родился в Киеве. Войну начал с 1941 года, когда еще учился в девятом классе, совсем мальчишкой. И сразу попал на оборону Киева, участвовал и в обороне Москвы, воевал под Сталинградом, на Курской дуге получил три тяжелых ранения в один день, с тех пор инвалид. У меня четыре боевых ордена.

Самое страшное воспоминание войны – это бои под Сталинградом, в декабре 1942 года. Нам было приказано удержать небольшой разрушенный дом. Послали туда взвод, 40 человек, и 3 станковых пулемета. За сутки от трех пулеметов не осталось ни

одного, из 40 человек – только 7 живых без боеприпасов. Обрато отходить было нельзя – за это расстрел. И тогда мы нашли лаз в подвале этого дома и решили в нем пересидеть. Вскоре туда попала мина и нас засыпало, мы оказались в замкнутом пространстве. Мы там просидели больше суток, и, в этот дом попала еще одна мина, осколком которого меня ранило, зато образовался новый лаз, через который нам удалось выбраться.

На войне я был обычным пулеметчиком, командиром пулеметной роты, там мне присвоили звание лейтенанта. После тяжелых ранений я долго лежал в госпитале. Меня восхищали врачи, сестры, которые нас лечили, ухаживали за нами. И я тогда дал себе слово, что тоже стану врачом, и стал им. В 1944 году я поступил в медицинский институт, в 1949 году его закончил и около 50 лет отработал врачом-терапевтом. Работал на знаменитом Андреевском Спуске, помните тот дом, где жил М. Булгаков – это был мой участок, я там 25 лет был участковым врачом на одних и тех же улицах. А потом еще 23 года работал в военном санатории.

У меня жена, дочь, есть и внуки. Я счастливый человек. И вообще, все мы, здесь собравшиеся, абсолютные счастливчики. Мы иногда забываем об этом. Судите сами: из ста человек нашего поколения, 1923–1925 годов рождения, живыми после войны в 1945 году, по официальной статистике, вернулись только три человека, как правило калеками. После этого прошло 55 лет. И мы живы!!! Мы – антиквариат! Из моего класса, того девятого, их было два – «А» и «Б», из 40 ребят живыми вернулось только четверо, сейчас осталось нас только двое. Выпуск мединститута 1949 года составлял 850 человек, из которых парней было всего 40. Знаете, если бы явился ангел и спросил меня, хочу ли я вернуть себе молодость, отказался бы. Такой тяжелой молодости, как была у меня, – не дай Б-г. Нет, я не хотел бы. До 1960 года не закрывалась моя рана. А вот начать жить опять лет с 45 – это пожалуйста.

Что касается антисемитизма, то я его практически никогда не чувствовал. А сейчас есть отдельные вспышки, но я считаю, что их провоцируют. Вот у нас в Киеве, например, есть Рабинович, это как ваш Березовский, тоже олигарх. Или еще Дворкис, начальник команды «Динамо», который надумал стать мэром. За него проголосовали около 150 тысяч киевлян, а за Омельченко – более 500 тысяч. Тогда-то и началось: вот жида, лезут и т. д. А на войне такого не было. Те, кто был на передовой, такого и в мыслях не держали. А потом была страшная смена кадров. Помню, на Курской Дуге в мой взвод прислали новое формирование – 50 мальчиков-узбеков. Я тогда еще смеялся над ними, простить себе этого не могу. Они, кроме слов «котелок» и «каша», ничего по-русски не понимали. И вот в первом же бою все до одного были убиты. Все до единого! Необученные, совсем юные. Ужасно! И таких, как они, было очень много. Откровенно говоря, я считаю, что войну с немцами мы выиграли только потому, что засыпали их своими телами. Вот опять простая статистика: мы, победители, потеряли 27 миллионов, а они, побежденные, – 7 миллионов. А уж если сравнивать, как живут сейчас эти победители и побежденные...

Конечно, история обошлась с нами не лучшим образом. Сейчас трудно всем. Это я еще более-менее хорошо живу. У меня пенсия, по нашим меркам, большая – в переводе 40-45 долларов в месяц. А у меня ведь 58 лет и 10 месяцев стажа вместе с фронтовым. Это я недавно узнал. Но я счастлив, я радуюсь жизни – каждому дню, каждой минуте. Я – оптимист, у меня есть желание и повеселиться, и пошутить, и стопку выпить. Нет, я очень счастливый человек!

Мильман Михаил Самойлович. Родился я в Киеве в 1923 году. На пятый день войны 27 июня 1941 года, ушел на фронт. Пришел сам, добровольцем. Родителей у меня не было, мать умерла при родах, отец сбежал. Я чуть не погиб, спасла меня женщина, говорили, что она «легкого поведения», у меня язык не поворачивается так ее назвать. Год она меня кормила, потом тоже ушла. Как я выжил – сам не пойму. Скитался, был беспризорником, детдомовцем, сидел в колонии, воровал, голодал ужасно. Помню, нас беспризорников, собрали как-то, и мальчиков и девочек, более тысячи человек, и посадили зимой в огромное, холодное помещение на Ласточкина, бывшем Вознесенском спуске, там раньше клуб был. И не кормили несколько дней. Умирали просто от нечеловеческих условий, от голода и холода, от вшей. Вспоминать страшно. Мне после этого и на войне не так уж страшно было. Хотя на фронте я был четыре раза ранен, два раза тяжело. Демобилизовался в ноябре 1945 года инвалидом Отечественной войны 2-й группы.

Всю войну прошел, что называется, вдоль и поперек. С антисемитизмом никогда не встречался – даже не знал, что это такое. Все воевали за одно – за Победу! После первого тяжелого ранения было еще одно легкое, я отлежал месяц и десять дней, и меня с другими молодыми ребятами отправили в Уральские степи, под Оренбург. Туда была эвакуирована полковая школа из Новоград-Волынского. Суровая такая школа. Я ее прошел. Получил много специальностей. Работать-то я начал в 13 лет, учеником токаря. Работал много, а ничего не получал. После войны прошел курсы фотомастеров, стал фотографом-художником. 25 лет обслуживал «слуг народа», съезды, правительственные и иностранные делегации и пр. Кроме того, работал и в коммерческой фотостудии. Так что денег хватало.

У меня была замечательная жена, мы с ней прожили 49 лет, 6 лет назад ее не стало. Есть у меня два сына, два внука, внучка – вышла замуж недавно. В общем – я счастлив. И всем благодарен за то, что жив, за то, что я здесь. Желая всем счастья и здоровья.

В это время в разговор включается доктор Роговой: Знаете, Михаил Самойлович скромно умалчивает, что награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды и что поехал он сюда представителем от Киева как кавалер солдатского ордена Славы. Это заслуженный человек. Он воевал крепко, основательно, на совесть. Это настоящий солдат.

Ягнетинский Лев Евсеевич. Родился на Украине, сейчас живу в Вильнюсе. На войну ушел досрочно, в 17 лет. Перед этим была эвакуация. Механик, служил в авиации в 168-м гвардейском истребительном полку. Начал старшим сержантом, закончил капитаном. Служил на Украине, на Кавказе, на Дальнем Востоке. Хорошо запомнил 17 апреля 1944 года, хоронили Ватутина. Победу встретил в Югославии, в местечке Аджацы. В армии оставался до 1956 года. Закончил институт. Проработал до пенсии заведующим отделом в институте строительных материалов.

После войны женился, жена у меня из Вильнюса, я туда и переехал. У нас дети, внуки. Жизнь в Вильнюсе, я считаю, нормальная. Государство делает все, чтобы антисемитизма не было. Нас привлекают к участию в общественной жизни, и отношение к нам хорошее. Но есть пара бульварных газет, которые могут что-то себе позволить. Я говорю по-литовски. Сейчас выучил иврит и идиш. Дочка моя была в Израиле, училась там, хорошо знает иврит. У нас очень сильная еврейская община, она нас поддерживает, объединяет, мы собираемся, отмечаем вместе праздники, вспоминаем прошлое.

Вообще жить в Вильнюсе, как и везде, наверно, нелегко. Пенсии хватает только на питание. Но ничего, не жалуемся.

Гуревич Арон Львович. Заместитель редактора газеты «Ховейрим», а также заместитель председателя представительской части Ассоциации евреев-ветеранов войны. Есть у нас в Латвии такая организация. Родился я в Риге, кончал здесь гимназию. Жена у меня тоже рижанка, мы оба фронтовики, жена была ранена. Два брата ее погибли в Латышской дивизии. Сам я воевал на границе с Латвией, потом под Москвой, под Тарусой и т. д. Закончил за 6 месяцев танковое училище, стал командиром танка, прошел с ним Николаев, Кишинев, Будапешт, Вену, закончил войну 11 мая 1945 года в Праге. Нас там встречали как спасителей – обнимали, целовали. Был дважды ранен, горел. Участвовал в разминировании Севастополя, Инкермана. Ездил на Целину. Закончил службу в звании майора. Служил в армейских частях до 1963 года, после чего вернулся в Ригу и 30 лет проработал на заводе «Коммутатор», родственнике ВЭФа.

На фронте я антисемитизма не ощущал. В бронетанковых частях была, что называется, железная дисциплина. Ничего такого никто не позволял себе. Сам я человек жесткий. Футболист, до войны играл в спортивном обществе «Маккаби», потом в Румынии, Венгрии.

Живем мы сейчас в Риге сравнительно неплохо. Мы с женой – военные пенсионеры. Сыты, одеты. Но вот коммунальные услуги – они очень дорогие. Так что мы тоже держимся на пределе. Помогает и наша Ассоциация. Ветеранов войны в ней 500, из них 120 инвалидов – это все рода войск, и танкисты, и пехотинцы. 250 человек Ассоциации – окопные солдаты-фронтовики. Помогают и тем, кто обеспечивал тыл.

В Латвии сейчас всего 11 тысяч евреев. К нам, я считаю, относятся хорошо. Латыши – народ умный. Но и самим нам надо правильно себя вести, уважать чужие традиции, обычаи. Если живешь в стране, надо выучить ее язык, знать ее культуру, тогда и к тебе будут хорошо относиться. Сам я латышский знаю хорошо.

Паписмедов Яков Ошуакович. Родился в 1920 году в Цхинвали, сейчас живу в Тбилиси. На войне был с первого года, воевал под Керчью, Сталинградом. Два раза был ранен. Имею боевые награды. После войны я вернулся в Тбилиси, женился. У меня четверо детей, внуки, внучки. Жена умерла 13 лет назад. Живу сейчас с дочкой. Жить тяжело, конечно. Всех льгот ветеранов войны лишили. Денег хватает практически только на хлеб. Я всю жизнь работал на химическом производстве.

К евреям в Грузии относятся хорошо. Если бы денег побольше – вообще все было прекрасно. Хочется всем подарки купить, детям, внукам, а нет возможности. Очень благодарен Федерации еврейских общин России за то, что она нас позвала на этот праздник в Москву – для нас это просто сказка, мы никогда бы не смогли сами сюда приехать. Огромное всем спасибо за внимание и заботу. Я сам заместитель председателя еврейской общины Грузии. В Тбилиси две синагоги. Знаю, каких трудов и денег все это стоит. Большое всем спасибо. Приезжайте к нам в Тбилиси.

Тарашинский Иосиф. Польский чистокровный еврей. В 1939 году вместе с семьей бежал из Варшавы, когда туда уже вошли немцы. Чего это стоило, мы прошли через ад. Но все-таки мы прорвались в Советский Союз, завербовались на лесоразработки. А 10 апреля 1941 года мы приехали в Харьков и вскоре снова попали в оккупацию. С 16 тысячами евреев, которые не смогли эвакуироваться, мы оказались в гетто. 30 декабря нас повели на расстрел. Отца, мать, брата – всех расстреляли. Маме было только 38 лет, брату – 20, отцу – 59. Мне чудом удалось бежать. Меня спасла девушка, спрятала в армянской семье – это были мать, ее сын Вартан и девушка, моя спасительница. Они стали для меня родными людьми. В 1943 году, мне было тогда почти 18 лет, мы с Вартаном пошли в армию, но попали в разные части. Вартан сразу начал воевать ручным пулеметчиком и вскоре, при освобождении Витебска, погиб. А я попал в полковую школу младших командиров. Проучился 6 месяцев и узнал, что отличников будут оставлять в школе, а не посылать на фронт. Я стал плохо учиться, чтобы попасть на фронт – мне надо было мстить немцам.

И вот в 1944 году я попал в состав 8-й гвардейской танковой бригады 20-й танковой дивизии. Дошел до Берлина. После войны командир контрразведки подполковник Гусев узнал, что я владею польским и немецким языками, и взял меня к себе. Мы с ним служили в Германии. Но он получил назначение коменданта в Краков, а меня с собой взять не мог. И тогда он меня спросил: «Тарашинский, ты хороший солдат, куда ты хочешь, чтобы я тебя определил?». Я попросился на курсы шоферов. Закончил их. И уже в декабре 1946 года нас из Германии вывезли в Баку, в Сальянские казармы. Служил в Кировабаде, Ханларе, потом Шанхоре. В апреле 1948 года демобилизовался и приехал к той армянской семье, женился на той девушке-армянке. И вот уже 52 года мы с ней живем душа в душу. Она была названа Праведником мира. Зовут ее Кнари. У нас одна дочь, два внука и одна правнучка.

Я родился под счастливой звездой. Прошел все круги ада. Это только десятая часть того, что я пережил. Живем мы очень трудно. У нас маленькая пенсия, а все страшно дорого, у нас же блокада. Поезда не ходят. Из Армении можно попасть только в Грузию. Но отношения между людьми прекрасные. Евреи в почете. Если бы не люди – я бы не выжил. Мне так везло на хороших людей.

Бабицкий Беньямин Евсеевич. Родился в Белоруссии, в Гомельской области. Но живу сейчас в Алма-Ате. После окончания медицинского института, на третий день войны я уже был на фронте, в 443-м стрелковом полку 160-й дивизии 40-й армии. По специальности я врач-эндокринолог. В армии был начальником санитарной службы отдельного армейского батальона, который снабжал армию боеприпасами. Наша армия вернулась в Одесский военный округ, которым командовал Георгий Жуков. Его Сталин понизил в должности. После войны я как-то пошел к Жукову с просьбой демобилизовать меня. Но он меня не принял, а велел передать, что скоро будет приказ о демобилизации всех специалистов, чтоб я потерпел.

Действительно, в октябре 1946 года я демобилизовался, пришел в министерство и сказал: «Хочу работать». Направили меня в Алма-Ату, там тогда требовались специалисты. Я начал работать сразу же, как только прописался. Сначала участковым врачом, а потом заведующим 5-й лабораторией, главным врачом 2-й объединенной больницы, где я проработал 18 лет. Оттуда меня перевели в другую, 10-ю городскую больницу, тоже главным врачом. Я работал главным врачом в общей сложности 32 года.

Свою жену я встретил во время войны, она работала санитаркой. Она фельдшер.

У нас два сына, один из них кинорежиссер, получил три высших образования, закончил два института, политехнический и театральный у нас в Алма-Ате, и ВГИК в Москве. Сейчас он снимает очень интересный фильм, уже половину снял, на другую денег не хватает.

А так все хорошо, слава Б-гу. Огромное спасибо всем, кто нас пригласил на этот праздник. Мы провели здесь чудесное время, с прекрасными людьми, побывали в красивых местах, на замечательном концерте. Большое спасибо.

ВСТРЕЧА НА ВЫСОКОМ УРОВНЕ

Впервые в истории внешней политики России министр иностранных дел приветствовал международную делегацию евреев-ветеранов второй мировой войны, впервые глава МИДа уделил внимание современной жизни еврейских общин в России и в мире.

12 мая 2000 года Игорь Иванов встретился с еврейской делегацией, которую возглавили председатель объединения раввинов СНГ р. Берл Лазар и президент Федерации еврейских общин России Михаил Глуз. В состав делегации вошли ветераны Великой Отечественной войны, приехавшие в Москву на международную встречу «Мы снова вместе!»

Встреча в министерстве иностранных дел продолжалась полтора часа вместо предусмотренных протоколом тридцати минут. Министр обещал оказывать посильную помощь воссозданию еврейских общин, одобрил процесс возрождения единого национально-культурного пространства. Большое внимание на встрече было уделено бесправному положению ветеранов в странах Прибалтики. Министр выразил обеспокоенность нарушениями прав человека в Латвии и других прибалтийских странах, где ветераны лишены каких-либо льгот и поддержки. Обсуждались вопросы предоставления специальных пролонгированных виз ветеранам, живущим в странах СНГ, и выдачи российских юбилейных медалей гражданам Израиля. Игорь Иванов с интересом выслушал информацию о проекте создания международной ассоциации ветеранов-евреев под эгидой Федерации еврейских общин России.

Встреча придала особый статус международным акциям проекта «Мы снова вместе!», осуществляемых ФЕОР. «По мнению министра, резонанс от этих акций огромный», – говорит Михаил Глуз. «Встреча была очень интересной, – отмечает раввин Берл Лазар. – Это человек, которого безусловно интересует судьба еврейских общин в России и других странах СНГ. Он готов уделять нам свое внимание, оказывать нам поддержку, и мы надеемся на дальнейшее сотрудничество».

С Игорем Ивановым беседовали представители Израиля, Литвы, Латвии, Казахстана и Белоруссии. Все они проявили героизм в годы войны, самоотверженно защищали Родину. О судьбе каждого из них можно писать книги. Это Борис Заславский, вице-президент Ассоциации ветеранов и инвалидов войны в Израиле, участник Сталинградской битвы, танкового сражения на Курской дуге; Адольф Болотин, член правления вильнюсской еврейской общины, физик-теоретик, профессор Вильнюсского университета, в годы войны командир пехотного взвода, прошедший Украину, Молдавию, форсировавший Днестр, тяжело раненный в Румынии; Зиновий Сегаль, на протяжении всей войны служивший в эскадре черноморского флота – на эсминцах «Беспощадный» и «Бодрый», участник высадки десанта на плацдарме «Малая Земля», обороны Севастополя, Кавказа; Яков Ройтберг, член правления еврейской общины города Алма-Аты, воевавший на Северном Кавказе, участвовавший в ликвидации немецких диверсионных групп в Иране, которые подрывали горные перевалы и серпантины, ведущие к Баку, после 38 лет военной службы ушедший в отставку в звании полковника; Арон Миндлин, участник боев на Орловско-Курской дуге, где выполнял разведку боем, на Украине, в Венгрии, Австрии, продолжающий в 81 год трудиться слесарем электро- и газоснабжения в Минске.

Встречу ветеранов Великой Отечественной войны с главой российской дипломатии следует оценить как весьма важную и полезную встречу на высоком уровне.

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ

ГАЗЕТА В ЖУРНАЛЕ

В начале мая в Москве в рамках празднования 55-й годовщины Победы в концертном зале «Россия» проходила международная встреча ветеранов второй мировой войны из США, Израиля, Австралии, стран СНГ и Балтии. Название встречи «Мы снова вместе!» особенно символично. Победа на войне была одержана во многом благодаря фронтовому братству и многонациональному единству. Единая «фронтальная шинель» укрыла всех – русских, украинцев, евреев, татар. Они были вместе тогда и вместе сейчас.

За день до концерта ветераны войны евреи посетили Мемориальный комплекс на Поклонной горе. На праздничном банкете вслед за традиционными еврейскими песнями звучал «Синий платочек», после песен на идише пели «Землянку». Многие не могли сдержать слез, слез счастья от встречи с фронтовыми товарищами, а кто-то плакал, потому что не везде отношение к ветеранам выдерживает критику, в прибалтийских странах, например, праздника Победы не существует вообще: отменен!

Именно здесь, на банкете, возникла идея объединения ветеранов разных стран под эгидой Федерации еврейских общин России.

Концерт, состоявшийся 11 мая, начался с приветственных обращений глав религиозных конфессий. Председатель объединения раввинов СНГ р.Берл Лазар сказал: «Наш народ потерял в эту войну многих братьев и сестер. Мы должны об этом помнить. Дай Б-г, чтобы праздник привнес в наши сердца чувство настоящей победы – победы добра над злом».

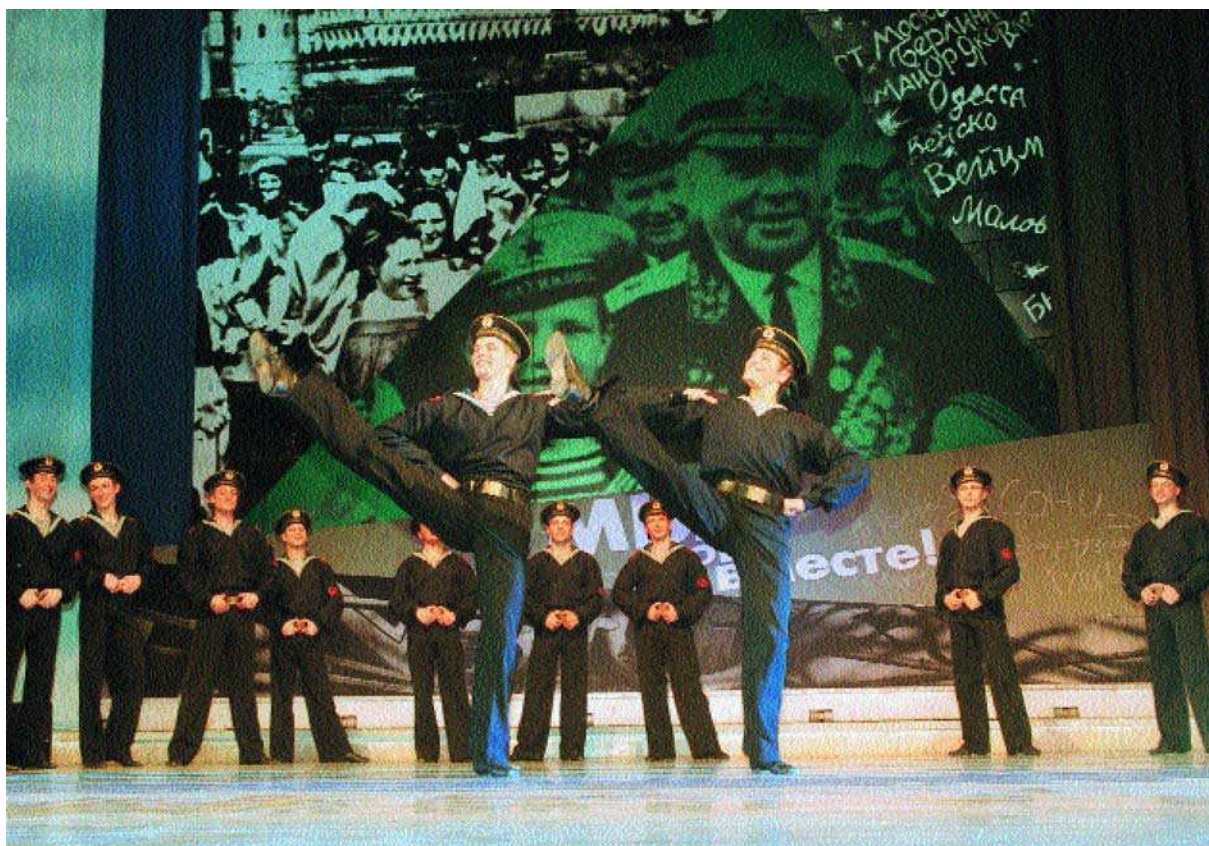

Слева направо: народный артист России М.С. Глуз, президент группы компании «Терра» Игорь Макаров, раввин Берл Лазар, заместитель председателя духовного управления мусульман европейской части России шейх Фарид Асадуллин, протодиакон Всеволод Чаплин, председатель Совета по взаимодействию с общественными объединениями ветеранов и офицеров в отставке при президенте России, дважды Герой Советского Союза маршал авиации А. Ефимов.

Генеральный продюсер концерта президент ФЕОР Михаил Глуз зачитал обращение к ветеранам президента РФ Владимира Путина. «Все дальше от нас Великая Отечественная, но подвиг защитников Родины с годами не меркнет», – говорилось в обращении.

В прологе концерта состоялась премьера песни Михаила Глуза «Молитва» на стихи Аркадия Хайта. Создатель музыки сам исполнил новое произведение. Слушатели тотчас же «подхватили» пришедшуюся им по вкусу мелодию, с удовольствием подпевали. Перед появлением на сцене Людмилы Касаткиной и Михаила Глузского, которые читали прекрасные стихи, на огромном экране зала были показаны кадры из кинофильмов на военную тематику с участием актеров. Знаменитую «Течет Волга» исполнила Людмила Зыкина. Людмила Гурченко, как всегда, с большим чувством, спела несколько популярных песен о войне, объединенных в музыкальную миниатюру «Военная сюита». Хорошо принимали собравшиеся выступления шоу-театра «Тум-

балалайка» и джаз-оркестра Игоря Бутмана, душевные песни Валентины Толкуновой. К исполнению песни «Синенький скромный платочек» Тамара Гвардцители привлекла зал: ветераны пели в микрофон не хуже многих артистов эстрады. Кстати, они продемонстрировали и великолепную физическую форму, когда Надежда Бабкина пригласила их на сцену для танцев с ансамблем «Русская песня». Очень тепло были приняты хореографические номера ансамбля народного танца Игоря Моисеева «Партизаны», «Яблочко», «Бульба» и др. В заключение выступил любимец публики детский танцевальный ансамбль «Буратино» и повторно прозвучала песня «Молитва».

Государственный Академический ансамбль народного танца

под художественным руководством Игоря Моисеева.

По окончании концерта нам удалось побеседовать с участниками международной встречи ветеранов. У большинства из них вся грудь была в орденах и медалях.

– Моя фамилия Бубер, Герой Советского Союза с финской войны, номер моей звезды 137. Я счастлив, что побывал на этом концерте! Спасибо организатором праздника.

– Баршт Абрек Аркадьевич. Герой Советского Союза. Сам я считаю свой подвиг незначительным. Просто я придумал, как можно управлять артиллерийским огнем с истребителя. Я был командиром истребительной эскадрильи в корректировочном полку. Совершил 28 вылетов на корректировку артогня. Самой крупной целью у меня был штаб обороны Бреслау, были и крупные артиллерийские батареи, батальоны пехоты. Хочу отметить, что все «вопросы о евреях» возникли после войны. На войне в моей эскадрилье служили грузин Сережа Гордадзе, армянин Армен

Пахлеваян, украинец Вася Бабий, евреи Борис Вайнберг и Саша Лапин. Какое мне было дело, кто у летчика папа и мама, главное, чтобы он летел в строю и я мог рассчитывать на него, а он на меня!

Следует отметить, что в организации праздника вместе с ФЕОР участвовал Культурный центр имени Соломона Михоэлса.

Юбилейные торжества закончились. Концерт в зале «Россия» был интересным и очень теплым. Ветераны действительно почувствовали, что «снова вместе!»

МАРКА ПАМЯТИ

Департамент почтовой связи министерства РФ по связи и информатизации выпустил серию марок к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. На марках воспроизводятся советские плакаты, прославляющие воинов Красной Армии: «Ждем с победой!», «Я ждала тебя, воин-освободитель!», «С великим праздником, товарищи!», «Красной Армии – слава!», «Слава воину-победителю».

«Отдельно», вне контекста юбилейной серии, с подчеркнутым уважением к трагедии еврейского народа в годы нацизма, издана марка, посвященная памяти миллионов жертв Холокоста. Трагедию народа символически предает рисунок на марке. По-русски и по-английски на ней написано слово «Холокост», по-русски и на иврите – категорическое «Никогда больше...».

«Выпуск такой марки имеет большое политическое значение, – говорит руководитель департамента почтовой связи РФ Евгений Биргер. – Это означает, что государство отдает дань памяти жертвам Катастрофы. Работа по созданию марки велась давно. То, что она вообще попала в план министерства, говорит о больших переменах, происшедших в нашем обществе и государстве. Понятие “Холокост” впервые признается и произносится на государственном уровне. На следующий день после инаугурации президент России Владимир Путин получил марку в подарок и одобрил ее издание».

В январе 2000 года на Стокгольмской конференции руководители 47 государств приняли декларацию, призывающую помнить уроки Холокоста. В начале мая во многих странах состоялись траурные церемонии и шествия в память о жертвах нацизма.

Художник-оформитель марки Владимир Бейлин. Формат марки 28x40 мм по перфорации. Тираж издания 200 тысяч экземпляров. Номинальная стоимость – 2 рубля.

Презентация марки состоялась 11 марта на международной встрече ветеранов «Мы снова вместе!».

Память государства и его граждан о Холокосте необходима, чтобы ничего подобного никогда больше не повторилось.

«Никогда больше...»

ГАСТРОЛИ «ХАСИДСКОЙ КАПЕЛЛЫ»

Московский мужской еврейский хор «Хасидская капелла» вернулся в Россию из польского города Ченстоховы, где состоялся 10-й Международный фестиваль духовной музыки, с очередным «трофеем» – бронзовым кубком лауреатов.

Фестиваль проходил под патронажем правительства и президента Польши. На торжественной церемонии его открытия присутствовал президент Квасневски.

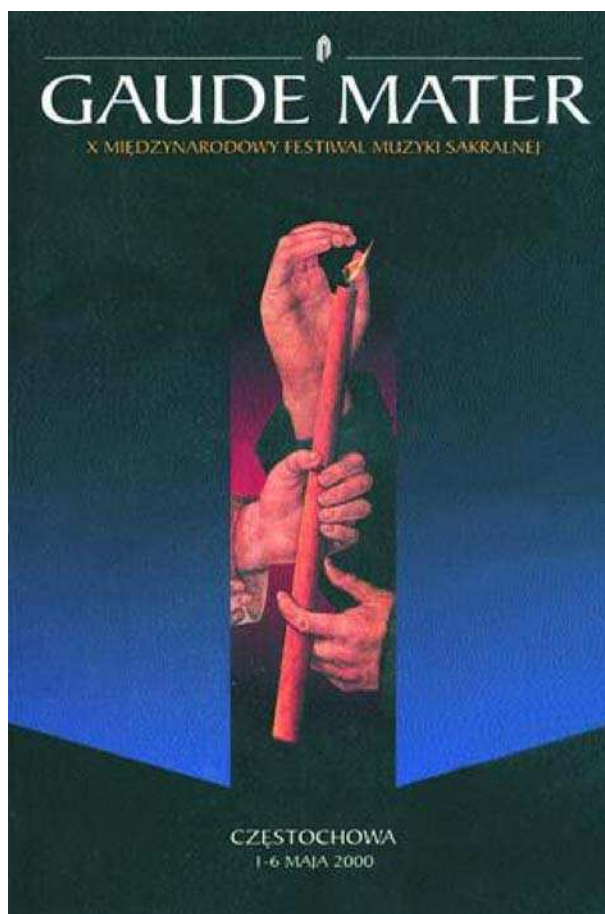
Высокое мастерство хорового исполнения продемонстрировали музыканты из США, Румынии, Белоруссии, Кореи, Германии, Австрии и, конечно, России. Чести открытия юбилейного фестиваля был удостоен известный польский композитор и дирижер Кшиштоф Пендерецкий.

В Филармонии Ченстоховы на совместном концерте хора «Хасидская капелла» с кантором Йосефом Маловани, который длился 3 часа, прозвучало 6 премьер «развернутых произведений еврейской литургии», среди них «Га Бен Якир Ли», «Брих Шмей», «Псалом 122», «Мизмоёр Лэ Довид». Новый репертуар с собственными аранжировками Йосеф Маловани передал хору из Америки незадолго до концерта.

Очевидно, что почетный профессор литургической музыки Иешива-Юниверсити, председатель совета Американского общества еврейской музыки с успехом продолжает нелегкую работу по воссозданию еврейской литургической музыки. Хор самостоятельно изучил и отрепетировал полученные произведения, а в Польше была проведена лишь одна общая репетиция хора и Маловани. Исполнение нового концертного репертуара проходило на высочайшем профессиональном уровне. Телевидение и радио Польши вели трансляцию и запись концерта. Польский президент высоко оценил глубокое, гармоничное звучание хора и непревзойденное искусство кантора. В честь Йосефа Маловани г-н Квасневски устроил торжественный ужин. Президент пригласил хор «Хасидская капелла» и кантора Маловани участвовать 12 сентября в Дне памяти погибших в Освенциме.

Второй фестивальный концерт еврейской литургической музыки проходил в Музыкальной академии города Калиша, в котором когда-то была большая еврейская община.

Представитель польского филиала компании «Universal Music Group» выразил готовность издать диск «Хасидской Капеллы». Скоро новый диск появится в польских музыкальных салонах.

Успех, которого хор добился в Польше, не стал неожиданностью для коллектива. За 10 лет существования хора музыканты посещают эту страну с концертами уже в 20-й раз. В начале месяца Элул, 4–5 сентября этого года, хору предстоит участвовать в большом международном фестивале во Вроцлаве.

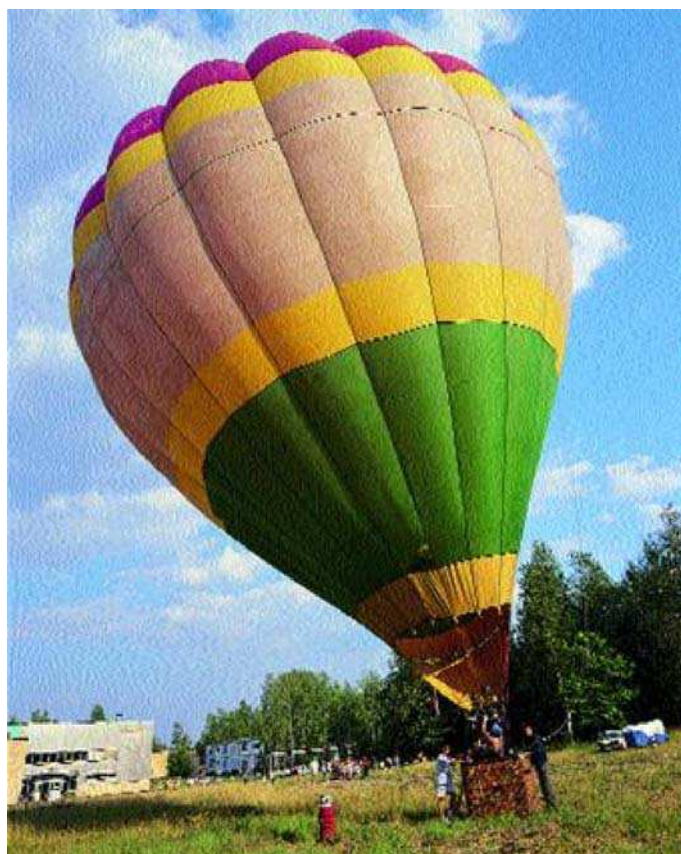
У «Хасидской Капеллы» сезон гастролей сейчас в разгаре. За последние полтора месяца коллектив выступал с концертами в Нижнем Новгороде, Вятке, Иванове, Костроме. В ближайшее время по договоренности с «Джойнтом» и при поддержке Московского еврейского общинного центра «Марьино роща» хор начинает программу еженедельных благотворительных концертов в ряде еврейских религиозных организаций Москвы и Московской Области. В сентябре «Хасидская Капелла» вместе Йосефом Маловани посетит Германию и Швейцарию.

«Мы заново открываем людям богатейший пласт еврейской религиозной музыки», – говорит художественный руководитель и главный дирижер хора «Хасидская Капелла» Александр Цалук.

ОТДЫХАЕМ В «ГАН ИСРОЭЛ»!

Летом самые прекрасные цветы жизни, дети, лучше всего растут в Саду Израиля, в подмосковном лагере «Ган Исроэл».

А теперь, мальчики и девочки, которым от 7 до 14 лет, а также их родители, информация для вас! Долгожданная летняя смена в лагере для еврейских девочек начнется 22 июня и продлится до 13 июля, С 16 июля по 6 августа здесь будут отдыхать мальчики.

Московский еврейский общинный центр предоставит ребятам полный комплекс услуг и развлечений. Во-первых, это спортивные кружки – большой теннис, шейпинг, аэробика, а также спортивные игры. Во-вторых, кружки по интересам: компьютерный класс, рукоделие, театральные и кулинарные кружки, хор. Дети будут получать пятиразовое кошерное питание, свежие фрукты и овощи, а в Субботу, помимо прочего, красную икру. Как стало известно нашей газете «Московское время», красную икру не подают ни в одном летнем лагере еврейских организаций России, кроме «Ган Исроэла». В гостях у ребят побывает цирк, а Театральная студия, наверняка, покажет новый спектакль.

Старшие ребята непременно поедут в увлекательное путешествие (в прошлом году была экскурсия в Петербург). Гарантировано всем плавание на пароходе. Будут в лагере и воздушный шар, и большие надувные батуты для любителей прыгать. Можно будет кататься на лодках и на лошадях. Разумеется, будут вечерние мероприятия – дискотеки, спектакли, конкурсы, игры.

Для работы вожатыми в лагерь приедут студенты и выпускники лучших американских педагогических колледжей. Между прочим, после общения с ними дети возвращаются из лагеря с неплохим знанием английского языка, это нам известно из опыта.

«Пока что 80% детей – “прошлогодние”. Узнав, что и в этом году будет такой лагерь, их родители поспешили прийти записать своих чад», – сообщили нам из синагоги

в Марьиной роще, где идет запись ребят в лагерь. Конечно, длиться она будет не бесконечно. Поэтому поторопитесь: звоните и приезжайте, записывайтесь и отдыхайте! Последнее относится уже к детям.

ИБО ИЗ МОСКВЫ ИСХОДИТ СВЕТ ТОРЫ

(На симпозиуме по изучению Торы)

Das èá ààðí àà ù Òí ðó Èçðàèéþ,

Âññáñíóí èé ðéàçàè:

- Ààè ò á Ì í á ï ï ðó: è ò á è á è, èí ò ï ðú á

ãðáí ò è ðí àà è è áú, ÷ ò í áú áóáá ò á è ðñ ï è í ÿ ò ù çà ï í àá è Òí ðú

- Í àè è ï ðáí ò òú ï ï ðó: à ò ñ ÿ çà í àñ - ðéàçàè è ááðáè.

- Çàñ è ó è àà è ò ï ðáí ò ò á á í á ò á è ó è

è á è è è - ï í è ñ à ï è í ó è à ð ò ñ ÿ

á ï ï ðó: è ò á è ÿ ò.

- Òí àá à ï ðí ðí è è.

Í í Âññáñíóí è è ñ: á è è ò ãðáí ò è è í á í á á è í ù ï è.

- Òí àá à ï óí ò ù í á è è á á ò è.

È Âññáñíóí è è ñ ã è à ñ è ñ ÿ ï ð è í ÿ ò ù

ò á è è ò ï ï ðó: è ò á è á è:

- Á è à ñ à à ð ÿ à à è ï à à ò ÿ ï

á ï ï ï è ò á Òí ðó

«Будет ли кошерен Шор-Абор, если ему сделать шхиту плавником Левиатана?» Вопрос поистине достойный того, чтобы заставить ломать головы знатокам клуба «Что? Где? Когда?» Для начала: кто такой Шор-Абор? Что представляет собой Левиатан (или Левиафан, как принято его называть в европейской культуре)? И, наконец, что такое шхита? Ответить «знатокам» будет непросто.

Зато с легкостью на эти вопросы ответят студенты московской ешивы «Томхей Тмимим-Любавич». Вечная тема Торы, ее неисчерпаемые глубины с новой силой открываются в наши дни. И радостно, что занимаются этим не только умудренные опытом и знаниями мудрецы, но и молодежь. На «Кинус Тойре», симпозиуме, посвященном изучению Торы, можно было в этом убедиться.

По традиции «Кинус Тойре» проводился в первую неделю после праздника Пейсах. Его организаторами стали студенты любавичской ешивы «Томхей Тмимим» Реувен Куравский, Довид Почтарев, Мойше-Борух Бейниш и другие. В работе симпозиума принимали участие раввины Мойше Гойхберг, Мойше Нудельман, Зуша Горелик, Акива Шаргородский, Мойше Тамарин, Зеев Куравский, Аарон Головчинер. В течение трех часов участники симпозиума слушали с неослабевающим вниманием. Им открывались глубокие тайны древней книги, прочтенные и истолкованные молодыми. И представала перед ними величественная картина трапезы праведников, которая состоится, когда в наш мир придет Мошиах и человечеству откроется свет Б-жественной истины. Стол будет уставлен необычными блюдами: гигантской рыбой, гигантским животным, старым вином. Дивной поэзией звучат размеренные строки: «вино, которое сохранилось в виноградных плодах еще со времен Создания мира». Этим вином будут запивать праведники нежную гигантскую рыбу. А что это за рыба? «И сотворил Всесильный больших морских животных» – сказано в Торе. «Гатаним» – рыбы большие, которые в море, – объясняет Аґода, – или Левиосон и пара его. Левиосон, Левиатан,

Левиафан – огромная рыба, таких сотворено было только две – самец и самка. Но так прожорливы оказались эти создания, что пришлось убить самку, чтобы не размножались они. И плавает где-то в океанских глубинах огромный Левиатан, невидимый нашему взору, не имеющий ничего общего с известными нам морскими животными. Его описание можно найти в Торе: «Чешуя его, как щиты, прилегает другу к другу. У него огромные зубы. Оскал зубов его – ужас. Свет его глаз, как свет утренней зари. Он весел, поскольку не боится ни одного творения. Когда он проплывает, за ним освещается дно моря». После прихода Мошиаха в смертельной схватке сойдутся Левиатан и земной гигант Шор–Абор, и погибнут оба в одно мгновение. Левиатан пронзит (сделает шхиту) Шор-Абору своим плавником. Тогда будет приостановлен запрет делать шхиту неразделенным лезвием, и гигантские кошерные животные попадут на стол праведников.

Так завершил свое любопытное исследование вопроса о трапезе праведников студент ешивы Мойше-Борух Бейниш. Всего два года назад он был студентом Московского автомеханического института. Но желание найти ответы на вопросы об устройстве мира, смысле существования, глубинах человеческой психики, овладеть знаниями тысячелетий привело его в стены ешивы.

«Постоянное движение вперед, стремление самосовершенствоваться, развиваться – вот что привело меня в ешиву», – говорит выпускник МГУ Довид Почтарев. Свое выступление на «Кинусе» он посвятил проводам Субботы. Не только правильно встретить царицу Субботу – важнейшая заповедь для каждого еврея, залог его скорейшего избавления из голуса, не менее важно и правильно ее проводить. Ведь сказано: «Пока царя провожают, он находится среди провожающих».

Студентов интересовали темы, открывающие простор для полета фантазии, для исследовательских находок. А вот главный раввин Федерации еврейских общин России р. Берл Лазар вернул участников симпозиума к обыденным, практическим жизненным ситуациям. И тут всем стало ясно, что эти бытовые «мелочи» имеют глубочайший философский подтекст. Быть евреем в полном понимании этого слова не просто. Как им остаться, если жизнь каждую минуту задает, казалось бы, неразрешимые задачи. Как должен отмечать Субботу еврей, приехавший из Москвы в Австралию? Должен ли он следовать своему личному отсчету дней отдыха или присоединиться к общине? А как быть новообращенному, если он прошел гиюр в период отсчета дней омера, – продолжать счет или начать его заново? Ответить на эти и многие другие практические вопросы можно, только внимательно изучая Тору и комментарии к ней наших мудрецов. «На все вопросы вы найдете ответы в Торе и в сочинениях Ребе. Читайте их», – этими словами р. Берл Лазар завершил свой короткий, но поучительный урок.

Вдохновенно прозвучало выступление Довида Шулькина, ученика средней ступени ешивы. В свои 13 лет (Довид недавно отпраздновал бар-мицву) он свободно читает труды Рамбама (Маймонида) в подлиннике. Именно там он нашел высказывание о том, что следовать заповедям Торы – внутреннее желание каждого еврея, даже если он делает это по принуждению.

Серьезная исследовательская работа по изучению текстов Торы, Талмуда, трудов еврейских философов проводится в ешиве не первый год. Очередной семинар состоится вскоре после праздника Швуэс. В нем могут принять участие все желающие. А если вы хотите изучать Тору, Талмуд, еврейскую философию более глубоко и, может быть, сделать это своей профессией, то ешива «Томхей Тмимим» предлагает вам дневную и вечернюю формы обучения, а также индивидуальные занятия и летние курсы.

По вопросам участия в семинаре звоните по телефонам: 924–10–22, 924–10–21, 924–41–29.

Множество молодых лиц, которые встретят вас в ешиве, – залог того, что наш народ освободится из голуса и «Из Сиона будет исходить Тора и слово Всевышнего – из Иерусалима» (Йешаяу, 2:3).

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ בְּרָא-וֹ

ЛАГ БАОМЕР В МОСКВЕ

В Москве, как и в Израиле и во всем мире, 18 Ияра, 23 мая, в 33-й день счета омер был отмечен праздник Лаг Баомер. Не имея возможности поехать к могиле рабби Шимона бар Йохая у подножия горы Мерон в Галилее, молодежь московской еврейской общины отправилась праздновать Лаг Баомер в Подмоскowie, в прекрасный лагерь «Ган Исроэл».

Утром, с 11.00 до 15.00, был проведен праздник для детских садов «Ган Хая», «Хедер Менахем», «Ган Хама» и учащихся еврейской средней школы №1871. Ребятам рассказывали о празднике, потом была викторина по еврейской истории. Много желающих было участвовать в спортивных играх: бадминтон, теннис, волейбол, футбол и, разумеется, в соревнованиях по традиционной для Лаг Баомера стрельбе из лука. Ребята изготовили лук из упругой ветки и лески, сами наточили стрелы. Точно в «десятку» мишени попали далеко не все, но было очень весело. Один из преподавателей школы на Мясницкой, глядя на состязание юных спортсменов, невольно вспомнил слова Бориса Пастернака: «Достигнутого торжества игра и мука – натянутая тетива тугого лука». Праздник для подростков закончился неизменным костром, зажигаемым в Лаг Баомер. По мнению организатора праздника для московских подростков Симоны Мишуловин, он (праздник) удался, и главное, оставил след в душах ребят.

В 16.00 в «Ган Исроэл» приехали ребята постарше. Собралась «золотая молодежь» московской общины – студенты из молодежного клуба, актеры из театральной студии, члены «Еврейской семьи», учащиеся ешивы «Томхей Тмимим». Всего собралось более 100 человек. Праздник организовали директор молодежных программ Московского еврейского общинного центра Юрий Ваганов, администратор центра Отари Паладов, директор программы «Еврейская семья» Вадим Бреслер, администратор молодежного отделения Федерации еврейских общин России Дмитрий Гуськов.

Прежде всего ребята продемонстрировали высочайшее мастерство владения мячом: игра в футбол по накалу борьбы лишь незначительно уступала недавнему финалу Кубка УЕФА. После игры был ужин с шашлыками. Во время застолья Борух Клейнберг поздравил всех с Лаг Баомером, напомнил его историю и традиции. С праздником поздравил ребят и директор МЕОЦ Мордехай Вайсберг.

Кульминацией вечера явился обязательный для Лаг Баомера костер. Одна только пирамида бревен для его зажигания возвышалась на 2,5–3 метра над землей. Взвившийся до небес праздничный костер был виден издалека. Сразу вспомнилась известная молодежи песня с теплыми, символическими в Лаг Баомер словами: «Еще не все погасли краски дня. Еще не жаль огня. И Б-г хранит меня». Дружными усилиями был организован и фейерверк с громкими петардами и ярким салютом.

Все вернулись в Москву довольные, веселые. Осталось отсчитать еще 16 из 49 дней омера до Швуэса, Праздника Дарования Торы.

МАЗЛ ТОВ!

Di'ái úá è äðçüü í îçäðäëÿpò Í ääëà Èáí í èäíâè: à Ààèí à ñ 60-ëäð èäí è æäëðò àì óçáíðíáü, ñ: àñðüÿ è æäãñí îéó: èÿ!

*Í îçäðàäëÿàì Áààðëÿëÿ Bãããããë-à Óàèì íàà ñ90-ëàò èàì .
Áíëãõ, ñ-àñòëèáíõ ëàò àì ó è çãíðíáíÿ!*

*Í îçäðàäëÿàì Èíàà Ì èðíííàë-à Ì àããà ñ80-ëàò èàì . Èðàì èíã àì ó çãíðíáíÿ àì
120 ëàò!*

*Í îçäðàäëÿàì Áóèì à Áðëãðíããë-à Äèíããà ñ80-ëàò èàì .
Áíëüóíã àì ó ñ-àñòüÿ è ðàãíñòè!*

*Í îçäðàäëÿàì Ñíóüð Èíãããí ó Èóò òãð ñ90-ëàò èàì .
Çãíðíáíÿ è óñíãóíã áé àì 120 ëàò!*

*Í îçäðàäëÿàì Óðëãó Çàèì àì íáí ó Ñíóíð ñ80-ëàò èàì .
Æáëààì áé çãíðíáíÿ è ñ-àñòüÿ!*

*100-ëàò í èé þáëëáé í òì àòèèà áÿòíì ããó Áàíÿ Èáé çãíðíáí à Áíóì áí. Áíðíáíÿ
Áàíÿ Èáé çãíðíáí à! Í ðèì è ò á íàòè ñàì ùá èñéðáí í èá è ò àì èúá í îçäðàäëÿàì èÿ!*

*Í îçäðàäëÿàì Áðíà è Èáééó-Ýíòãð Ì ñò ðíáíëèò ñ áðàéíñ-áò àì èàì . Æáëààì èì
æèòü àì èðá è áéããíííëó-èè, à ðíãè òáëÿì ííáíãðà-íúõ æèããòü íò íèõ íáðáí!*

НАСКОЛЬКО ПЛОХИМИ БЫЛИ НЕМЦЫ

Ḥadāe Āḥri

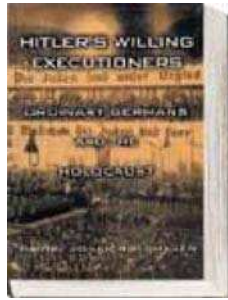

*Ḥiḥadāḥp ḥ Āyīeāḥri Ḥīīte Āīeāḥāḥri ḥi ḥōēēēai īā āḥ ēīeāḥ
"Āīāḥriāḥriūā āōēāḥriāḥriēā īāēā-ē. Dḥāīāīā īāi ōū ē Ḥīēīēīḥō " ā NḤĀ ē īōēai ā
īēāḥri īīi ōāē ā Āāḥri āīēē.*

*Dāēōēy ḥ-ēōāōāēē īā ēīeāḥ Āyīeāḥ Ḥīīū Āīeāḥāḥri "Āīāḥriāḥriūā
āōēāḥriāḥriēā īāēā-ē" āūēā īāīāīīḥriā-īīē. Īmīāīā īāīēi āīēā āīāīāi ēīḥāīīāīēē
Āīeāḥāḥri, 36-ēāōīēē āāḥriēō-īḥriōāḥriḥri īīēēōīēīāē ē ḥōēīēīāēē Āāḥriāḥriāḥriā
ōīēāḥriēōāōā, ōāēyāō īā ḥri īīi ō Ḥīēīēīḥō, īā īāōēḥriēēi āāāḥri ē āāḥriēēēi
āēāḥriāi, ā dḥāīāīāi īāi ōāi, ēīōīḥriā āīīīēīyēē īōēēāḥri īā ī āīōāō ā āīēūēēīḥōāi
ḥri-āāā, ēāē ōōāīēāāāō ēḥriāīīāōāēū āāḥri ā īōīōīī. Īī āḥri īāīēḥ, īā ōīī
yōāīā yōē ēḥriāē āūēē ḥri ḥriāī ōāōēāīūi ē āēy ḥriēēēō ī āḥriāī āōēīā īāḥriā.*

*Īāīē ḥ-ēōāōāēē ēīeāḥ īāḥriēēēḥri īā Āīeāḥāḥriā ḥri īāīāēēai ē: āḥri
āḥriāīōāōēy īḥriāḥriāēyāōḥri ēi āī ḥriēēriā ōīḥriāīīē, ēāōīāē āḥriāḥriā ḥri
īāīēāi, ēīōīḥriā īā īḥriōyāēīēē āāḥriōēēāōēē īōēāāēēāēēḥri ō-āīūā
īōīīḥriōāēūī ḥriēē ōīōāēēōāḥriā ā Ḥīēīēīḥōā ē īā āīīōēāḥriāē ḥriēēīā
ēri āīāīēy īāi āōēīā īāḥriāā ēēē āḥri ḥriāā īō ēīēēāēōēāīēē āēīū. Āḥriā ḥ-ēōāōāēē
ḥri-ēōāḥriō ēīeāḥriā Āīeāḥāḥriā āāḥriāīūi āēēāāīi ā ēēōāāōōōō ī Ḥīēīēīḥōā
ḥriāḥriāēūēi īīīā īīāīā ī ōāḥri, ēōī ōāēōē-āḥriēē īḥriāīōāēyē ḥriāḥriāī īāā
āāḥriāī ē, ī ōīī, ēāē ē īī-āī ō yōē ēḥriāē īīḥriōīāēē ḥriēēēi īāḥriāī ē ḥriōī īīē ḥri ē
āōī āēē ī ḥriēēō āāēḥriōāēyō.*

*Āāḥriāā ḥri Āyīeāḥriā Āīeāḥāḥriāīī, īōēēāēūāy, āḥriāḥriāy ē ā ōī āēā āḥriā y
ī-āīū ḥriāḥriāy, īḥriēḥriāēēā ā āḥri ēāēēīāōā ā ōāīōḥri ēḥriāīīāīēy Āāḥriū īḥri
Āāḥriāḥriāīēi ōīēāḥriēōāōā*

Благодаря интересу, который вызвала ваша книга, вы стали знаменитостью в академических кругах, своего рода Камилем Пальей Холокоста.

Я не согласен с таким сравнением.

И все же, как вы реагируете на то, что оказались в центре внимания?

Для меня это явилось неожиданностью. Я счастлив, что книга привлекла внимание, и сейчас спорные вопросы, можно сказать, на столе, а люди, которых интересует тот период, желающие открыто и честно проанализировать его – будь то немцы или американцы, евреи или неевреи – получили возможность сделать это. Всекие другие отклики я оставляю на ваше усмотрение.

Чем вы объясняете огромное внимание, уделяемое довольно непростому, снабженному многими примечаниями рассказу о Холокосте? Чем он выделился из всех других публикаций на эту тему?

Я пытаюсь переключить внимание с того, что преимущественно обсуждалось до сих пор в данной области – структур, учреждений, руководства, – назад, к действующим лицам. За исключением книги Кристофера Браунинга «Самые обычные люди: 101-й резервный полицейский батальон и "Окончательное решение еврейского вопроса в Польше"» и книги Роберта Джея Лифтона «Нацистские врачи: убийства с помощью медицины и психология геноцида», мало кто затрагивал эту тему. Я предлагаю обратить внимание на рядовых пехотинцев, тех, кто своими руками убивал евреев, и это побудило многих читателей вновь задуматься над тем периодом. Отсюда и множество откликов.

Некоторые критики считают, что вы сбросили со счетов способность тоталитарного строя принуждать людей делать то, к чему они не склонны. Клайв Джеймс в "Нью-Йоркер" упрекает вас в том, что вы снимаете вину с Гитлера и перекладываете ее на немецкий народ в целом.

Изображение в исторических хрониках немцев запуганными, боящимися высказывать свое мнение, если оно не совпадает с официальным, чтобы их не сочли инакомыслящими или стоящими в оппозиции, – это фальсификация! Существует обширная литература, опровергающая это. Вопрос надо ставить иначе: почему в одних случаях немцы проявляли готовность следовать пути, указанному режимом, а в других случаях нет?

В каких же случаях они были в оппозиции к режиму?

Имеются данные об их несогласии с позицией правящего режима, в частности, с его политикой в отношении религии, с экономической политикой, с рабским трудом в Германии.

Нам известно об этом, потому что нацистский режим размещал своих агентов по всей стране, чтобы фиксировать настроения народа. Доклады агентов – не использовавшиеся для привлечения кого-либо к ответственности – полны сведений о недовольстве немцев, об осуждении ими различных постановлений режима. Однако никто не подвергал критике антиеврейскую политику режима. Совершенно очевидно, что немцы оценивали акции нацистов, исходя из собственных взглядов и ценностей, и одно то, что они не выступали против антиеврейских акций, весьма показательно. Более того, они проявляли рвение. Образ убийц как людей запуганных, которых принуждают убивать против их воли, не согласуется с их собственными показаниями после войны. Это были люди, принявшие охотно убивать евреев, делавшие скорее больше, чем от них требовалось. Сохранившиеся в нашем архиве фотографии доказывают, что убийство евреев доставляло им радость и наслаждение.

Конечно, были исключения. Не каждый немец разделял такие взгляды. Не каждый помогал режиму, многие так или иначе ему противостояли. Некоторые фактически помогали евреям. Я не берусь делать какие-то обобщения, касающиеся немецкого народа в целом, можно говорить о немцах индивидуально, о немцах, воспитанных в духе специфичной культуры.

Значит, вы воздерживаетесь от обобщений в плане "национального характера"?

Кое-кто в Германии утверждает, что я именно это делаю, что я представляю этнический, биологический портрет немецкого народа.

Вас там называют расистом.

Это совершенно абсурдно. Из моей книги следует, что речь идет об убеждениях, укоренившихся в немецкой культуре, о том, как они воспроизводились, как обусловили акции, которые немцы охотно осуществляли. Это спор о культуре: он не

касается расы, биологических особенностей или, если употребить бытующее выражение – самой сущности немецкого народа.

Ведь я во многих интервью и в самой книге указывал, что сегодняшняя Германия – совсем другая страна.

Многие с трудом верят этому. Людям, которые читали вашу книгу и более или менее убеждены, что "элиминационистский антисемитизм", как вы его именуете, нарастая на протяжении ста с лишним лет, в конце концов привел к массовому истреблению евреев, этим людям трудно поверить, что немецкий народ внезапно переродился.

Не внезапно! Лишь после того как в 1949 году антисемитизм был запрещен в Федеративной Республике Германии. Десятилетиями нигде не услышать было антисемитских высказываний. В стране создавался новый комплекс политических институтов, воспитывалась политическая культура, учившая немецкую молодежь тому, что все люди рождены равными и в мире не существует иерархии рас. Молодым немцам, даже детям прививались демократические идеалы, общие для всего человечества, и со сменой поколений расистские и антисемитские настроения, естественно, шли на убыль. Кроме того, убеждение, что евреи – это дьяволы в образе человеческом, насаждалось искусственно, и без социальной поддержки, без поддержки сверху людям трудно было упорствовать в нем перед лицом всего мира, твердившего: "Вы, немцы, совершили величайшее преступление в истории человечества, а идеи, которые привели к нему, омерзительны".

Одновременно происходили и другие изменения. В 1933 году большинство немцев вовсе не были демократами. Голосуя за нацистов, за коммунистов, за Германскую народную партию, они тем самым голосовали за уничтожение Веймарской Республики. Нынешние немцы в большинстве своем – демократы, такие же подлинные демократы, как и американцы. Те, кто полагают, что культурные и политические идеи не могут измениться за какие-то 50 лет, ошибаются. Антисемитизм все еще существует в Германии, но его гораздо меньше и, что немаловажно, он не имеет фашистского оттенка, если не считать мелких неонацистских групп.

Между тем в Германии возникли разногласия по поводу вашей книги.

И споры становятся все жарче. В немецких газетах появились ядовитые отклики на мою книгу. Однако существует и мнение, что это очень важная книга. Крупный еженедельник "Ди Цайт" открыл дискуссию, опубликовав выдержки из книги на первой полосе, и закончил свой отклик на нее фразой: "По тому как эта книга, нарушившая наше спокойствие и испугавшая нас, будет встречена нами, можно будет судить о зрелости исторического сознания нашей страны". Выступление газеты породило свирепые выпады против нее и против меня.

Но я верю, что в Германии достаточно много людей, желающих честно проанализировать проблему. Что же касается тех, кто хотел бы "замести ее под ковер", то они, разумеется, не станут всерьез участвовать в дискуссии. К сожалению, многие немцы посылают в газеты темпераментные письма, не содержащие убедительных аргументов.

Ваша книга вызвала возражения и некоторых специалистов. На дискуссии, состоявшейся в Музее Холокоста, ваши старшие коллеги по изучению Катастрофы бурно реагировали на книгу, клеймили ее автора.

В США было мало выступлений против моей книги в письменной форме. Кто-то не согласен с ней, но возражения не носят такого характера, как в Германии и в Музее Холокоста. Книга привлекла внимание, независимо от того, что говорят мои так называемые старшие коллеги. Наш спор не породил дополнительного интереса к ней, так как широкой публике даже неизвестно о том, что он происходит.

Я не хочу объяснять мотивы моих критиков. В Германии обсуждают мои побудительные мотивы: мое происхождение, соображения, якобы подтолкнувшие меня к написанию этой книги, и т.п. Все это не имеет никакого отношения к делу. В фокусе дискуссии должны находиться мои исходные данные, план и методы моего исследования, факты, на которые я опирался, их интерпретация и выводы, сделанные мной. Излагая события точно и откровенно, я рассчитывал на то, что с ними можно будет либо согласиться, либо их опровергнуть. Поражает меня, особенно когда это касается немецких критиков, что они, за небольшим исключением, не рассматривают ни фактов, ни моих аргументов. Кристофер Браунинг и Музей Холокоста категорически не согласны со мной. В свое время я письменно ответил на их возражения. Я рад, что профессор Браунинг проанализировал мои аргументы, пусть между нами и нет согласия. Большинство критиков не сделали и этого.

И вы, и профессор Браунинг пишете о 101-м полицейском батальоне, которому было поручено уничтожение евреев в Польше. Каковы основные расхождения между вами по вопросу о мотивации палачей?

Профессор утверждает, что в конечном счете эти люди убивали евреев, подчиняясь давлению сверху. Никому, – считает он, – не доставляло особого удовольствия убивать, но каждый знал, – если он не выполнит свое задание, эту неприятную обязанность придется выполнять его товарищам. Я не нахожу подтверждений этому. По-моему, известно, что все эти люди разделяли антисемитские настроения, господствовавшие в Германии, и не сомневались в необходимости убивать.

Что вы можете сказать о наклонностях людей, причастных к расправам? Не было ли это массовым психозом? Яростью, порожденной войной и толкавшей к

убийству? Безумием, неистовством, жаждой крови? Не околдованы ли были люди этим великим гипнотизером Адольфом Гитлером?

Нет. Это опровергается самим характером убийств, социальной жизнью людей, участвовавших в расправах, их поведение. Едва ли они были безумцами. У них было время для размышлений. В ряде случаев им представлялась возможность самостоятельно решать, будут ли они участвовать в казнях. Они отнюдь не были людьми, потерявшими рассудок, ими руководила уверенность в правильности своих поступков. Ведь процесс истребления евреев был растянутым во времени. Никакой приступ бешенства не длится годами.

Можно ли считать убийц типичными представителями немецкого народа в ту эпоху, или же они были образчиками какой-то криминальной субкультуры?

Никоим образом! Нет никаких оснований считать многих палачей уголовниками. Их часто выбирали наугад из разных слоев населения. Демографический анализ позволяет заключить, что они представляли свою возрастную группу. В полицейские батальоны не вступали добровольно, как в СС. В них набирали без всякой системы из всех слоев немецкого общества – использовали, что попадалось под руку и проявляло готовность убивать.

Когда читаешь некоторые благоприятные отзывы о вашей книге, например рецензию Эйба Розенталя в "Нью-Йорк Таймс" или Томаса Диша в "Нейшн", видишь, что они связаны с отрицанием Холокоста. Эйб Розенталь говорит: "Отныне нельзя будет отрицать эти реальные факты, разве что из желания скрыть собственную трусость или склонность одобрять их". Томас Диш идет еще дальше: "Найдутся люди, которые станут опровергать выводы Голдхагена, точно так же как те, кто высказывают сомнения в самом существовании Холокоста. Не кажется ли вам странным постулат: "опровержение выводов Голдхагена равносильно отрицанию Холокоста"?

Конечно, но мне кажется, что так реагировало меньшинство. Вероятно, как в случае с Эйбом Розенталем, – громогласное меньшинство. Конечно, люди могут не соглашаться с отдельными положениями моей книги. Это действительно сложный период истории, и кто-то может возражать мне. Я стану только приветствовать это. Как уже отмечалось мной, ради того я изложил все так четко, чтобы люди либо признали мою правоту, либо могли возразить мне.

Ваша книга – попытка демистифицировать Холокост, сказать, что это явление не было необъяснимым и все дело в том, что одну нацию долго натравливали на другую, учили ее ненавидеть. Ваша книга помогает сопоставить Холокост с массовыми убийствами, которые совершались позднее.

Правильно. Я не считаю, что Холокост нельзя объяснить. Люди творили ужасные преступления по отношению к другим людям, в истории человечества такое происходило. Вся история человечества – это история жестокости во взаимоотношениях между народами.

Но вы, как может показаться, диаметрально меняете свою позицию, когда пишете, что "в анналах человеческого варварства немецкие зверства по отношению к евреям при нацистах отличаются своими масштабами, разнообразием, изощренностью и, главное, бессмысленностью. Это было нечто небывалое. На порядок ужаснее.

Некоторые факторы, действовавшие при истреблении евреев, можно выявить и в других массовых уничтожениях. Но были и различия. Рассматривая акции подобного рода, можно найти в них свои специфические черты. Но вряд ли можно говорить, что какая-то из них лучше, а какая-то хуже. Я пытаюсь в своей книге дать не моральную оценку, а историческое объяснение событиям.

Мне хотелось бы подчеркнуть один момент. Когда люди думают о геноциде в других местах, они предполагают, что сами убийцы были убеждены в правильности своих действий. И только в случае одного массового истребления, Холокоста, почему-то рассуждают иначе: дескать, люди не оправдывали того, что творили, и происходило это под социальным или психологическим нажимом. Мне моя позиция кажется бесспорной: немцы, убивавшие евреев, по сути дела, ничем не отличались от участников других

массовых расправ, они также считали, что поступают правильно. Такая позиция диктуется здравым смыслом: люди убивают и мучают людей, которых ненавидят. Мнение тех, кто считает, что я не прав, противоречит всему, что известно о массовых убийствах.

Почему немецкий антисемитизм оказался более кровавым, чем все другие варианты антисемитизма? Подобное трудно было бы предположить, скажем, в начале века, в свете дела Дрейфуса и роста антисемитизма во Франции.

Чтобы произошел Холокост, требовалось нечто большее, чем антисемитизм, каким бы яростным он ни был. Антисемитизм и многие иные проявления ненависти существовали в истории многих стран, и все же к массовым расправам они не приводили. Разве что к эпизодическим взрывам насилия. Холокост может произойти при наличии государственного аппарата, который его организует. В Германии наблюдалось необычное совпадение факторов: к власти в стране пришли самые неистовые в истории человечества антисемиты, сделавшие кровавые фантазии отдельных лиц основой государственной политики. Совпали два необходимых фактора – крайний антисемитизм населения и приход к власти людей, решивших реализовать программу преследования евреев, вплоть до их полного уничтожения. Холокост мог исходить только из Германии по очень простой причине: она одна сумела покорить весь европейский континент и приступить к безнаказанному истреблению евреев.

В своей книге вы ставите перед собой задачу объяснить Холокост, а не нацизм. Хочу спросить вас: верите ли вы, что антисемитизм был решающим элементом для прихода нацистов к власти?

Если бы в Германии не было депрессии, нацисты к власти не пришли бы. Голосовать за нацистов немцев заставило, в частности, желание восстановить порядок в Германии, вернуть стране ее место в мире, надежда, что нацисты как-то справятся с депрессией.

В каком направлении, по-вашему, должна развиваться дискуссия?

Выступая в Музее Холокоста, я сказал, что ряд вопросов требует ответа: с одной стороны, о тех, кто творил геноцид, с другой – о немецком народе. Те, чьими руками совершился Холокост, – что они думали о евреях? Как они сами расценивали свои действия? Как относились к тому, что делали? А немецкий народ – много ли антисемитов было среди немцев и какого рода антисемитизм это был? Что знали и что думали немцы о преследованиях 30-х годов, об истреблении евреев? Таковы основные вопросы.

Позвольте задать некоторые из этих вопросов вам лично. Многие ли немцы видели свидетельства массовых расправ – фотографии захоронений, фотографии убитых детей и т. п.? Почему вы утверждаете, что это их не возмутило бы?

О массовых расправах было известно миллионам немцев. Массовые расправы с евреями в Советском Союзе совершались открыто, на глазах находившихся там немецких солдат из оккупационных войск. Советских евреев истребляли систематически, и об этом знал каждый солдат. Знал об этом и каждый из немцев, дислоцированных в Польше. Мы располагаем множеством показаний как руководителей нацистского режима о массовых убийствах, так и дневниками отдельных лиц. Люди были в курсе всего происходящего, и особого возмущения или несогласия у них это не вызывало. Что касается программы полного уничтожения евреев, то об этом было известно лишь немногим немцам. Нет оснований считать, что если бы таких немцев было больше, и возмущения было бы больше. Данных о принципиальном несогласии их с этой политикой практически нет.

Ваш отец, один из немногих евреев, уцелевших во время Холокоста, профессор Гарвардского университета, ныне активно работающий, изучал Холокост. Как он оценивает вашу книгу?

Он одобряет ее. Вообще, мое понимание Холокоста и нацизма формировалось под его влиянием. Отец блестящий ученый, который помог мне правильно понять эти проблемы. Я выполнил очень специфическое исследование о людях, чьими руками совершались расправы. Он был моим постоянным партнером при обсуждении всех вопросов, в результате наших дискуссий и родилась эта книга.

Вы поддержали предложенный Спилбергом проект устной истории Холокоста. Некоторые ученые относятся к этой идее с сомнением. Почему вы считаете проект полезным?

Показания уцелевших от Холокоста бесценны для понимания происшедшего. Оставшиеся в живых могут много рассказать нам о том, что думали о них их мучители и палачи, что те говорили, как себя вели, гораздо больше, чем можно было бы узнать о мотивации убийц из немецких документов. К сожалению, исследователи Холокоста почти не используют показаний жертв.

Вам не по душе, когда о вас говорят как об "одержимом" этим материалом?

Прежде всего это не соответствует действительности. Я вполне мог бы написать книгу о природе революций или о политической экономии Западной Европы. Возможно, моя следующая книга не будет касаться этой проблемы. Решение заняться этим проектом было принято мной, когда я понял, что некоторые центральные вопросы,

относящиеся к данному периоду, до сих пор не поставлены надлежащим образом. Мне хотелось заполнить большой пробел в том, что нам известно о людях, который убивали евреев.

У вас уже есть какие-то идеи насчет вашего следующего труда?

Пока воздержусь говорить об этом. Я политолог, и мои интересы разнообразны.

Если бы вам предложили решить, что следует людям вынести из дискуссии о вашей книге "Добровольные гитлеровские палачи", что бы это было?

Если попытаться понять, почему произошел Холокост, пришлось бы переключить свое внимание на действующих лиц.

А применительно к современному положению дел?

А это нечто совсем иное. В нашем обществе сохраняется много предубеждений, антипатий, ненависти. Если люди когда-то и перестанут ненавидеть друг друга, то лишь в далеком будущем. Индивидуальная ненависть становится действительно опасной, когда политические деятели берутся четко ее сформулировать. Они поддерживают эту ненависть, усиливают и узаконивают ее, превращают в основу политической идеологии. Нам надо быть настороже. Я говорю о тех случаях, когда кто-то начинает кого-то обвинять, публично представлять в виде парий общества, каких-то демонов. С такой тенденцией можно и нужно активно бороться, делать все возможное, чтобы уничтожить ее.

СВЯЗНОЙ РИХАРДА ЗОРГЕ

Осенний сентябрьский вечер 1940 года. Японский порт Йокогама. У шумного причала ошвартовался транспорт “Красный партизан”. Таможенники редко видели здесь советские корабли и осмотр провели с особой тщательностью. Документы у капитана оказались в полном порядке, грузы соответствовали накладным. Двери в любое помещение открывались незамедлительно. Штурман Иван Михайлович Фонарев свободно изъяснялся на английском и поразил таможенников не только вежливостью и доброжелательностью, но и пониманием японского этикета. Он как бы не замечал подвоха в провокационных вопросах, на все отвечал четко и деловито.

Спустившись на пирс, японцы еще присматривались к “Красному партизану”. И наконец удалились.

Вскоре вслед за ними в наступивших сумерках на берег сошли штурман и, как положено, с ним еще два моряка. Вернулись они часа через два, когда разгрузка судна завершилась. Ранним утром “Красный партизан” взял курс к советским берегам.

На Западе уже год грохотала война. Япония воевала в Китае, но сохраняла дипломатические отношения с СССР, а советские торговые суда захаживали в порты Страны восходящего солнца.

ЛИСТ ЗВАНИЙ И НАЗНАЧЕНИЙ

Óííáðí Èííàé Ì íèííàé÷

Родился 17 февраля 1910 года в Одессе. Воспитывался в детдоме.

В 1930 году закончил рабфак. Слесарь, мастер цеха по ремонту и монтажу паровых турбин центральной электростанции города Одессы.

В 1934 году по путевке Одесского обкома ЛКСМУ поступил в Военно-морское училище им. Фрунзе, которое окончил в 1938 году с отличием.

Назначен на Тихоокеанский флот.

1938–1940 годы – командир корабля специального назначения.

1940–1945 годы – старший офицер разведотдела штаба ТОФ.

Август 1945–1946 годы – начальник разведгруппы в Гензане (Корея).

Участвовал в освобождении городов Кореи Юки, Расин, Сейсин, Гензан.

В войне против Японии руководил разведгруппой.

Фото А.Межуева. Крейсер “Красный Кавказ”. 1942 год.

“Лист” хранится в личном деле капитана 2-го ранга в отставке Исаака Моисеевича Фонаря в Нахимовском райвоенкомате города Севастополя. Легко догадаться, что штурман “Красного партизана” Иван Михайлович Фонарев и Исаак Моисеевич Фонарь – одно и то же лицо. Но многие записи в этом личном деле вызывают вопросы, требуют объяснения.

Мы беседуем с Исааком Моисеевичем Фонарем (он делает ударение на первом слоге) в его квартире на Корабельной стороне, из окон которой видна Аполлонова бухта. Хозяину вот-вот стукнет 90 лет, но тренированная память разведчика действует практически без сбоев.

Рассказывает Исаак Моисеевич Фонарь:

– Обычным одесским беспризорником я стал в 10 лет после смерти отца. Однажды на улице меня подобрал матрос и сдал в детский дом имени III Интернационала на 4-й станции Ф. Там обучался слесарному делу и ходил в школу. Через четыре года определили в Еврамола – Дом еврейской рабочей молодежи.

В Еврамале учили школьные предметы. Преподавали и еврейский язык, но мне он давался труднее всего. Даже от экзаменов освободили. Я увлекался техникой, точными науками. Но судьбе было угодно, чтобы я по-настоящему овладел английским языком.

Страна бурлила. Молодежь бежала в ногу со временем. “Пятилетка в четыре года” – для комсомольской бригады, которой я руководил, это был реальный срок. Мы построили одесскую центральную электростанцию за 3,5 года.

Я работал потом на заводе. Мечтал об институте. Но в 1934-м вызвали в обком комсомола, сказали: “Пойдешь на флот, в училище. Надо!” Мне, тогда уже кандидату в члены ВКП (б), стало ясно одно: в Германии к власти пришли фашисты, а нам надо укрепить обороноспособность нашего рабоче-крестьянского государства.

Так я оказался в Ленинграде. Как сказали бы сейчас, в престижном училище имени М. В. Фрунзе. Без преувеличения, тогда флот ощущал всенародную любовь. Незаметно пролетели четыре года. Я закончил штурманский факультет с отличием. Готовился на подводные лодки.

Но незадолго до распределения в училище прибыла из Москвы какая-то важная и таинственная комиссия. Многих курсантов вызывали на беседу. Но никто не имел права говорить – зачем.

И вот крутой поворот судьбы: со всего курса отобрали трех выпускников для спецназначения. Я оказался в распоряжении Главного разведуправления Красной Армии – ГРУ.

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА ФОНАРЯ

Àòòáñòàöèÿ çà 1939 ãã

Энергичный, решительный в своих действиях, проявляет всегда здоровую инициативу, вопросы конспирации понимает и настойчиво проводит их среди личного состава.

Àòòáñòàöèÿ çà 1940 ãã

Энергичен. Силой воли обладает. Решителен и смел. Сообразителен. Находчив. Инициативен. К себе и подчиненным требователен. Морскую службу и море любит. Работоспособен и вынослив.

И. Фонарь. 1940 год.

Рассказывает И.М. Фонарь:

– На “Красном партизане” я трижды ходил в японские порты. В каждом были тайники, откуда я извлекал капсулу и оставлял свою. Конечно, я ничего не знал о том, что там находится. Но о том, что цена – моя голова, меня предупредили. Через много лет разъяснили, и то иносказательно, что я забирал материалы, которые передавал Рамзай – Рихард Зорге, и оставлял для него.

Позднее вице-адмирал Павел Иванович Парамошкин, с которым мы с курсантского кубрика пронесли дружбу через всю жизнь, проявил осведомленность в этом деле. Однажды на встрече выпускников училища в Ленинграде он мне сказал: “Не скоро откроется завеса над твоей дорожкой в Японию”.

Впоследствии японцам стало известно, кто такой Фонарев Иван Михайлович, что я не только штурман. И раскрыл меня один из наших агентов, которого я высаживал на японский берег. Его рацию засекли, и он попал в руки японцев. После пыток, истязаний ему пообещали сохранить жизнь и всякие блага. Он не выдержал. Такое случалось. Только в кино у советских разведчиков не бывает провалов.

Об этом стало известно в августе 1945 года, когда мы высадились в Корее. Мне довелось участвовать в пленении японского адмирала, который командовал Расинским укрепленным районом и пытался перейти 38-ю параллель на юг. На допросе адмирал вдруг спросил о Фонареве, который долго сидел “под колпаком” у японцев и случайно ускользнул. Адмирала “крепко попросили”, и он указал на источник сведений.

Признаюсь, я и сам однажды чуть не попался. Как-то мы захватили японский сейнер. Рыбаков отпустили и сами стали ходить на трофейном судне. По очертаниям в сумерках нас и принимали за японцев. Мы высаживали наших разведчиков на побережье Кореи, Японии, Китая. В экипаже было 18 моряков. По легенде, все они – рыбаки.

Как-то на исходе 1944 года мне вручили новейший авиационный фотоаппарат ФАИ с заданием заснять наиболее удобные места высадки десанта. Японские

пограничники догнали нас в нейтральных водах. Мгновенно забрались на борт, закрыли радиорубку. Единственный компромат – ФАИ. Я запрятал его заранее в резиновый мешок, потом опустил в море на штерте. Они специальным багром стали простукивать борта. Пришлось штерт перерезать. Во Владивостоке началось расследование. Как объяснить особистам пропажу, если о фотоаппарате знал я один? Но, видно, изменилась обстановка. После Сталинграда и Курска стало меньше подозрительности. Мне поверили.

ИЗ АТТЕСТАЦИИ

Январь-декабрь 1943 года

В течение 1943 года провел четыре смелые операции у берегов Кореи, в трех случаях командовал шхунной разведотдела. Знает хорошо вооруженные силы Японии. Агентурную разведку любит.

Характер вспыльчивый, но умеет себя сдерживать. Растущий командир-разведчик.

Декабрь 1943 – декабрь 1944 годов

...В течение 1944 лично руководил проведением нескольких морских операций... В любую погоду не укачивается, трудности плавания переносит спокойно и выдержанно: кораблем управляет твердо и уверенно, вселяет в личный состав бодрое настроение.

...При проведении операций проявил смелость, решительность, упорство, основанные на расчетливости.

Выводы: при возможности достоин посылки на зарубежную работу по линии военно-морской разведки.

Начальник 1-го отделения разведотдела штаба ТОФ капитан 1 ранга П. Орлов.

Рассказывает И.М. Фонарь:

Вернемся к 1942 году, когда меня направили на спецкурсы в Ульяновск, где готовили для зарубежной работы. Усиленно изучали английский язык, “ставили” акцент, чтобы можно было сойти за американца. Со мной занимался специалист, который бывал в США, знал расположение, структуру основных городов, обычаи, образ жизни. Я мог бы ориентироваться в Нью-Йорке, знал, как выйти на наше посольство в Вашингтоне.

Но побывать там так и не довелось, хотя меня не единожды аттестовали на работу за рубеж. Над причиной не задумывался.

Когда вернулся во Владивосток, меня вновь назначили командиром на шхуну “Рулевой”. Все мы ходили только в штатской одежде.

Мне приходилось обучать и готовить к заброске наших агентов – корейцев, китайцев, реже японцев. На “Рулевом” доставляли их к берегам Кореи.

Рассказывает Изабелла Марковна, супруга Фонаря:

– Мы жили в Одессе в одном дворе, но Исаак был старше. Познакомились только в 39-м году, когда он приехал из Владивостока на похороны отчима. Во флотской форме Исаак был неотразим.

Война застала нас в Одессе, у меня на руках шестимесячный мальчик. С мамой и сестрой уходили из города пешком. Дедушка, бабушка, две тети, жена брата с двумя детьми остались в Одессе и погибли. До Херсона мы дошли на одиннадцатые сутки. Фашисты расстреливали толпу с бреющего полета. Вокруг сотни убитых людей, лошадей.

Из Херсона в теплушках добрались до Новосибирска. И после передышки двинулись во Владивосток, у меня был документ, что там служит муж.

Пришли по адресу, позвонила в дверь. Выскочила вся коммуналка. Но Изя спал после похода.

Стали жить все в одной комнате. А наш первенец не выжил. Когда Исаак уехал на курсы в Ульяновск, мне сказали, что он во Владивосток не вернется. Мы все оставили и уехали в Иркутскую область, на станцию Зима. Как потом выяснилось, там тогда жил будущий поэт Евгений Евтушенко.

Через 10 месяцев вернулись. Я долго не знала, где Фонарь служит. В форме я его видела только по праздникам, если он в те дни бывал дома. Уходил надолго, на месяц и больше. Я очень волновалась, Но Исаак наставлял: “Никого обо мне не спрашивай. Надо будет – тебе скажут”. Однажды поздним вечером раздался стук в дверь. Передо мной человек, по виду – кореец, в шинели без погон.

У меня тарелка из рук выпала. Но кореец назвал какую-то незнакомую фамилию.

Исаак возвращался из походов всегда заросший, в потрепанной, рваной одежде. Как-то соседка увидела с веранды: “Какой-то бродяга там, на Фонаря похож”.

В 43-м у нас родился мальчик – Виталий. В военторге для младенцев давали молоко. Подошел ко мне Исаак. Очередь зашумела: женам гражданских молоко не положено. Заступилась соседка: “Ее муж служит в разведотделе”. Так и я узнала, почему Фонарь надолго пропадает.

Потом я стала работать в разведотделе, делопроизводстве. Тогда и с его моряками познакомилась. Экипаж перед походами всегда собирался на прощальный ужин.

Закончилась война, и к аттестации И.М. Фонаря добавилась

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1 января – 1 ноября 1945 года

... Во имя службы пренебрегает личными удобствами. Трудности походной жизни переносит мужественно и безропотно.

Какие еще необходимы профессиональные и нравственные качества для дальнейшего роста офицера? Ведь все начальники всесторонне и наилучшим образом оценивали боевую деятельность И.М. Фонаря (кстати, все эти похвальные слова Исаак Моисеевич слышал только сейчас). Но продвижение по службе 35-летнего офицера без видимых на то причин затормозилось. Он получает назначение в Порт-Артур, затем в Совгавань и на Сахалин. Аттестации на работу так и не реализовались. И с разведкой его разлучают. А ведь замечали: растущий командир-разведчик.

Но Иван Михайлович Фонарев – Исаак Моисеевич Фонарь, обид своих не высказывал: служба везде почетна. А тут и семейных забот прибавилось: в 1946-м еще один сынок родился – Олег.

Через шесть лет капитана 2-го ранга И.М. Фонаря перевели служить в Севастополь начальником отдела тыла ЧФ. После увольнения в запас он еще более 20 лет работал в должности капитана-диспетчера аварийно-спасательной службы ЧФ.

Подросли сыновья. Олег окончил Севастопольское ВВМИУ, отслужил инженером на атомной подводной лодке. Сейчас работает на Чернобыльской АЭС. Старший, Виталий, – в Петербурге на заводе “Электрик”. Есть по два внука и правнука.

В ходе наших бесед Исаак Моисеевич не раз говорил: “Не обо всем можно рассказать и сегодня”. Лет пятнадцать назад И.М. Фонарь отправил в Москву спецпочтой обстоятельный отчет о своей деятельности в годы войны. Ему сообщили, что гриф “Совершенно секретно” еще не снят. Уже нет той организации, нет того государства. Но старый разведчик хранит какие-то тайны.

Семья на отдыхе в Петродворце. 1956 год.

Остается только предполагать, что скрывает Указ о награждении его орденом Красного Знамени, от 5 ноября 1944 года. Видимо, это не случайно, в Москве уже знали, что через два дня японцы казнят Рихарда Зорге.

В орденской книжке И.М. Фонаря, выданной 6 августа 1946 года записаны: орден Ленина, три ордена красного знамени, орден Красной Звезды, медаль “За боевые заслуги”.

Эти награды следует сопоставить с еще одной записью в личном деле Исаака Моисеевича Фонаря: “В Великой Отечественной войне 1941–1945 годов выполнял специальные задания командования в составе развед группы”.

Остается надеяться на архив ГРУ. Запрос туда недавно направлен.

Áíðeñ Áæúñ áí, “Ñéááá Ñáááñòíííeý”

ЛЕХАИМ МАЙ 2000 ИЯР 5760 – 5 (97)

СИМОН ВИЗЕНТАЛЬ: ОХОТНИК ЗА НАЦИСТАМИ

È. Í áéáõ

История второй мировой войны и предвоенных лет знает имена и дела борцов против фашизма. Их тысячи тысяч во всем мире, тех, кто не на жизнь, а на смерть вступил в схватку с чумой XX века. И те, которых уже нет, и те немногочисленные, которые живут, увековечили себя в благодарной памяти современников и потомков.

Война закончилась. Чудовище со свастикой повержено. Правый суд в Нюрнберге свершился. Организации СС, СА, гестапо признаны преступными, фашистские главари казнены, прах их развеян по ветру.

Победа! Радость и гордость охватили победителей. Дерево фашизма вместе с корнями, стволом, ветвями, плодами, семенами уничтожено. “Нет больше на земле фашистов-палачей!” — восклицали миллионы людей. И только немногие, очень немногие произносили эту же фразу с вопросительной интонацией: “Нет больше на земле фашистов-палачей?”

После эйфории, когда люди, оглянувшись вокруг, увидели уходящие за горизонт ряды могил и руины, пришло протрезвление, осмысление происшедшего и

наступила глубокая скорбь. Но даже скорбь и слезы не смогли навести измученных войной людей на невероятную и чудовищную мысль о том, что война не окончена. Конечно, дерево германского национал-социализма повалено, но с помощью тайных и явных апологетов многие преступники: функционеры нацистской армии, гестаповцы, полицейские, руководители и участники эйнзатцкоманд, которые вместе с коллаборационистами Прибалтики и Украины расстреливали мирных жителей, руководители и надзиратели лагерей смерти, чьи руки в крови, смогли уйти от суда, укрыться в далеких от Европы уголках земного шара, где их сторонники помогли им затаиться, замаскироваться, а прихваченные награбленные ценности позволили им безбедно жить.

Немногие понимали, что пока не искоренены плоды фашизма, способные посеять семена, из которых прорастут ростки расистской человеконенавистнической идеологии, пока безнаказанно ходят по земле палачи, война с фашизмом не окончена.

Среди этих немногих был молодой человек, прошедший муки ада фашистских лагерей и чудом оставшийся в живых. Этот легендарный человек – Симон Визенталь.

Он родился 31 декабря 1908 года в местечке Бучач, что в Восточной Галиции, в семье коммерсанта Ошера Визенталя. Бучач – один из типичных для Галиции городков, в то время с преимущественно еврейским населением. Расположен он в живописном захолустье, на берегу впадающей в Днестр реки Стрыпа, вдали от больших городов, в стороне от главных транспортных магистралей. В глухой провинции жизнь течет размеренно, медленно. Веками обитавшие на границе с Подолией поляки, галичане, евреи привыкли к совместному мирному образу жизни. В отличие от соседней России, где в начале столетия еврейские погромы в Кишиневе, Одессе, Киеве, Белостоке взбудоражили и напугали еврейское население, здесь в Австро-Венгрии бытовой антисемитизм не окрашивался кровью. В отличие от России с ее враждебным к евреям, поддерживающим черносотенные организации, царем Николаем II, антисемитизм сдерживался твердым предупреждением кайзера Франца-Иосифа: “Я не потерплю травли евреев в моем государстве”. Снаряды первой мировой войны взорвали эту идиллию. Отец Симона ушел на фронт.

В 1915 году неподалеку от Бучача русская армия под руководством генерала Брусилова прорвала австрийский фронт и устремилась к Львову, к Карпатам.

В страхе перед казаками еврейское население Галиции панически бежало в центральные области австро-венгерской империи, в результате чего еврейское население только Вены увеличилось на 100 тысяч человек.

Семья Визенталей уехала вначале во Львов, а накануне захвата города русскими армиями перебралась в Вену. Во Львове маленький Симон впервые стал посещать школу, продолжать учебу ему пришлось в Вене.

Вскоре пришло известие о гибели отца, семья осталась без кормильца. Вернувшись после окончания войны в родной Бучач, мать Симона Роза Визенталь (урожденная Рапп) вышла вторично замуж.

Когда в 1928 году Симон кончил гимназию, мать и отчим решили, что способный юноша должен продолжать учебу.

Война и революционные события привели к распаду империй, в том числе и многонациональной Австро-Венгрии. Восточная Галиция отошла к Польше, которая в составе России была известна своим антисемитизмом и антиеврейским Нумэрус Клаузус. Чтобы получить высшее образование, Симон уезжает в Чехословакию, где поступает на архитектурный факультет Пражского технического института, успешно его заканчивает в 1932 году, возвращается в Галицию и начинает работать в качестве архитектора. В 1936 году он женится на Циле Мюллер, дальней родственнице знаменитого венского профессора, основателя психоанализа Зигмунда Фрейда. Спокойной жизни молодых супругов судьба отвела всего три года.

Над Европой сгустились тучи новой войны. У пришедших к власти германских фашистов после аншлюса Австрии и оккупации чешских земель разгораются аппетиты. Два диктатора, Гитлер и Сталин, решили разделить между собой Польшу. Нападение на Польшу и явилось началом второй мировой войны, не знающей себе равных в истории войн по жестокости и количеству жертв.

Согласно пакту Молотова-Риббентропа Львов и Восточную Галицию заняли советские войска, и советские порядки были немедленно перенесены на новые территории. Со своими деловыми людьми – капиталистами, банкирами, коммерсантами, зажиточными крестьянами, землевладельцами – Сталин к тому времени уже расправился, и теперь у карательного НКВД появился новый фронт занятий. Представителей зажиточных сословий без суда и следствия уничтожали, разоряли, ссылали в отдаленные районы.

Отчим Симона был арестован и умер в тюрьме, сводного брата расстреляли. Депортация в Сибирь грозила и остальным членам семьи, не прояви Симон смекалку. Ему удалось подкупить важного функционера НКВД, и семью оставили в покое. Как родственник “врагов народа” (так в советское время называли преследуемых режимом) Симон уже не мог работать по специальности, его уделом стала работа простым механиком.

В 1941 году гитлеровская Германия напала на Советский Союз, и в первые дни войны на оккупированных территориях начались преследования, аресты, расстрелы. На Вулецких горах во Львове эсэсовцами и их помощниками, украинскими

националистами, была расстреляна большая группа польской интеллигенции, среди которой было немало еврейских ученых.

Не оставляло сомнений, что подобная участь ожидала и Визенталей. Но и здесь Симон опередил события. Подкупив украинского полицейского, он отвел расправу. Но концлагеря молодой семье избежать не удалось. Симон и Циля были отправлены в расположенный возле Львова Яновский концлагерь.

В январе 1942 года в пригороде Берлина Ванзее нацистская верхушка, как известно, приняла чудовищный план, названный “Окончательным решением еврейского вопроса”. Это был план тотального уничтожения еврейского населения оккупированных областей. Евреи Восточной Европы должны были полностью исчезнуть с лица земли. Повсеместно на территории рейха и оккупированных стран заработала кровавая машина геноцида, на полную мощность были включены газовые камеры и печи Освенцима, Трешлинка, Хелмно, Белзеца, Маутхаузена и других лагерей смерти, специальные айзатцкоманды приступили к расстрелу еврейского населения, на Украине и в Прибалтике им помогали местные полицейские.

В августе 1942 года бесследно исчезла в лагере Белзец мать Симона. В течение сентября родственники, близкие и дальние, Симона и его жены Циля, более 90 человек, были уничтожены. Циля обязана спасением своему мужу и своим белокурым волосам. Польские антифашисты, действовавшие в подполье, которым Симон достал планы железных дорог, необходимые для подрывной работы и саботажа, изготовили для его жены фальшивые документы на имя польки Ирэны Ковальской. Выбравшись из Яновского лагеря, Циля два года жила в Варшаве, затем ее послали на принудительные работы в Рейнскую область. В октябре 1943 года накануне ликвидации лагеря Остбан Симону удалось скрыться. Но в июне 1944 года он был вновь арестован и доставлен в Яновский лагерь, где, без сомнения, должен был погибнуть.

Развал немецкого восточного фронта, мощное наступление Красной Армии в Прикарпатье помешали этому.

Спасти свои жизни решили и эсэсовцы-охранники Яновского концлагеря. Все 80 эсэсовцев вместе со своими офицерами, решив избежать отправки на Восточный фронт, там их ожидала реальная смерть, в нарушение приказа Гимmlера оставили в живых последних 34 узников лагеря, присоединив к ним несколько десятков жителей близлежащей деревни Хэлмец, погнав узников на запад под предлогом доставки заключенных в другой лагерь. В этом марше смерти через концлагеря Плашов, Гросс-Розен, Бухенвальд, где заключенных не хотели принимать из-за перенаселенности помещений, участвовал и Симон Визенталь. Он оказался среди немногих оставшихся в живых, добравшихся до лагеря Маутхаузен в Верхней Австрии.

Симон, некогда цветущий жизнерадостный молодой человек, напоминал теперь призрак из кожи и костей, весил он тогда менее 50 килограммов. Его бросили в барак к умирающим, куда из-за зловония и трупного запаха не решались заходить ни эсэсовцы, ни надзиратели.

В полуживом состоянии застали его солдаты американской танковой дивизии 5 мая 1945 года, освободившие Маутхаузен.

Судьбе было угодно оставить Симона Визенталю в живых. Молодой организм, жажда жизни, американские военные врачи вместе победили и болезни, и дистрофию.

После выздоровления Симон мысленно огляделся вокруг, оценил свое положение, и сердце его болезненно сжалось: никого вокруг. Ни родных, ни близких, ни друзей, ни жены. Все сгорели в пожаре войны, в этой страшной репетиции апокалипсиса. Тяжелыми жерновами прокручивались в его голове невеселые мысли, анализируя происшедшее. Он знал, кто виноват в случившемся, знал, что множество преступников, главных и рядовых, в тюрьмах ждут суда. Но его не обманешь. Ведь он наблюдал за извергами в конце войны, видел, как они, подобно хамелеонам, по законам мимикрии меняли окраску, прятали свою военную форму, ордена и в штатской одежде с невинным видом скрывались в ликующей по случаю окончания войны толпе, чтобы, обзаведясь фальшивыми документами, бежать, бежать от мест преступлений, за пределы Европы, подальше от суда и возмездия.

С. Визенталь (в центре) с группой бойскаутов. 1926 год.

Что же делать ему? Вернуться к профессии архитектора и строителя? Вернуться в Польшу или советский Львов? Эти земли представляют собой кладбища. И даже там, где нет обустроенных могил и памятников, земля полна человеческих останков, костей и засохшей крови. Нет, строить на костях он не станет. Он знает, что ему делать, он решил мстить. Он будет искать, преследовать, выволакивать из нор фашистских преступников, чтобы они предстали перед справедливым судом.

Симон Визенталь начал собирать материалы о злодеяниях нацистов для War Crimes Section американской армии. Работал он также для Office of Strategic Services – американской секретной службы и для американской Counter Intelligence Corps.

Не забывал он и об оставшихся в живых евреях, возглавил Еврейский комитет помощи жертвам войны, который был организован в американской зоне оккупации Австрии.

В конце 1945 года забрезжил солнечный луч в полной неизгладимой печали личной жизни Визенталю. Он узнал, что его жена Циля жива, они встретились, чтобы никогда больше не расставаться. Через год у них родилась дочь Паулина.

Свидетельства и документы, собранные Визенталем, были использованы в 1945-1946 годах в процессах над нацистскими преступниками в американской зоне оккупации Австрии. В 1946 году Визенталь и его 30 единомышленников создали в австрийском городе Линце Документальный центр, который занялся сбором материалов для последующих процессов над нацистскими преступниками.

Наступившее вскоре после войны противостояние между США и Советским Союзом нанесло ощутимый урон делу поиска и привлечения к суду фашистов-преступников. Особенно это стало заметно после окончания в 1948 году Нюрнбергского процесса над главными нацистскими преступниками.

В этой обстановке Документальный центр в Линце вынужден был прекратить свою деятельность, и все материалы пришлось передать в архив музея Яд-Вашем в Израиле. Лишь одну папку материалов Визенталь оставил у себя – досье по делу руководителя отдела гестапо, занимавшегося еврейскими делами, оберштурмбанфюрера СС Адольфа Эйхмана. Этот отдел сыграл зловещую роль в так называемом решении еврейского вопроса. Указанной папке, в которую заносились сведения очевидцев, документы, упоминания в прессе – все, что касалось преступника, Визенталь придавал

особое значение. Эйхману, как известно, в конце войны удалось избежать наказания и бесследно скрыться. По данным ФБР, он скрывался в Сирии. У Визенталя на этот счет было свое, основанное на сведениях людей, лично знавших Эйхмана и его семью, мнение. Материалы, полученные им от своих агентов, позволили Визенталю в 1953 году сделать вывод, что Эйхмана следует искать в Аргентине. Эту информацию Визенталь передал израильским спецслужбам и лично президенту Всемирного еврейского конгресса Науму Гольдману. Слежка за супругой Эйхмана, называвшей себя вдовой, обнаружила ее переписку с неким Рикардо Клементом из Аргентины. Расследование показало, что под этим именем в Буэнос-Айресе скрывается Эйхман.

Профессионально проведенная акция по тайному аресту и доставке Адольфа Эйхмана в Израиль на скамью подсудимых широко известна. По приговору суда преступник был казнен 31 мая 1961 года.

Свою роль в поимке Эйхмана сам Визенталь формулирует кратко: “Я искал его и первым обнаружил след в Аргентине. Но прежде всего я помешал тому, чтобы его посчитали мертвым и забыли о нем”.

Случай с Эйхманом высоко поднял авторитет Визенталя как следователя-аналитика, который решает задачи поиска преступников, не выходя из кабинета, на основе документов и показаний свидетелей.

Возобновилась работа Документационного центра, на этот раз в Вене, под названием “Союз евреев, преследуемых при нацизме”.

Немало успехов записал в свой актив охотник за нацистскими преступниками в последующие годы. Благодаря деятельности Симона Визенталя в качестве руководителя Документационного центра в Вене более 1100 нацистских преступников предстали перед судом. Разумеется, здесь и заслуга сотрудничающих с ним служб Германии, Израйля, Австрии и других стран.

Представляется интересным назвать отдельных преступников, которых Визенталь выследил и довел до суда:

Франц Стангль, комендант лагерей смерти Треблинка и Собибор, где были отравлены в газовых камерах, расстреляны и замучены 750 тысяч человек.

После длительных поисков Визенталь в 1967 году обнаружил палача Стангля в Бразилии. Преступника судили в Германии, но к тому времени там уже была отменена смертная казнь и его приговорили к пожизненному заключению, в тюрьме он и умер.

Хермина Браунштайнер, убийца сотен детей в концлагере Майданек.

В 1967 году Визенталь приехал в Нью-Йорк на презентацию английского перевода своей книги “Убийцы среди нас” (The Murderes among us) в издательстве Mc Graw Hill. Здесь он сообщил, что, по его сведениям, в Нью-Йорке, в Квинсе, под именем мисс Райан живет преступница Браунштайнер. Ее арестовали, препроводили в Германию и в 1973 году осудили на пожизненное заключение.

Карл Зильбербауэр, офицер гестапо, во время войны арестовавший 14-летнюю Анну Франк и ее семью в Амстердаме.

Голландские неонацисты объявили опубликованный после войны дневник еврейской девочки, замученной фашистами, фальшивкой и стали опротестовывать реальность описанных в нем событий.

Визенталю удалось в 1963 году найти бывшего гестаповца Карла Зильбербауэра, который тогда служил в венской полиции, и тот признался, что именно он арестовал Анну Франк и ее семью.

16 офицеров СС (9 из них были найдены Визенталем) в 1966 году предстали перед судом в Штутгарте по обвинению в массовом убийстве евреев во Львове.

Франц Мурер, палач из Вильнюса, выслеженный Визенталем, предстал перед судом.

Эрих Раякович, ответственный за депортацию в концлагеря голландских евреев, выслежен Визенталем и предстал перед судом.

В 1989 году вышел фильм по мотивам деятельности Визенталя “Убийцы среди нас: история Симона Визенталя” (Murderes among us: The Simon Wiesenthal Story”), главную роль в котором сыграл известный актер, обладатель Оскара Бэн Кингсли.

Симон и Циля Визенталь. 1936 год.

Симон Визенталь написал ряд книг о своей жизни и работе. Среди них: “Концлагерь Маутхаузен” (1946), “Я охотился на Эйхмана” (1961), “Убийцы среди нас” (1967), “Случай Кристины Яворской” (1975), “Бегство от судьбы” (1988), “Каждый день – день памяти”(1988), “Правота, а не месть” (1988), “Потому что они знали, что творят” (1995).

Визенталь часто говорит, что делает немало, но по сравнению с тем, что следовало бы сделать, это очень, очень мало. Таких центров, как его, считает он, должны быть десятки.

Немецким службам, занимающимся преследованием нацистских преступников, известно более 90 тысяч имен лиц, которых нужно найти. А тысячи преступников вообще нигде не числятся, ухитряются занимать высокие посты и безнаказанно жить. До сих пор мало известно о скрывшемся враче-садисте Менгеле. По каким-то предположениям, этот негодяй утонул в море. Под защитой режима в Сирии, Дамаске, живет преступник эсэсовец Алоиз Мюллер.

О своей деятельности Визенталь говорит: “Каждое доказательство, каждый случай, каждое свидетельское показание разрушают сомнения в правильности нашей работы. Каждый нацист должен до конца своей жизни дрожать от страха быть обнаруженным. И каждый из нас должен понимать, что будущие убийцы, вероятно, уже родились.

В 50–60-х годах родились убийцы, которые сегодня вырезают целые деревни в Центральной Африке и Алжире, расстреливают туристов в Египте, угоняют самолеты, взрывают автобусы и дома вместе с людьми, в Израиле, Америке, России, Югославии хладнокровно убивают людей только потому, что они исповедуют другую религию, принадлежат к другой национальности или имеют другие убеждения.

И не эсэсовскую форму носят эти новые преступники. Они носят маски киллеров или кольца в носу, чалму или пиратские косынки, рубашки с галстуками. Сущность их одинакова – они убийцы. Они нарушают священную заповедь, данную Богом через Моисея людям: Не убивай!

Человек – высшее существо во Вселенной, его нельзя убивать без суда, по прихоти или любому умыслу.

Сегодня нужны энтузиасты, которые, подобно Визенталю, помогли бы специальным службам находить преступников-террористов, чтобы привлекли их к суду и навсегда изолировали от человеческого общества, чтобы люди были избавлены от страха.

Заслуги Симона Визенталя нашли признание во всем мире. Это человек-легенда. У него столько наград и титулов, что перечислить все невозможно. Он – почетный гражданин многих городов, почетный доктор многих университетов и академий, член различных организаций. Ему 90 лет, и он – свидетель XX века, века страшных войн и революций, может быть самого жестокого и кровавого за всю историю человечества.

И это чудо, что этот человек-история – наш современник. Он в здравом уме, полон энергии и планов. С ним можно поговорить не только о войне и преступниках, но и на любые другие темы. Он может быть веселым, шутить и рассказать старый анекдот из жизни еврейских местечек.

Я познакомился с Симоном Визенталем в 1991 году в свой первый приезд в Вену. Львовский писатель Д. попросил передать ему письмо, где сообщалось о том, что в одном из сел Львовской области живет бывший член Организации украинских националистов, принимавший участие в убийствах евреев во время войны.

После предварительного звонка в условленное время я отправился на встречу с Визенталем. До этого я знал о нем только понаслышке, из польских и немецких журналов, которые получал от друзей. Советская печать, зная его критическое отношение к коммунистическому строю, о нем не писала.

Документационный центр находится на тихой улице, неподалеку от площади Шведэнплатц. По дороге от станции подземки, пересекая широкий сквер, я увидел памятник, сооруженный из больших каменных плит. Это был памятник австрийским антифашистам, погибшим в гестаповских застенках. Позднее я узнал, что в конце войны группа австрийских патриотов, среди которых были военные и католики-

священнослужители, выступила против фашистов. Все они были казнены. На месте этого памятника ранее находилось здание венского гестапо, его взорвали уже после войны. Из части плит разрушенного здания и соорудили этот памятник.

До этого я полагал, что в Вене погибли только евреи, а если австрийцы, то разве что от бомбежек. Образ австрийца-антифашиста плохо укладывается в сознании иностранца. Австрийцы не без оснований утверждают, что их страна стала первой жертвой германского фашизма. Но этот факт можно принять с натяжкой, если вспомнить стотысячное “хайль”, когда Адольф Гитлер, кстати австриец, выступал с балкона венского дворца Хофбург. Австрия времени второй мировой войны известна не столько антифашистами, сколько зловещими личностями, вроде эсэсовских генералов Зейс-Инкварта, Кальтенбруннера, руководителя организации “Гитлер-югенд” Бальдура фон Шираха, впоследствии главных военных преступников на процессе в Нюрнберге.

Врата ада

Впрочем, если говорить об австрийских антифашистах, то имя Симона Визенталя занимает одну из главных позиций.

Вот и нужный подъезд. Поднимаюсь по лестнице, звоню в дверь с вывеской “Документационный центр”. Открывает женщина, вежливо осведомляется о моей персоне и сообщает, что господин Визенталь меня ждет.

В кабинете из-за стола поднимается пожилой мужчина. Большая голова, мешки под глазами, взгляд любознательного человека. Знакомимся, я отдаю ему письмо. Визенталь спрашивает, не трудно ли мне беседовать на немецком. Это был мой первый приезд в Вену, я еще не очень был уверен в своем немецком и спросил, не можем ли мы разговаривать на польском. Он улыбнулся, сказал, что польский знаком ему с детства. Мы говорили о Львове сегодняшнего дня. В этом городе он провел значительную часть своей жизни. Я интересовался работой Документационного центра, тем, как ему удалось выследить Эйхмана. На прощание он подарил мне свою книгу “Правота, а не месть” с автографом, просил передать привет львовским знакомым. Я унес с собой приятное чувство от встречи со знаменитым, но простым в обращении, демократичным и доброжелательным интеллигентным человеком. И в последующих встречах это чувство утвердилось.

Непостижимо: один человек с тремя помощниками переворачивает, перечитывает, изучает, исследует горы архивного материала, писем, периодики, прослушивает десятки кассет с показаниями. Какую голову нужно иметь, чтобы вместить и переварить огромный объем информации, доступный разве что современному компьютеру. И такие весомые результаты! В разговоре Визенталь называет появившегося в работе нового врага – время. Уходят из жизни и жертвы, и преступники, и свидетели, без которых ничего доказать нельзя. На дворе у нас конец второго тысячелетия, но нельзя утверждать, что исчезает террор, преступления и ненависть.

В своей речи в ООН в Нью-Йорке в ноябре 1995 года Симон Визенталь сказал: “Технология сама по себе является для человечества источником прогресса, но технология, умноженная на ненависть, ведет человечество к катастрофе”.

Чтобы противостоять человеческой ненависти, считает Визенталь, нужно воспитывать в людях идеи терпимости. В Лос-Анджелесе, в Институте, носящем имя Визенталья, существует музей, который называется “Музей терпимости”. Только взаимная терпимость людей разных рас, национальностей, вероисповеданий, мировоззрений может противостоять ненависти и помочь избежать всемирной катастрофы.

Вот почему и сегодня Визенталь не собирается уходить на пенсионный покой. Для него и его единомышленников достаточно работы и спустя 55 лет после разгрома фашизма. То, что в эти тревожные времена Визенталь с нами, вселяет в сердца мирных людей надежду и уверенность.

Один из старых друзей Визенталья, ювелир по профессии, спросил его как-то, почему тот не работал по специальности архитектором, а избрал такую странную профессию охотника за недобитыми преступниками-фашистами. Визенталь ответил: “Мы с тобой старые люди и верим в загробную жизнь. Когда-нибудь Г-сподь призовет нас к себе, и евреи, которые уже на небе, спросят, чем ты занимался на земле? Один скажет, что строил дома, другой учил детей, ты скажешь, что шлифовал алмазы. А я им скажу: я всегда помнил о вас”. Симон не хочет сказать: я мстил за вас, не хочет употреблять слово “месть”. Одна из его книг, как мы знаем, так и называется: “Правота, а не месть”. Но в данном случае по отношению к извергам рода человеческого слово “месть” – далеко не самое жестокое. Отсутствие убийц в человеческом обществе, которых преследовал, преследует и будет преследовать Визенталь, – это гарантия мира и продолжения жизни на многострадальной земле.

БОМБА НИСОНА ГЕЛЬПЕРИНА

Г'נני אדוירא

Самой мощной бомбой, весом в 2,5 тонны, в начале Великой Отечественной войны располагали немцы.

Но у них практически не было средств ее доставки.

Мощность бомб Советского Союза, американцев и англичан не превышала 2 тонн.

В 1942 году профессору Нисону Ильичу Гельперину было поручено в кратчайшие сроки создать пятитонную бомбу.

Не имея технических средств, во дворе завода, в небольшом сарайчике вручную заливали взрывчатку. Конструктор работал вместе с рабочими. С целью экономии времени все испытания проводили опытным путем. Чтобы определить баллистические характеристики бомбы, ее наполнили песком и сбросили с самолета в районе аэродрома. Все расчетные характеристики подтвердились. Осталось проверить боевые качества бомбы, ее разрушительную силу. Требовались полигонные испытания. Для этого мог быть использован только серийный четырехмоторный тяжелый бомбардировщик Пе-8 конструкции ОКБ А. Н. Туполева. Фронтальной боевой экипаж (одиннадцать человек, командир корабля полковник В. Абрамов и штурман К. Иконников) сбросил бомбу точно в цель. Результаты «работы» бомбы превзошли все ожидания. Это был старый лес, даже днем в нем было сумрачно. Пробирались через чащобы, завалы. Когда командующий дальней авиацией А. Голованов, начальник штаба М. Шевелев, конструкторы, инженерно-технический состав части и работники полигона добрались до места падения бомбы, перед ними в лесу открылась обширная, в сотню метров диаметром, неглубокая воронка, окруженная поваленными деревьями, которых было более 600 (считали только деревья диаметром свыше 20 см).

Работа была одобрена и принята, бомба стала громить немецко-фашистских захватчиков.

Длина бомбы была равна 5,2 метра, ее диаметр — 1 метр. Даже створки бомболоюков не закрывались полностью. Среди однополчан бомбу в шутку называли Марьей Александровной, так звали заведующую летной столовой, по комплекции напоминавшую нашу бомбу.

В апреле 1943 года первые серийные бомбы были сброшены на береговые укрепления Кенигсберга. На фашистов пятитонка наводила ужас. Гитлер грозился в ответ применить химическое оружие.

После освобождения Орла при осмотре места сброса пятитонной бомбы обнаружилась необычная картина. На участке в сотню метров железнодорожные пути были будто срезаны ковшом гигантского экскаватора. Насыпи больше не существовало. Пульмановские вагоны были отброшены в стороны, словно спичечные коробки, и смяты. А на станции застыли десятки загруженных военной техникой эшелонов.

Мы, участники Орловско-Курской операции, стали именоваться Орловцами, и нам на равных с другими большими войсковыми соединениями был посвящен первый салют в Москве.

Народный артист С. Я. Лемешев у бомбы.

Вспоминается один боевой эпизод работы пятитонной бомбы. Партизанская разведка сообщила дату, когда в белорусском городе Могилеве в одном из больших зданий состоится совещание немецкой жандармерии и предателей-полицаев. На бомбежку вылетели два самолета, имевших в бомбоотсеках по одной бомбе весом в пять тонн каждая. Первым самолетом здание было разрушено прямым попаданием бомбы, второй самолет ударил следом. Как позже сообщила разведка, трупы выносили в течение нескольких суток.

Нарушая директиву ЦК КПСС, разглашаю, что бомбу ФАБ-5000 НГ, кроме людей многих других национальностей, создавали, испытывали, готовили для выполнения боевых заданий и евреи: главный конструктор Нисон Гельперин, начальник

штаба авиации дальнего действия Герой Советского Союза Марк Шевелев, инженер по авиавооружению Исаак Окон, автор этих строк инженер по авиаоборудованию Осип Аронов.

Честь и слава командирам воздушных кораблей летчикам украинцам Владимиру Пономаренко и Николаю Ищенко, штурманам русским Константину Иконникову и Василию Рагозину.

Известно, что в 1934—1944 годах

Н. И. Гельперин занимался созданием новых видов боеприпасов — бомб с новым суррогатированным взрывчатым веществом, железобетонных бомб и др.

В 1945—1950 годах под руководством Н. И. Гельперина впервые в СССР было организовано промышленное производство антибиотиков (пенициллина и др.).

В 1966—1983 годах ученым проведен цикл исследований в области космических технологий.

Н. И. Гельпериним опубликовано (частично в соавторстве с учениками) свыше 800 научных работ (в том числе около 25 монографий и учебников), подготовил более 250 докладов на научных конференциях в СССР и за рубежом.

Н. И. Гельперин «выпустил» более 130 кандидатов наук и 12 докторов наук.

В заключение несколько любопытных фактов из биографии.

В начале 30-х годов Н. И. Гельперин приехал в командировку в Германию для ознакомления с холодильными процессами. Его встретил известный конструктор Линде и пригласил в машину, на радиаторе которой Нисон Ильич увидел флажок со свастикой.

Самолет Пе-8, на котором возили бомбу ФАБ-5000НГ.

Н. И.: «Я под таким флажком ехать не могу». Линде: «Это же государственная эмблема». Н. И.: «Но я же не дипломат!» Линде пришлось снять флажок. Поехали.

Германия, завод холодильных машин. Немцы не очень скрывают от Н. И. Гельперина конструкции аппаратов и их чертежи, но выносить их не дают, а на память — что схватишь? Но Нисон Ильич приходит в гостиницу и по памяти воспроизводит чертежи (с размерами деталей). В Москве это помогает сэкономить время при создании советских холодильных установок. А в Германии Н. И. Гельперина объявляют «русским промышленным шпионом».

Н. И. Гельперин едет в командировку во Францию. В Берлине в купе входят работники немецких спецслужб и просят открыть чемодан. Нисон Ильич отказывается, предлагает это сделать им самим. Они открывают и обнаруживают там захваченную для чтения в дороге книгу Фурманова «Чапаев» на русском языке — подрывная литература! Гестаповцы уносят чемодан и возвращаются за 6-7 минут до отхода поезда: «Вам придется пройти с нами, мы вас задерживаем». Н. И. Гельперин был на этот счет проинструктирован в Москве: «Наше консульство отслеживает мою поездку. При моем задержании в Москве будет интернирована немецкая промышленная делегация». Гестаповцы уходят ни с чем, Нисон Ильич продолжает поездку во Францию.

И ДАЛ ИМ Б-Г ЛЮБОВЬ...

Àðåããèé Ôàñèí

Великая отечественная война советского народа против фашистских захватчиков началась 22 июня 1941 года. Эту дату знают и помнят все.

Но не все, вероятно, знают, что 24 июня 1945 года, после победоносного завершения той долгой и страшной войны, в Москве на Красной площади, состоялся парад Победы.

С того дня прошла целая жизнь...

И давно уже нет в живых командовавшего тем парадом маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, как и нет в живых принимавшего парад маршала Советского Союза легендарного Г.К. Жукова. Нет и других прославленных в Великой Отечественной войне полководцев.

И немного найдется сегодня участников того исторического парада, да еще евреев.

Поэтому, когда я познакомился недавно с Михаилом Иосифовичем Капланом, полковником бронетанковых войск в отставке, и узнал, что 24 июня 1945 года он, молодой тогда офицер, принимал участие в параде Победы и видел, как воины различных родов войск, прошедшие с тяжелейшими боями всю эту войну, бросали к подножию Мавзолея Ленина, под барабанную дробь, обгоревшие штандарты и знамена поверженных фашистских орд, и когда я узнал, что после парада Михаил Каплан был приглашен на обед в Кремль, где члены Политбюро и сам великий Сталин, обходя столы, здоровались за руку с каждым из многочисленных гостей, я загорелся желанием написать о Михаиле Каплане очерк.

— Что вы? Не надо. Не надо ничего обо мне писать! — замахал он руками.

Но как было упустить случай и не рассказать читателям о еврее, награжденном за свой ратный труд в великой битве с фашизмом многими правительственными наградами, участнике вошедшего в историю парада Победы?

Михаил Иосифович продолжал упорствовать, и тогда я решил побеседовать с его женой Розой Петровной, уже немолодой, но обаятельной женщиной, членом Ассоциации бывших узников гетто и нацистских концлагерей. В 1941 году, когда началась война, она жила со своей семьей в небольшом живописном украинском городке Бар Винницкой области. С приходом немцев их, как и других евреев, загнали за колючую проволоку, в гетто.

В архиве нашей ассоциации (замечу, что автор очерка — ее Председатель) хранится копия документа тех лет, который я хочу привести здесь полностью. Он дает представление о том, что переживали тогда евреи этого маленького украинского городка.

Όέας 1 21

Ίΐ Αάδρέρé δαέρΐΐέρé όΐ δάδρΐ όò 15 άέράάδύ 1941 άάά

Π. 1. Ήδωβσκóε νάσελénε Βάρσκóε ράϊόνά с 20 δέκάβρϐ с. г. ράζμεцáετá в íзолиρóваннύх мéстáх (гéтто) гóρóδóв Βάρ и Ήλτυшкóвó.

Π. 2. Ήδωβσκóε νάσελénε úказáнных νάσελénнύх пунκтóв δóλжнó δó 20 δέκáβρϐ пéρéселéτá в гéтто.

Π. 3. Ήδωβσκóε νάσελénε гóρóδá Βάρ ράζμεцáετá в тáкíх чáстáх гóρóδá: гéтто № 1 — бύвшáя úлицá Шóлом-Алéйхéмá, мéстóнáхóжδéнé бύвшéй старóй сíнагоги; гéтто № 2 — бύвшáя úлицá 8 Μάρτá, Κομσóμóλскáя и Κοοπéρáτíνáя; гéтто № 3 — чáсть бύвшéй úлицы 8 Μάρτá, κóτóρáя πρίλεгáετá κ στáδíονυ.

Прíμéчáнíе: Гéтто № 3 зάσεлáют íсклúчíтéлнó ρéμéслéннíкí по сπíскυ, κóτóρýй бúδéτ όβъявлén чéρéз жíδóвскýй сóвéт.

Π. 4. Гéтто δύя жíδóвскóгó νάσελénéя гóρóδá Ήλτυшкóвó νáзнáчíт сéлскáя Уπρáвá гóρóδá.

Π. 5. Вséμυ жíδóвскóμυ νάσελéníυ в сýзвí с пéρéселéníεм в гéтто зάπρéцáετá ράζρυшáт свóε жíлíцá, κóτóρéя óнí óстáвлáют.

Π. 6. Úκρáíνскóμυ νάσελéníυ, κóτóρóε жíвéτ в мéстáх, óтвéδéнных под гéтто, нáδлéжíт óсвóбóδíт свóε пóмéщéнáя, явíтáя в жíлíцнýй óтδéл ρáíóνнóй úπρáвы δύя пóлúчéнíя δρúгíх пóмéщéнíй.

Π. 7. Жíлíцнóμυ óтδéлυ πρíκáзýвáю взáт на úчéт вsé пóмéщéнáя, κóτóρéя бúδúт óсвóбóδжδéны жíδóвскíм νάσελéníεм.

Π. 8. На óργáνá бéзóпáснóстí г. Βάρá нáκлáδýвáετá óтвéтсвéннóсть зά óργáνíзάцíю вýшéíзлóжéннóгó мéρóπρíтíя.

Гóлóвá Βάρскóй Уπρáвы К. Вéпρíк

НАКАЗ № 21

По Барській Районній Управі
від 15 грудня 1941 року

§ 1.
Жидівське населення Барського району з 20 грудня ц. р. розміщується в ізольованих місцях (ГЕТТО) м.м. Бару та Ялтушкова.

§ 2.
Жидівське населення населених пунктів району повинно до 20 грудня переселитися до м. Бару, або Ялтушкова (куди буде зручніше) і теж з 20 грудня розміститися в (ГЕТТО).

§ 3.
Жидівське населення м. Бару розміщується у таких частинах міста: ГЕТТО № 1—бувша вулиця Шолом-Алейхема, місцевість бувшої старої синагоги, ГЕТТО № 2—бувша вулиця 8 березня, Комсомольська, Кооперативна та ГЕТТО № 3 частина бувшої вулиці 8 березня, що прилягає до стадіона.

ПРИМІТКА: ГЕТТО № 3 заселяють виключно ремісники за списком; який оголошується через жидівську раду.

§ 4.
ГЕТТО для жидівського населення м. Ялтушкова визначає сільська Управа м. Ялтушкова.

§ 5.
Всьому жидівському населенню району в зв'язку з переходом у ГЕТТО, забороняється руйнування житлових та не-жилих приміщень, які вони залишають.

§ 6.
Українському населенню, що живе в місцях, які відведені під ГЕТТО звільнити свої приміщення і з'явитися до житлового відділу Районної Управи для одержання іншого приміщення.

§ 7.
Житловому відділу наказують взяти на облік всі приміщення, які будуть звільнені жидівським населенням.

§ 8.
На органи безпеки м. Бару та в районі покладено відповідальність за організацію нищезаданого підприємства та застереження від грабунків.

Голова Барської Районної Управи
КОМВЕПРИК

**ХТО ГРАБУЄ, ТОЙ БУДЕ
РОЗТРІЛЯНИЙ!**

Согласно этому зловещему документу Роза и была отправлена за колючую проволоку.

Потом начались расстрелы. В один из тех страшных дней была расстреляна ее мать. Ей же чудом удалось спастись...

Роза Петровна оказалась более покладистой, чем ее муж. И я узнал не только подробности о его военной службе, но и романтическую историю их жизни.

Ранней весной 1944 года в село, где прятали спасенную из гетто еврейскую девочку, вихрем влетели советские танки. За селом держала оборону немецкая часть. Гитлеровцы вырыли окопы, установили минометы и пушки. Но советские танки, вздымая пыль, промчались по селу, с ходу снесли немецкую оборонительную полосу и, догоняя побежавших в панике фашистов, стали давить их своими гусеницами.

В одном из танков был гвардии капитан Михаил Каплан. Преследуя ненавистного врага, он жил одной мыслью: убивать! Но когда немногие из оставшихся в живых немцев, побросав оружие, подняли вверх руки, он приказал танкистам остановиться. Пленных отправили в штаб полка, и капитан Каплан дал своим людям команду расположиться на отдых в селе. Выбежавшие навстречу танкистам жители бросились обнимать своих освободителей. А вечером под гармошку старшины возле сельсовета начались танцы.

Умывшись у деревенского колодца до пояса холодной бодрящей водой, начистив сапоги, капитан пошел посмотреть на танцующих.

И тут увидел ее...

Тоненькая, в неказистом жакетике, она танцевала с танкистами. И так легко кружилась она в вальсе, таким счастьем светились ее глаза, что не залюбоваться ею было просто невозможно.

Он пригласил ее на танец. А потом пошел провожать.

Танкисты стояли в селе всего три дня. Но какими были для него и для нее эти три дня!..

Война продолжалась, танки пошли дальше. Но теперь Розочка почти каждый день получала письма от своего Мишуни. Так назвала она его сразу и называет по сей день. Письма те, написанные в перерывах между боями, то на опушке леса, то в наспех вырытой землянке, а то и под горячим, пахнущим пороховым дымом, только вышедшим из боя танком, письма с пожелтевшими страницами и стершимися от времени строчками, она хранит до сих пор.

Он вернулся к ней сразу после войны. И о встрече девочки из гетто с офицером-танкистом, воином великой армии, освободившей Европу от фашизма, только об одной этой встрече нужно писать не очерк, а книгу или ставить фильм.

Ей еще не было шестнадцати, и их не хотели расписывать. Но разве есть преграды для любящих друг друга людей, выживших в адском пламени войны и встретившихся по воле Б-га!..

А когда оформили они свой брак, пошли, как водится, дети.

Сын Семен, потом дочь Белла...

Михаил Иосифович остался в

армии, стал полковником и прослужил в этом звании 20 лет.

По занимаемым должностям, а был он заместителем командующего бронетанковым корпусом по технической части и заместителем командующего автомобильными войсками Министерства обороны СССР, только по этим должностям он должен был носить генеральские погоны, но пресловутый пятый пункт не позволил ему получить звание генерала.

Служил он и в Закарпатье, и на Севере, и в Средней Азии, и даже в Монголии, где участвовал в создании бронетанковых войск этой республики, за что удостоился четырех наград от монгольского правительства.

Михаил Каплан (второй справа в первом ряду) в 1944 году.

И везде в той беспокойной, напряженной, вечно походной жизни рядом с ним была его ненаглядная, любимая Розочка.

Все это я узнал уже от самого Михаила Иосифовича, который поддался уговорам жены и, хоть скупно, но все же рассказал о себе.

Родился и вырос он в Одессе, в Лермонтовском переулке. Учился в одном классе с композитором Оскаром Фельцманом и ставшим известным в тяжелые годы войны партизанским врачом Абрамом Цессарским.

До начала войны Михаил успел закончить четыре курса Одесского индустриального института, ныне Политехнического. Но когда началась война, на фронт его не взяли, у него был так называемый белый билет. Еще школьником он уцепился как-то за трамвай, упал и повредил ногу. По этой причине его и не брали на фронт. Но он не мог оставаться в стороне от свалившихся на страну страшных событий и записался в отряд народного ополчения, состоявших из таких же “белобилетников”.

Во время обороны Одессы он рыл окопы и сооружал противотанковые рвы. А 14 октября 1941 года вместе с покидавшими город последними частями Красной Армии погрузился на пароход “Красный Октябрь” и отплыл в Севастополь.

И снова бои, бомбежки и вдруг — глубокий тыл.

Воюющей стране нужны были грамотные командиры, и его послали заканчивать институт, который эвакуировался в Ташкент. Дипломированного инженера сразу направили в Академию танковых войск, которую он закончил менее, чем за год, и в 1943 году в звании старшего лейтенанта он вернулся на фронт.

Его призванием были танки. Участвуя в боях, он разработал методы ремонта подбитых танков без отвода их в тыл, и многие боевые машины, отремонтированные по методу инженера Каплана, быстро возвращались в строй.

Воюя в составе 1-го, а потом 2-го Украинского фронтов, он освобождал Украину, Прибалтику, Польшу, видел разрушенные города и испепеленные села, горе тысяч обездоленных и замученных фашистами людей...

Однажды в бою танк, в котором был старший лейтенант Каплан, загорелся от прямого попадания снаряда. Оглушенные, задыхающиеся в дыму танкисты так и остались бы в горящем танке, если бы не их командир. Он быстро открыл нижний люк, помог товарищам выбраться наружу и покинул танк последним.

Помнит он и другой бой, за освобождение Варшавы. Немецкие самолеты тучами висели над рвущимися к городу советскими войсками. От бомб горела земля, горели танки. Солнце вставало в дыму и садилось в дым. Но удержать наступление советских воинов было нельзя.

В этом стремительном наступлении танк Михаила Каплана загнал в балку и раздавил несколько немецких автомашин. Одна из них оказалась штабной. Из-под ее обломков танкисты извлекли знамя немецкой части. Возможно, и это знамя вместе с другими плененными фашистскими знаменами было брошено к подножию Мавзолея на параде Победы.

Освобожденная Варшава оказалась полностью разрушенной. С ожесточенностью садистов, зная, что столицу Польши им уже не удержать, гитлеровцы разрушали в городе квартал за кварталом. Жилые дома взрывали или сжигали.

Особенно тяжело переживали разрушение Варшавы польские солдаты и офицеры Войска Польского, воевавшие за освобождение своей столицы бок о бок с советскими воинами. Михаил Каплан видел, как плакали, глядя на руины Варшавы эти закаленные в боях люди.

Там же, в Варшаве, он впервые узнал о героическом восстании варшавского гетто. Ведь советская пропаганда скрывала факты беспрецедентного в истории второй мировой войны героизма обреченных на смерть польских евреев. И то, что услышал Михаил от бывших в немецкой оккупации варшавян, потрясло его...

В январе 1943 года из 450 тысяч загнанных в варшавское гетто евреев оставалось около 40 тысяч. В течение нескольких лет несчастных отправляли из гетто в лагерь смерти — Трешлинку, Майданек, Освенцим, где их уничтожали в газовых камерах.

Восстание вспыхнуло, когда в гетто вошли немецкие солдаты, чтобы отправить очередную партию евреев на уничтожение. Их встретил ружейный и пулеметный огонь. Не ожидавшие отпора немцы, бросились в укрытия. Бой длился три дня. На четвертый день яростного сопротивления немцам пришлось отступить. Они не могли понять, где евреи взяли оружие? А накапливалось оно постепенно: хитростью, подкупом и откровенными кражами. Подавление сопротивления варшавского гетто было возложено на генерала Юргена Струпа, который применил против восставших даже артиллерию. Подвалы гетто были превращены восставшими в бункера, в целях укрытия использовали и подземную канализацию. Полтора месяца длилось восстание. Немецкая артиллерия сметала дом за домом, квартал за кварталом. Гетто бомбили с воздуха, атаковали танками. Но евреи держались. Еврейские парни бросались с бутылками зажигательной смеси под танки, мужчины с чердаков уцелевших домов расстреливали из пулеметов штурмовавшие гетто эсэсовские части. Но силы были неравные. Напрасно организаторы восстания взывали о помощи к полякам, никто им не помог. И гетто пало...

Гордость — первое чувство, которое испытал Михаил за свой несчастный народ. И, конечно, печаль... А воевал он после этого с еще большей ненавистью к врагу!

Оставшись после окончания войны в армии, Михаил Каплан, имевший огромный боевой опыт, передавал его своим подчиненным, и не переставал совершенствовать находившуюся в его распоряжении технику. Так, он внедрил в практику вооруженных сил вождение танков под водой во время форсирования рек, разработал методику герметичности боевых машин. За это он был награжден Золотой медалью Выставки достижений народного хозяйства СССР.

И еще много полезного дал он родной армии, в которой прошла почти вся его жизнь...

Сейчас Михаил Иосифович на пенсии. По вечерам они с Розой включают телевизор и с нетерпением ждут, когда на канале НТВ начнется передача “Сегоднячко”. А ждут они эту передачу потому, что одна из ведущих передачи очаровательная Юлия Шахова — их внучка. И, глядя на Юлечку, которая улыбается им с экрана, они словно смотрят в волшебное зеркало. Точно такой, как Юлечка сегодня, была в молодости Розочка.

Дочь Михаила и Розы Белла, как и ее дочь Юлия, тоже телезвезда. Она, заслуженный деятель культуры Российской Федерации, уже 30 лет работает на архангельском телевидении. В этом городе служил когда-то офицер Каплан, Белла Михайловна родилась там и выросла. Муж Беллы и отец Юли Юрий Пацевич — профессор Архангельского медицинского института, доктор медицинских наук. Семен Каплан, сын Михаила и Розы, инженер-электронщик, много лет проработал в Институте космических исследований Академии Наук СССР.

Такая это семья.

... Только прожив жизнь, начинаешь понимать, что время измеряется не годами, не сроками, а событиями. Главными событиями в жизни Михаила Иосифовича была война, парад Победы и любовь. Но и война, и парад Победы, отгремев, ушли в далекое прошлое. И лишь любовь к его Розочке, детям, внукам осталась с ним навсегда.

РЫЦАРЬ ДЕТСКОГО ОБРАЗА

А. Адеіааа

×óñòáô, áñ ì íá ñññññòí:èáâòññ

íááññ ùá ñññ, èíòíòñá áçì áòíóòññ ññññ ññòá,

è ññò ÿòíò áóááò ññòèòù ì íá

áñ ìññááí áñ áçñòá.

×óñòáô, ÿ áèèçé è òí ù, ÷òíáññ áñáññòññç ááçññ ù áóè è òáèñ è ñ-áñòññ

Из школьного дневника Генриха Гольдшмидта

В сталинского периода энциклопедиях и словарях, советской специальной литературе этого имени нет. Замолчать же подвиг любви к детям, подвижнический труд на их благо, литературное наследие, конечно, не удалось. Давным-давно пришли к нам его прекрасные сказки, вселяющие веру в справедливость, человеческое достоинство и милосердие.

Он известен миру как Януш Корчак, хотя при рождении в 1878 году в Варшаве получил имя Генрих Гольдшмидт. Отец его, практикующий адвокат, добрый человек, тяжело заболел, когда Генрих был еще ребенком. Неизгладимый след сопереживания, сострадания ближнему, родному существу сформировал душу будущего писателя, педагога, врача, чуткую, ранимую и любящую.

Генриху - 10 лет.

Его влекло желание изменить мир и возрадоваться ему. Слова, вынесенные в эпиграф, взяты из юношеских раздумий и светлых надежд. Потом он будет намного скупее в самооценке, скромнее в высказываниях. А юность — она благословляет на взлет души и эмоциональный подъем. Генрих все больше доверяет свои сокровенные мысли бумаге. Так родился Януш Корчак — писатель мира детства, впитавший в себя идеалы А.П. Чехова, традиции русского гуманизма, извечное еврейское милосердие и стойкость. Он явился продолжателем прекрасной традиции — получил профессию врача, стал врачевать и тела, и души. Однако мир детства — мир истин без фальши, чувств без тени лицемерия не оставлял мыслителя.

Во время первой мировой войны, работая военным врачом в русской армии, в условиях постоянной опасности, Корчак создавал книгу “Как любить детей”, в которой пишет: “Ребенок превосходит нас силой чувств. В области интеллекта он по меньшей мере равен нам, ему недостает лишь опыта”. Писатель-врач верил в это, как верили в это многие другие гуманисты. Но одно дело писать, побуждая мир взрослых прислушаться к миру детей, не нарушать его непродуманным словом, несправедливым наказанием, и совершенно другое — отдать всего себя детям, обездоленным, бедным.

К своему подвигу Я. Корчак шел всю жизнь. Вся его жизнь была подвигом служения будущему, подвигом понимания и любви. Врач, писатель и педагог, он стал воспитателем детской колонии. Его питомцы смогли познавать прелести живой природы, почувствовать единение с нею. Дом сирот и Наш дом были созданы в Польше, где процветал шовинизм, но несмотря на это детские республики Корчака просуществовали при его жизни четверть века. Это служит примером того, что человек даже в тяжелейших условиях может строить разумный мир. “Я существую не для того, чтобы меня любили и мной восхищались, а чтобы самому действовать и любить, — писал Корчак в своем дневнике. — Не долг окружающих мне помогать, а я сам обязан заботиться о мире и человеке”.

Корчак должен был беречь тот хрупкий мир равенства и счастья, который удалось создать для детей-сирот. Здесь господствовали свой Суд, своя Газета, свое Право. Детям разрешалось подать жалобу на воспитателя, если тот, как они полагали, поступал несправедливо. Самому воспитателю вменялось в моральную обязанность просить детский суд дать оценку своему поступку, если он испытывает даже тень сомнения. Корчак несколько раз обращался в этот суд, и в этом не было позы или притворства. «Я категорически утверждаю, – писал Корчак в книге “Дом сирот”, – что эти несколько судебных дел были краеугольным камнем моего перевоспитания как нового “конституционного воспитателя, который не обижает детей не потому только, что хорошо к ним относится, а потому, что существует институт, который защищает детей от произвола, своевластия и деспотизма воспитателей”». Сегодня, когда существует Всемирная Декларация прав ребенка, написаны тома хороших законов, как не хватает маленьким оборвышам и даже детям приютов таких воспитателей и друзей! От личности зависит очень многое.

Студент медицинского факультета Варшавского университета.

Конец 1890-х.

Януш Корчак воспитывал ребят делом. Так, была создана первая печатная газета “Малый Пшечлэнд”, которую выпускали сами дети. Потом, в гетто, во время вспыхнувшего там героического восстания бывшие корреспонденты этой газеты, ее читатели, воспитанные на идеях милосердия и справедливости, истребляли фашистов. Окруженные вдесятеро превосходящими силами, они уходили под землю, в ходы подземных коммуникаций Варшавы, и оттуда, почти безоружные, вновь и вновь нападали на врага, пока все не погибли. Педагогика Корчака полярна идее непротивления злу. Она воспитывала людей непримиримых к насилию, ко всякой неправде. Его главный герой король-ребенок Матиуш I с мудростью опытного человека борется за свою страну, за души своих подданных. Как тяжек этот труд! Ведь человек, униженный в детстве, когда был совсем еще маленьким, живет с болью унижения и, вырастая, зачастую эту боль стремится доставить другому, вымещая ее подсознательно на более слабых. Вот отчего в специфических условиях детских закрытых учреждений, казармах, общежитиях живет дух насилия и издевательств над ближним.

Врач и педагог, психолог Януш Корчак вел наблюдения за детьми много лет; стремился даже в гетто сберечь их и передать потомкам; придя к определенным выводам, он немедленно использовал их на практике. Излагая свои мысли, облакая их в форму сказки, доступную и взрослому, и ребенку. Однако не случайно, наверное, его сказки имели печальный, андерсеновский конец. Великим людям свойственен дар провидения. В полной мере им владел и добрый сказочник XX века, “старый доктор”, как называли его дети, Януш Корчак.

Война... Она неумолимо покатила по Европе, захлестнула Польшу и, конечно же, не миновала приюта Я. Корчака. Дом сирот перевели в гетто. Преданные учителя и соратники доктора остались вместе с детьми.

В окружении учеников. 1927 год.

Но дети жили, как в прежде, надеясь на свою защищенность взрослыми. А тем все труднее удавалось скрывать тревогу за детей, поддерживать привычный распорядок учебы, занятий искусством и т. д. Приходилось трудно. В гетто не было продуктов. “Старый доктор” добывал, что мог и как мог, чтобы дети могли существовать. И только своему дневнику доверял он ясное понимание, предчувствие конца: «Хотелось бы умирать, сохранив присутствие духа и в полном сознании. Не знаю, что бы я сказал детям на прощание. Хотелось бы только сказать – “сами избирайте свой путь”». Он надеялся, что умрет один, что дети выживут. Вопреки окружающему злу, понесут посеянные им зерна добра и благородства в глубину столетия. Увы, варварство, человеконенавистничество фашистов перешли все самые безумные границы, Они посягнули на святая святых – жизнь детей, посягнули на Будущее.

По мосту из “малого” гетто Варшавы в “большое” Корчак и его воспитанники прошли свой последний путь.

Янушу Корчаку пытались помочь. “На Белянах сняли для него комнату, приготовили документы – рассказывает сотрудник Корчака Игорь Неверш. – Корчак мог выйти из гетто в любую минуту, хотя бы со мной, когда я пришел к нему, имея пропуск на два лица – техника и слесаря водопроводно-канализационной сети. Корчак взглянул на меня так, что я съезился. Видно было, что он не ждал от меня подобного предложения... Смысл ответа доктора был такой: не бросишь же своего ребенка в несчастье, болезни, опасности. А тут двести детей. Как оставить их одних в газовой камере? И можно ли это все пережить?”

1936 год.

Пятого августа 1942 года по приказу гитлеровцев Дом сирот выстроили на улице. Эмануэль Рингельблюм, замученный впоследствии фашистами, руководил подпольным архивом варшавского гетто. В архиве сохранился его рассказ: «Нам сообщили, что ведут школу медсестер, аптеки, детский приют Корчака. Стояла ужасная жара. Детей из интернатов я посадил в самом конце площади, у стены. Я надеялся, что сегодня их удастся спасти... Вдруг пришел приказ вывести интернат. Нет, этого зрелища я никогда не забуду! Это был не обычный марш к вагонам, это был организованный немой протест против бандитизма!.. Началось шествие, какого никогда еще до сих пор не было. Выстроенные четверками дети. Во главе – Корчак с глазами, устремленными вперед, державший двух детей за руки. Даже вспомогательная полиция встала смиренно и отдала честь. Когда немцы увидели Корчака, они спросили: “Кто этот человек?” Я не мог больше выдержать – слезы хлынули из моих глаз, и я закрыл лицо руками».

Последняя фотография Корчака. Сентябрь

1940 года.

Существует легенда о том, что комендант, отправлявший эшелон смерти в Трешлинку, увидев на уншлагплаце выстроенный четким каре детский приют со

знаменем и руководством во главе, поинтересовался у директора, не он ли написал хорошую книжку, известную ему с детства. Получив утвердительный ответ, он сказал: “Вы можете остаться, доктор...” Я. Корчак отказался. Я не верю в эту легенду. Не верю прежде всего потому, что человек, читавший Я. Корчака, не мог и не может стать детоубийцей, не может пособничать фашистам. Да и что для убийц таких масштабов жизнь одного, даже с их точки зрения, выдающегося человека!.. Януш Корчак погиб в страшных газовых камерах Трешлинка вместе со своими питомцами.

Марка, посвященная двадцатилетию гибели Корчака.

Иерусалим, 1962 год.

Остались его книги, остались педагогические труды. Остался подвиг, которому нет забвения.

В Варшаве и сейчас существует Наш дом. Там работают с детьми люди, наследующие педагогические принципы Я. Корчака. Малышам здесь светло и тепло. Они не должны догадаться, что с ними здесь живут души невинно замученных палачами детей и нестареющая душа невысокого человека с голубыми глазами, застенчивого и волевого одновременно. Душа Я. Корчака, рыцаря страны Детства.

Памятник Корчаку и его ученикам на варшавском еврейском кладбище.

“Корчак и его дети”. Ш Скульптура Якова Эпштейна.

“МЕДИЦИНСКОЕ” СОПРОТИВЛЕНИЕ ВИЛЬНЮССКОГО ГЕТТО

Î èõàèé Çàé

Немало трагедий повидали улицы древнего Вильнюса за свою многовековую историю. Одна из них, неслыханная по своим масштабам и жестокости, случилась сравнительно недавно — в годы второй мировой войны. Речь идет о жизни и борьбе обреченного на гибель вильнюсского гетто в оккупированном немцами городе.

В данной статье хотелось бы представить одну из форм сопротивления, которое вело гетто в борьбе за жизнь. Того сопротивления, которое требовало от его участников высокой духовности, истинного профессионализма и полной самоотдачи.

Пока существовало гетто, шло непрерывное сражение за сохранение, пусть ненадолго, жизни и здоровья его обитателей. Сражение вели врачи и медицинские сестры – узники гетто, сами обреченные на уничтожение.

Этот вид сопротивления исследователи теперь называют “медицинским”. Проблеме медицинского сопротивления в период Катастрофы европейского еврейства, Холокоста, был посвящен Международный конгресс, который состоялся в Нью-Йорке в ноябре прошлого года.

Живых свидетелей минувших событий осталось немного. Одним из них, чудом спасшимся от смерти, был вильнюсский доктор Марк Дворжецкий.

Его воспоминания, написанные на идише, изданы на иврите и французском.

Рукопись, переведенную на русский язык, нам любезно предоставлена главным хранителем фондов Государственного еврейского музея Литвы Р. Беляускене, за что ей большое спасибо.

Вильнюс – город, называемый Литовским Иерусалимом, многие десятилетия до начала второй мировой войны был средоточием славных гуманистических традиций еврейской медицины. Здесь жили и работали такие замечательные врачи, как Цемах Шабад (один из основателей ИВО), Я. Выгодский, Г. Гершун, А. Виршубский, Г. Коварский, И. Седлис, И. Рафес, Д. Едвабник.

По-разному сложились их судьбы: Ц. Шабад умер до войны, в 1935 году; Г. Гершун покончил с собой в гетто; Я. Выгодский погиб в лукишской тюрьме, пытаясь защитить вильнюсских евреев. На место врачей вставали их коллеги, ученики.

В чем заключалось медицинское сопротивление в Вильнюсском гетто? В невероятно трудных условиях продолжал работать еврейский госпиталь. Врачи гетто оказывали больным максимально возможную помощь. Главное заключалось в том, что необходимо было предотвратить распространение массовых заболеваний. Врачи гетто отдавали себе отчет в этом.

Кроме самих оккупантов, опаснейшими врагами обитателей гетто являлись невероятная скученность, грязь, голод, нищета, угроза распространения инфекций.

Сами узники гетто, ежечасно рискуя стать жертвами очередной акции нацистов, врачи гетто высокопрофессионально и самоотверженно боролись за сохранение, вернее спасение жизни евреев.

Была организована санитарно-эпидемиологическая служба гетто. Дневник доктора Марка Дворжецкого свидетельствует об основных направлениях борьбы врачей за поддержание здоровья обитателей гетто.

Очень важно было обеспечить людей доброкачественной питьевой водой. Для этого в различных местах территории гетто были оборудованы пункты кипячения вода (чайные). Их значение трудно переоценить. Эпидемиологическая обстановка в Вильнюсе была сложной. В конце весны – начале лета 1941 года в городе распространилась крупная водная эпидемия брюшного тифа и дизентерии. С ней удалось справиться лишь к осени. И большой заслугой врачей гетто является то, что они свели число инфекций к единичным случаям.

Постоянного внимания требовала борьба с голодом. Различными путями, часто с риском для жизни в обмен на вещи, одежду в гетто доставляли хлеб, картофель, капусту, при редкой удаче конину. Дикорастущие травы служили источником витамина С. По инициативе доктора М. Гершовича из отходов пивных дрожжей изготавливали витамин В.

В первую очередь меры борьбы с истощением, алиментарной дистрофией, авитаминозом касались детей. Стараниями доктора Розы Шабад-Гавронской была открыта детская столовая. Дети получали в ней по дополнительному кусочку хлеба, подслащенный эрзац-кофе, овощные супы, иногда с кусочком конины. Особое внимание уделялось наиболее ослабленным людям.

Следствием невероятной скученности явилось распространение в гетто чесотки. На Шпитальной улице был открыт противочесоточный пункт, где медсестра

под руководством врача-дерматолога Либе Холем проводила втирание больным антицесоточных средств, добываемых с большим трудом. Носильные вещи и постельные принадлежности больных обрабатывали в примитивной дезинфекционной камере.

Для поднятия духа, оптимизма обитателей гетто, борьбы с унынием и безысходностью регулярно предпринимались врачебные и сестринские обходы. Медики ходили из дома в дом, из квартиры в квартиру, из комнаты в комнату, убеждали измученных, голодных людей соблюдать чистоту, убирать дома, дворы, следить за мусорными ящиками, уборными во дворах.

Практически бессильными оказались врачи в борьбе с нарастающими случаями туберкулеза среди взрослых и детей. Преодолевая невероятные трудности, опытный фтизиатр Владимир Почтер создал противотуберкулезный изолятор, где лечил и консультировал больных, при необходимости производил пневмоторакс.

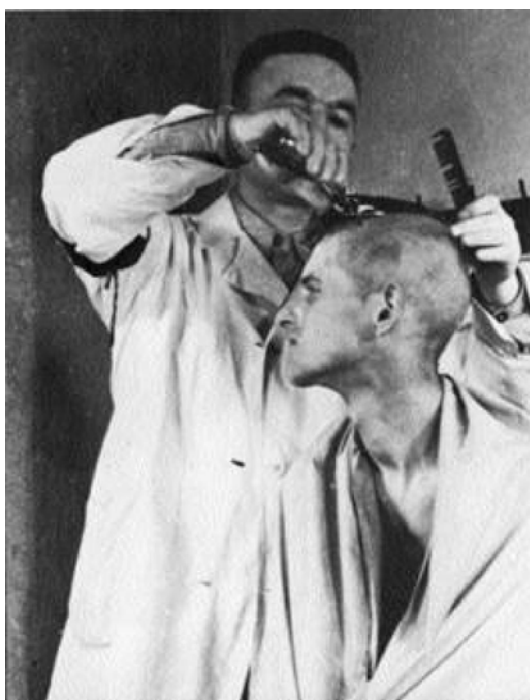
Общей бедой гетто была завшивленность. Появилась угроза эпидемии сыпного тифа, что означало реальную возможность ликвидации гетто со всеми его обитателями. Со всей решительностью, проявляя высокий профессионализм и изобретательность, врачи гетто повели сражение на этом фронте. Возглавлял сражение со вшами эпидемиолог Лазарь Эпштейн. Его верными помощниками были врачи Голдбурт, Бернштейн, Гликсберг, Именитова, Зейдлер, Колоднер, Косечевский, Смушкович, Дворжецкий. Им помогали медсестры.

Разбив территорию гетто на участки, врачи во время своих обходов настаивали на том, чтобы население проходило санитарную обработку. На улице Руднинку стараниями инженера Маркуса был сооружен большой санитарно-пропускной пункт (баня и сухожаровая камера). Группами по 22 человека жители гетто мылись, и тем временем проводилась дезинфекция их одежды. Процедура полной санитарной обработки для одной группы длилась час. Пункт действовал до позднего вечера.

Следует отметить изобретательность врачей, создававших необычные формы борьбы за санитарное благополучие гетто. Доктор Эпштейн и его коллеги организовали

“открытый суд над вшами”. Улочки гетто были увешаны афишами, извещающими о проведении этого своеобразного мероприятия.

В большом зале гетто, заполненном до отказа, обвинителем вшей, являющихся переносчиками возбудителя сыпного тифа, выступил доктор Эпштейн. Роли экспертов, доказывающих эпидемиологическую опасность вшей для человека, исполнили врачи Колоднер и Дворжецкий. Собравшиеся на “суд” единодушно поддержали приговор: “Вши в гетто должны быть уничтожены в дезкамере”. Благодаря самоотверженной работе врачей угроза эпидемии сыпного тифа была предотвращена.

Большим успехом у жителей гетто пользовались лекции врачей по профилактике инфекционных заболеваний. Усилиями Ноеми Гордон и Абрама Пинчука была расширена прачечная, действовавшая при еврейском госпитале. Теперь ею мог пользоваться каждый обитатель гетто.

Некоторое время работали три начальные школы, детские сады, гимназия, религиозные школы, технические курсы, детские мастерские. Охрану здоровья детей (в доступных пределах), медицинское наблюдение за ними осуществлял школьно-медицинский центр под руководством доктора Дворжецкого. В начале организации гетто под наблюдением центра находилось около трех тысяч детей. Центр смог устроить несколько детских праздников, на которых детей угощали витаминными напитками. К предстоящим праздникам дети готовили плакаты, рисунки, свои произведения. Был даже поставлен балет “Твои друзья – полотенце, зубная щетка, мыло, ножницы для ногтей”. Доктор Финкельштейн в числе прочего не без успеха занимался борьбой с распространением детской струмы.

Многообразна была деятельность врачей в вильнюсском гетто. По прошествии многих лет не перестаешь удивляться их высокому моральному духу, благородству, верности служению врачебному долгу в тяжелейших условиях гетто.

Они безусловно заслужили право остаться в трагической истории еврейского народа как герои медицинского сопротивления против варварского геноцида, осуществлявшегося немецкими оккупантами.

МОТИВЫ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПОЭЗИИ ХОЛОКОСТА В ЛАТВИИ

Ī ādāid Āāid ādi āi ēñ

В историографии Холокоста часто ставится вопрос: что могли обреченные на страшную гибель евреи противопоставить мощной нацистской машине уничтожения?

Физически, материально — ничего или почти ничего.

Вооруженные восстания в гетто и лагерях смерти бесспорно являются героическими событиями нашей национальной истории. Но даже теоретически

предполагать, что изолированные еврейские выступления могли замедлить движение маховика машины истребления, означало бы игнорировать исторические реалии той страшной поры.

А что евреи могли противопоставить нацизму в **духовном** плане? Как парадоксально это бы ни показалось, вопрос этот во всей громадной литературе о Холокосте даже не поставлен. Может быть, по той причине, что казалось очевидным – главное противодействие евреям нацизму могло заключаться лишь в старании выжить. Однако для выживания одного инстинкта самосохранения и физической выносливости было явно недостаточно. Оглядываясь сегодня на пройденный путь сквозь нацистские лагеря уничтожения и пытаясь осмыслить феномен спасения какой-то, хотя и ничтожно малой части обреченных евреев, хочется утверждать, что решающей предпосылкой выживания было сохранение самоуважения и **высокое национальное самосознание**.

Не секрет, что в диких издевательствах над евреями, практикуемых нацистами, манифестировались не только низменные инстинкты антисемитов и темного сброда. Эти “мероприятия” являлись составной частью тщательно продуманной системы, задача которой было морально сломить жертву еще до ее физического уничтожения. По классификации нацистов, евреи считались “*lebensunwertes Leben*” – существами, не имеющими права на жизнь. В “идеале” евреи должны были быть доведены до такой степени отчаяния, безнадежности и унижения, что внутренне перестали бы сопротивляться оценке лишенных права на существование. Важнейшим оружием обреченных в их борьбе за выживание была сила духа, вера в достоинство своего народа, **национальная гордость**.

Историки не могут работать с одними лишь утверждениями очевидцев. Им требуются исторические документы. Существуют ли документы, способные служить историографической базой для исследования о национальном сознании евреев в нацистских лагерях смерти?

На этот вопрос каждый, кто хоть мало-мальски знаком с поэтическим и песенным лагерным творчеством еврейских узников, ответит утвердительно. Главная масса этого материала относится к гетто и концлагерям Польши и Литвы. Долгое время считалось, что по Латвии подобного рода материала нет, потому что основная масса латвийских евреев, оказавшаяся под немцами, около 75 000 человек, была убита в первые шесть месяцев нацистской оккупации. К началу 1942 года в остаточных гетто Риги, Даугавпилса и Лиепай^[1] оказалось всего около 6000 евреев, а годом позже – по данным немецкой статистики, 4904. Из них выжило меньше одной четвертой части... Тем не менее и эта толика писала в лагерных условиях дневники и стихи, сочиняла песни. Несколько тысяч мужчин и женщин, привезенных в Ригу из каунасского гетто, обогатили, в свою очередь, местный лагерный фольклор своими песнями, которые, претерпев некоторые изменения, стали потом общим достоянием. Некоторая часть их была собрана, обработана и в 1947 году в Вене издана молодой еврейской девушкой Иоганной Спектор из Лиепай. Подготовленный ею сборник называется “*Ghetto und KZ-Lieder aus Lettland und Litauen. Aufgezeichnet, gesammelt, erklärt und mit Bergleitung versehen von Johanna Spector*” – “Песни гетто и концлагерей из Латвии и Литвы. Записаны, собраны, объяснены и снабжены музыкальным сопровождением Иоганной Спектор”.

Сборник, выпущенный издательством “AJDC. Austria”, содержит 15 песен, сведения об авторах, лагере, в котором песня сочинена и получила распространение.

Иоганна Спектор находилась до осени 1943 года в лиепайском гетто, откуда была переведена в концлагерь Кайзервалд – Рига. Через год узники Кайзервалда были увезены в концлагерь Штутгоф под Данцигом. “Хождение по мукам” привело ее в концлагерь Столп в Померании, потом в концлагерь Бургграбен, откуда ее в колонне “марша смерти” угнали в направлении города Киль. Освобожденная в мае 1945 года англичанами, Иоганна Спектор впоследствии стала профессором музыкологии, ныне живет в Нью-Йорке.

Другая часть лагерной поэзии была сохранена бывшим узником Максом Кауфманом, включившим стихи своих товарищей по заключению в объемистую книгу “Churbn Lettland. Vernichtung der Juden Lettlands” – “Катастрофа Латвии. Уничтожение евреев Латвии. Мюнхен, 1947”.

Кауфман пережил ужасы Холокоста, будучи уже зрелым человеком. Он вел записи о пережитом, которые потом имел возможность выверить и дополнить, находясь после освобождения в лагере для перемещенных лиц под Мюнхеном, где обитала группа спасшихся из Латвии евреев.

Остальную часть материала, которым мы сегодня располагаем, удалось собрать лишь спустя полвека, когда в Риге был создан Еврейский музей. К началу работы музея, в 90-х годах, в Риге еще оставалось около сотни бывших узников. К сожалению, из-за почтенного возраста лишь немногие из них были в состоянии вспомнить и “напеть” на магнитофонную пленку песни, которые они когда-то тайком пели в кругу товарищей по несчастью. Значительное количество лагерных стихов было обнаружено в дневниках двух авторов – рижанина Абрама Блоха и лиепайчанина Калмана Линкемера. Оба дневника в копиях хранятся ныне в фондах Еврейского музея в Риге.

Фольклорное творчество времени Холокоста в Латвии имеет лишь несколько тем. Одна из них — скорбь о трагической судьбе еврейского народа. Пожалуй, первой на эту тему была песня на немецком языке “Heimatlos” – “Без родины”: “Ich habe nichts auf dieser Welt...” – “Я лишен всего на этом свете...”

Песня, как будто созданная еврейскими узниками концлагеря Бухенвальд в Германии, в конце 30-х годов была привезена в Лиепаяу молодым еврейским эмигрантом. Песню пели в лиепайском гетто и в других лагерях, ее сохранила и обработала Иоганна Спектор.

Тема безысходности встречается, однако, не так часто, как можно было бы предполагать. Чаще всего она звучит в стихах Абрама Блоха, написанных в рижском лагере Лента, отделении рижского Кайзервалд:

Ōāāāā, ōāāāā – āāāā āō ēāī āī

Āēōō āō òēī ò ōīōāāēōī?

Ņ' āyēī āīō ōāāāēōēēō āāī

Ēī ī āēī ōāō ò āē çāēōī!

Ī āđī, ĩ āđī - ņī āāōū ēē ò ū

Ī đāđāò èò ū ēđī āī ā ÷ āđī ēēā?

Āāū ĩ ēđāī ŷō ĩŷ ēđī āīđ

Ńò đāī ēō ū ĩ ĩāē ò āò đāē!

По-иному о безмерном еврейском горе пишет Яков Рассейн в другом отделении Кайзервалда – Попервале, затерянном в болотах и лесах северной части Курземе: “Ци херст ду, ид?” – “Слышишь ли ты, еврей? (“Слышишь ли ты стоны из бесконечного страшного рва, где лежат твой отец, твоя мать и дети твои?”).

К теме скорби о трагической еврейской доле примыкают строки, выражающие тоску по мирному прошлому, кажущемуся теперь таким безоблачным. Большое распространение получила лирическая песня, пришедшая в Латвию с литовскими евреями: “Их вил нох эйн мол зейн майн хейм” – “Я хочу еще раз увидеть свой дом” (“Дом, в котором мать мне напевала колыбельную, дом, в котором я тайком лелеял мечтания юности... Так хочется домой!”).

Мне пришлось быть свидетелем того, как в рижском гетто, после того как из него были угнаны женщины и дети, которых, как потом выяснилось, зверски убили в Румбуле под Ригой, рождались многочисленные песни незатихающей боли, как реквием, как кадиш по безвинно убитым. Это были песни “Ир зайт авек” – “Вы ушли”, “С’из нит до кейн ховенунг шейн мер” – “Нет больше никакой надежды”, “Азой из дос гевен башерт” – “Так было суждено”. Эти песни плача знает каждый, кому пришлось пережить трагедии рижского гетто.

С глубокой грустью я вспоминаю и перечитываю сегодня произведения моих товарищей, в которых звучат фаталистические ноты и делаются попытки в национальной катастрофе увидеть таинственный замысел Всевышнего. Так, Яша Рабинович из Лиепай пишет в прекрасном стихотворении “Майн цавоз” – “Мое завещание”:

Ēō āēē ācīē ēāāí,

Ēō āēē ĩŷō ĩēò øò āđāí,

Ī āí cīē ĩ ēđ ĩô ĩēā

Ī ēò ò ēāāī ēāēí øāđāí.

Ēō āēē ĩŷō āāđēāí

Āē āēēēēōā òāēò,

Ūó cāēí ĩ āēí ŷāđēāāđ

Ōóí ēāēāí āāò đāēò.

Āē òāēò ēc ĩ ēø ò āāēò,

Āīņ ĩ øc āāēā āāøāí

Èõ íááð ì óç óàéí
Àë Êèääóσ-Ãàσàì ... ”
B òàé õĩ÷óæèòü
Í á õĩ÷ó õì èðàòü
Í á èèääè ò á í á äèàç à ì í á
Ãèè ÿí ú á ÷ à ð à ì è.
B õĩ÷ó à ì á äĩæèòü
Ãĩ ñ-àñò èè à ì é ì ì ð ù,
Óæääòü ì ì è ð á ð à ò ü á
Ñàíáíá ù ð ì ò ì ó é.
Ý ò ì à ð à ì ÿ ó æ á í á ä è à é ì,
Ý ò ì ä ì è æ í ì ñ è ì ð ì ñ à ð ò è ò ü ÿ,
Í ì ì í á ñ æ ä ä ì ì ì à ð ü æ á ð ò ä ì é
Ãè ÿ ì ñ à ù à ì é ÿ è ì á ì è Á ñ à ì ò í á ä.

Поэт предвидел свою судьбу: он был убит 3 мая 1945 года в Нейштате близ Шлезвиг-Гольштейна за два часа до прихода освободителей.

Однако основная масса произведений еврейского лагерного фольклора в Латвии была посвящена призывам к борьбе, выражала веру в свой народ. Набатов прозвучали тайно распеваемые в рижском гетто песни молодежи, родившиеся ранней весной 1942 года. Они явились как бы ответом на потрясение, охватившее гетто, когда мужья и сыновья узнали, что их семьи убиты в Румбуле, там погибло 25 тысяч их родных. Призывная песня “Тетто, гетто, штейн уф фун дайн трагишен холэм” – “Тетто, гетто, вставай от твоего трагического сна” прозвучала в то время, когда в остаточном, так называемом малом гетто Риги были созданы первые группы Сопротивления и начался ввоз украденного в немецком трофейном складе оружия. Мне запомнились слова другой песни – клятвы участников молодежной группы Сопротивления:

*Áaðì íí çèð äýì ì ííàð äýöàì ááð,
Äýì éíðöæò óóí äæéí äæéá óí èèíä,*

*Î áî çîë æèð íèò ääðóí ääðî îíáí
Äýì öèè óóí ääèí èááí ãîæèíä..
Î ñî íè ì äýö ääèááðí^[2]
Äáí ü í àì ýòè ò äíæè æáí ù è ðáááí èà,
× ò í á ú í á í ä ä í á ú è í ò á á á í á í ñ ñ è í à ò ü
Î ö ä è æ è ç í è ò ä í æ ..*

Мне и сегодня кажется невероятным, что эти скорбные, торжественные и окрыляющие слова нашел подросток из Московского форштадта Риги Изя Дворкин, который руководил тогда нашей молодежной группой.

В песнях, которые пели открыто, мотивы сопротивления звучали, естественно, более тайно. Так, у песни “Ghetto Marsch”, сочиненной Иоганной Спектор в 1942 году, начало совсем безобидное:

*Wir sind die Ghetto-Juden,
die elendsten Menschen der Welt..
Î ù ä ä ì è è ç ä ò ò í,
Ñ à ì ù á í ä ñ ä ñ ò í ù á è ð ä è í à ç à ì è ä ..*

Но дальше говорилось, что они, т.е. немцы, надеются на победу, мы же знаем, что этому не бывать: “Sie glauben, sie werden gewinnen? Wir aber wissen, da nicht!”

В лагере пелись многочисленные парафразы на модные среди немцев песенки. В частности, на манер популярного шлягера “Es geht alles voruber, es geht alles vorbei” – “Все проходит, все уходит” евреи пели:

*S' kommt wieder der Fruhling
S' kommt wieder der Mai,
Es werden die Juden
Bald wieder frei
Ñ í í à à í ð è õ í æ è ò á á ñ á,
Ñ í í à à í ð è õ í æ è ò í æ,
Á ç ä ö ò ä ä ð ä è
Ñ è í ð ñ ñ á í á í ù.*

Почти во всех “филиальных” лагерях в Латвии евреи сочиняли свои “гимны”, в которых более или менее открыто издевались над нацистской “Новой Европой” и замыслами окончательного уничтожения евреев. Ярче всего это было выражено в “гимне” еврейского рабочего лагеря в Паплаке, где были заключены евреи из Лиепай:

Óíäç øðäéò íèð éäéí äéí ò óí éäéí ðäíí,
Óíäç øðäéò íèð éäéí õóí äíð óí éäéí éäéò,
Ì èð äéäí ääí øééçäé ýí ò äíí
Ì èð ääð äóõíò èí äð ì óò èäí éíííäò äéò.
...Ì ì éäíí äí ääð äóäéðè
Ì èð øðäéí òäð éäéí çäð í èð ò öððé,
Ì èð ääðí óí ì èð äéäéäí òðäéä èäí
Ì èð øòíéö òðíäí ì èð óí çäð òééé.
Ì äñíáí í óñäò í è ääð äð, í è äíäéäí
Ì äñíáí í óñäò í è äéíä è í è óíéíä,
Ì ù è ääí í ääñò ðä: ó ðñäííá
Ñ òðääðí äñíò ääéäí í í é äðäüð.
...Ì ì äðçéä ðñéííé,
Ì ù óäé í è: äí í á äí èí ðñ,
Ì ù áúéé è ðñò ääí ðñ í äñò í ýù èí è ääðäýí è,
Äíðäí í íñýù èí è ðñíð çäí éäò ó¹³¹

Калман Линкемер, находясь с десятью товарищами в тайном укрытии в Лиепе на улице Тиргона, устроенном для них латышским моряком Робертом Седолом, написал песню-клятву на мелодию советской довоенной песни “Если завтра война”.

Ди швуэ

Èõ àéí ãáíðí à èä,

õàéí óóí èàéáí øíéí ì èä

Ì èð õäëò óó íîð ì àéí èäèøäð àèéí.

Ýñéíõò éí ì èð äññáéóò,

õäèè íèøò ðóýí ýéí ì éíóò,

Íîð íáéîí à íáéîí à ääò ýñøðèèí...”

Клятва

B ðí äè èíŷ äáðááí ,

Ñòðáááí èŷí è óòíì èáí,

Ì áíŷ áááðáèèááò èèòü ì íŷ ááðáèèèáŷ áíèŷ.

Áí ì íá èèì èò èðíáü

B íá ðí: ó íò áüðáòü í è í èí óòü,

Èèòü áíçì áçèá, áíçì áçèá ááðááò ì íáííèé.

О подобном “стихотворчестве” в “Reichsjudenghetto” – гетто немецких, австрийских и чешских евреев, депортированных в Ригу, мы узнаем из донесения командующего силами полиции безопасности и СД Остланда от 25 августа 1942 года. В нем сообщается, что 10 августа того же года расстрелян двадцатилетний еврейский юноша Хорст Кассель, депортированный в Ригу из германского города Кассель. Ему ставилось в вину, что, будучи “колоннен-фюрером” (старостой еврейской рабочей команды), он передавал письма и посылки из гетто в другие лагеря. Кроме того, он хранил возмутительные стихи следующего содержания. Далее цитируются целиком четыре стихотворения на немецком языке. Нацисты сочли нужным провести дознание об авторе стихов. Выяснилось, что автором был еврей, которого к лету 1942 года уже не было в живых. Стихи сочиняли в лагере Саласпилс под Ригой.

Надо сказать, что лагерь этот был для иностранных еврейских мужчин настоящим лагерем смерти: из 5000 человек к концу лета 1942 года в нем осталось всего около 200 живых трупов. В этих страшных условиях неизвестный еврей пишет длинное стихотворение без названия, в котором напоминает, чем мир обязан евреям: идеей единого Б-га, десятью заповедями, Библией и т.д. В заключение говорится, что евреям в их многовековой истории приходилось переживать всякое – бывали и черные периоды, но после каждого падения следовал взлет: “Und wenn’s mit uns mal runter ging, so ging’s auch wieder rauf.”

Другое стихотворение озаглавлено “Zu Purim 1942” – “К Пуриму 1942 года” Дата ориентирует нас на примерное время появления этого сочинения. Очевидно, что оно родилось весной 1942 года. Автор летом уже скончался, значит, в период активного стихотворчества он уже был ослабленным, скорее всего, больным. Тем поразительнее его несокрушимая вера в еврейскую судьбу. Он видит явную параллель между грозной ситуацией во времена Ахошвероша и реальностью его жизни – ведь и в Саласпилсе перед еврейскими бараками стояла виселица. Неизвестный автор пишет:

Wiederum wird Purim gefeiert in der ganzen Welt,

Und wiederum ist der Galgen gestellt.

Man tobt und brullt in Hassgesangen,

Alle Juden daran aufzuhängen.

Und wiederum wie in alten Tagen,

Werden sie erhangt, erschossen, erschlagen,
Doch immer ist die Antwort auf alles Gequal

Dag uralte ewige “Schema Israel”...

È áí í áí áí áí áí í è ðá í ðá çá í ó þ ò Í ó ð è í ,

È áí í áí í í ñ ò á á è á í ú à è ñ à è è ò ú .

Á á í í ó þ ò ñ ý è í ð ò ò í á í è í á í á è ñ ò è ,

(Ó ð á á í) í í á á í è ò ú í á í è ò á í ò á á ð á á á

È áí í áí , è à è á ñ ò à ð è í ó ,

È ò á í ó þ ò , ð á í ñ ò ð á è è á í þ ò , ó á è á í þ ò ,

Í í á í á í á í ò á á í ò í í á á í í ó è ñ ò ð á á á í è ý

Á ð á á í è è , á á : í ú è “ Ø í à È ñ ò ý è ” ...

Стихотворение заканчивается утверждением, что к следующему Пуриму, т.е. к весне 43-го года, евреи будут избавлены от всех бед...

Третье стихотворение озаглавлено “Zuversicht” – “Уверенность”. Их гонят на работу в лохмотьях, обессиленных от голода, – “gequalt gejagt von Deutschen und Letten” – “их мучают и гоняют немцы и латыши”, их расстреливают за каждую мелочь, но все таки “sie sind die Sieger von morgen” – “завтра они будут победителями!”

Последнее, четвертое стихотворение называется “Sundenbocke” – “Козлы отпущения”. Евреи издавна обвиняются во всех бедах и поражениях других: “Wart ihr nicht da, man musste euch erfinden –”Если бы вас не было, пришлось бы вас придумать”.

Doch eines Tages wird auch die Welt erwachen

Und wird ans diesem Sundendasein uns befreien..

Í í í ð è á á ò á á í ú è í á á í í è ð í : í á ò ñ ý

È í ñ á í á è ò í á í í ò ý ò é ð í è è á á : í í à è í í á í ú ò ..

Увы, неизвестный автор, как и большинство его товарищей по несчастью, не дожил до того дня, когда “все будет позади, как страшный сон”.

В приведенных примерах лагерного творчества мы не ищем литературных художественных достоинств, хотя некоторым стихам и песням они бесспорно присущи. Мы видели в этих материалах прежде всего драматическое свидетельство народного самосознания и несокрушимого духа – того духа, который помог нашему народу выстоять в самых страшных испытаниях.

Ààòíð áúðàæààò èíèðáííð áèääáàðííðòú ííèì èíèèääì Èèá è Èçðàèèð Áàðì áí àì çà íáíòáí èì óð ííì íúú íí ðáíðèòðíàèá ðèèíèíí ùò òàèíòíá è áí ááí èèíá íà èæèðá

Ààòíð - ðèèíáíæòæü ì óçü è áíèòí áíòàèèíííá òáíòðà "Áàðàè á Èàòàèè" (Ðèñì), áúáðèè óí èè ðèæíèíá áòòí, èíí òèääáðàè Èàèçáðàèè Áíí ááí áú.

^[1] В Лиепе гетто было организовано лишь к 1 июля 1942 года.

^[2] В другом варианте песни пели "Помни месяц ноябрь".

30 ноября и 8 декабря 1941 года – это даты акций уничтожения женщин, детей и стариков.

^[3] Flick – заплатой евреи называли желтые звезды, которые они обязаны были носить на груди и на спине.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЕВРЕЙСКОМ ПОГРОМЕ 1946 ГОДА В КЕЛЬЦЕ

Аәә Аәәә Аәә

Четвертого июля 1946 года произошло одно из самых страшных событий нашего времени — погром в Кельце. Погром последовал примерно через год после Холокоста, жертвами которого были миллионы евреев.

Похороны погибших.

Немногие из оставшихся в живых пали жертвами кровавой резни.

Кельце – административный центр воеводства, город средней величины в Центральной Польше. Несколько сотен евреев, избежавших уничтожения, жили в 1946 году в этом городе, большинство из них на улице Планты в доме № 7, принадлежащем еврейской общине.

Несколько часов по городу распространялся слух, что пропавший девятилетний польский мальчик стал жертвой ритуального убийства, совершенного евреями из дома на улице Планты. Вскоре перед этим домом собралась толпа жителей Кельце. То, что пропавший мальчик уже вернулся домой, в этот момент никого не интересовало. Жаждавшая крови толпа ворвалась в дом. Евреев, мужчин и женщин, стариков и детей, выбрасывали из окон. Лежавших с повреждениями на улице добивали железными прутьями, дубинами, молотками. К концу дня улица перед домом была покрыта кровавым человеческим месивом. Зверски были убиты 42 человека.

Ицхак Цукерман – “Антек”, один из руководителей восстания в варшавском гетто, после войны оставался в Польше. Когда до него дошла весть о погроме, он поспешил в Кельце. Там он увидел ужасающую картину. Изуродованные трупы, убитые беременные женщины с распоротыми животами. Об этом он позднее напишет в своей автобиографии. Среди живших в Польше евреев воцарился страх. Многие из них в течение ближайших месяцев покинули страну.

Еще до драмы в Кельце пассажиров-евреев выбрасывали из вагонов на ходу поезда. После погрома такие убийства участились. Юлиан Тувим, известный польский поэт, в июле 1946 года писал своему другу Й. Штаудингеру: “...я хотел поехать поездом в Лодзь. В связи с известными тебе событиями для меня безопаснее отложить поездку на более благоприятное время...”

После погрома среди потрясенных людей циркулировали самые разные догадки о том, какие политические круги инспирировали это преступление. Станислав Радкевич, министр безопасности Польши, во время встречи с представителями Центрального комитета польских евреев, требовавших от правительства энергичных шагов, сказал: “Вы, может быть хотите, чтобы я сослал в Сибирь 18 миллионов поляков?”

Глава польской католической церкви кардинал Хлонд в привлечшем большое внимание заявлении о погроме выразил мнение, что вина за ухудшение взаимоотношений между евреями и поляками “...в значительной степени должна быть возложена на евреев, занимающих сегодня в Польше руководящие посты, пытающихся ввести структуры и порядки, отвергаемые большинством польского народа”.

Общественное мнение Польши десятилетиями замалчивало эту трагедию. И только в 1966 году министр иностранных дел Дариуш Росати в письме Всемирному Еврейскому конгрессу в 50-ю годовщину погрома заявил: “Мы будем оплакивать жертвы погрома в Кельце. Этот акт польского антисемитизма следует рассматривать как нашу общую трагедию. Нам стыдно, что Польша совершила такое преступление. Мы просим у вас прощения”.

Впервые подобные слова произнес польский политик. За кого он просил прощения?

Он просил прощения за шлифовальщика Марека с металлургического завода, который с сотнями других рабочих штурмовал дом на Планте, чтобы убивать евреев.

Он просил прощения за пани Чезию, которая, возвращаясь с базара, подняла палку, чтобы размозжить лицо выброшенной из окна 2-го этажа еврейской девушке, еще показывающей признаки жизни.

Он просил прощения за сапожника Юрека, который, прибыв молотком подошвы бывших у него в починке ботинок, поспешно закрыл мастерскую и разбивал этим молотком головы жертв.

Он просил прощения за паненку Асю и ее жениха Хенрика, бросавших камни в выволакиваемых из дома людей.

Он просил прощения за зеленщика Януша, покинувшего свою лавку, прихватив железный прут, и вернувшегося туда через 3 часа, облитым кровью жертв.

Он просил прощения за миллионы поляков, которые равнодушно молчали.

Конечно, это преступление, если сравнить его с тем, что творили немцы с евреями, только строчка в истории этого столетия, и все же... Просто невозможно было себе представить, чтобы через год после величайшей трагедии еврейского народа в центре одного из городов так зверски убивали людей.

Но разве не многое, что случилось в этом столетии, казалось невозможным — и все-таки произошло?..

РУКИ МАТЕРИ

ÁîðēñÁáéñ āí

История эта не выдумана. Она случилась в Одессе. Женщина, о которой пойдет речь, умерла спустя двадцать пять лет после описываемых событий. Ее считали глубокой старухой: седые пряди растрепанных волос, морщинистое изможденное лицо, глубоко запавшие безжизненные глаза... Высохшие руки ее почти всегда были в движении, будто что-то искали. Никто никогда не видел слез на ее глазах. Только иногда гримаса не то боли, не то ужаса искажала лицо, пупырышки гусиной кожи покрывали ее руки и ноги. И тогда глубокий стон вырывался из груди женщины.

— Дети мои, солнышки, — шептали бескровные губы.

Знобило ее всегда. Даже в летнюю жару она куталась в теплую шаль. От всего белого на нее веяло холодом. Поэтому стены в комнате, где она жила, были оклеены цветными обоями, а ее белье и постель были густых темных тонов.

Но в особое волнение она приходила зимой, когда белая заволока окутывала улицы, деревья и крыши домов, да еще в июле, когда осыпающиеся цветы акации покрывали улицы пушистым белым ковром.

— Смотрите, смотрите, — в ужасе шептали ее губы, — снег, снег...

В это время женщина не переступала порога своей комнаты, боялась даже выглянуть в окно и мучительно что-то искала. Она заглядывала под кровать, отодвигала тумбочку, рылась в шкафу, выдвигала из него все ящики, заглядывала под одеяло на кровати и все щупала и щупала постель.

Зима в январе 1942 года в Одессе была очень холодная. Студеные ветры наметали огромные снежные сугробы. Морозы рвали воздух, раскалывали стволы деревьев, замораживали птиц на лету.

В тот январский день злоба и ненависть выгнали стариков, женщин, детей, были и мужчины, из их домов на улицы, на мороз, в пургу. Порой раздетых, растерянных, подавленных, замерзающих их куда-то гнали. По обе стороны от плетущихся, шаркающих, хромающих шел конвой. Сытый, вооруженный, озлобленный, хмельной. Он покрикивал, матерился, а иногда, срывая злобу, опускал приклад винтовки на голову или плечи шедшего рядом человека. Собаки, которых вели полицаи, натягивали поводки до струнной прямоты и, захлебываясь в лае, роняя из оскаленных пастей белую пену ненависти, рвались к шедшим по мостовой. Иногда, случайно или умышленно, натяжение поводков ослабевало, тогда воздух оглушали вопль человека и остервенелое рычание зверя.

А из примыкающих улиц сбегались, из ворот и парадных выскакивали, некоторые на ходу одеваясь, любопытные увидеть это диковинное зрелище времен средневековья.

— Куда людей в такую погоду гонят?

– Так то ж нэ люды, то жида.

Толпа становилась все больше. Ее не останавливали ни мороз, ни пронизывающий ветер. Зрелище было жуткое. Они застывали в ужасе, скорбным взглядом провожая нескончаемый поток шествующих по мостовой. Боясь и не имея возможности помочь бредущим, они перебежали взглядом с лица на лицо, пытались увидеть знакомых, друзей, родственников. Другие глядели на шедших со злорадством, перебрасывались веселыми репликами, торжествующе швыряя в лицо оскорбления, насмешки и язвительные напутствия. Третьи подбегали к потоку и срывали с голов платки, шапки, вырывали из рук узлы, чемоданчики, пакеты, расплачиваясь с обобранными тумаками, оплеухами, плевками, бранью. А наиболее деловые, смекнув кое-что, убегали в свой или соседний дом выгонять “своих” жидов – они, жида, известное дело, хитрые, спрятались где-нибудь.

И чтобы добро их не пропало, к себе его перетаскать. Ничего, что оно жидовским духом пропитано, на православных плечах выветрится.

А колонна, длинная и скорбная, как вся еврейская история, все шла и шла, молча и покорно вне пространства и времени.

Несчастные шли по знакомым с детства улицам, еще совсем недавно таким близким и родным, теперь враждебным и злобным. Им казалось, что уже ничего хорошего на этой планете не осталось. И все слова о культуре, человечности, прогрессе, гуманизме – это фальшь, а в мире существуют только ненависть, алчность и страсть к истреблению.

... Среди шедших в колонне была молодая стройная женщина. Рядом, держась за старенькое пальто матери, семенил перевязанный шалью накрест ее старшенький, мальчишечка лет пяти. Он изредка глубоко всхлипывал, плакать уже не было сил. Ветер завладел выбившейся из-под платка на голове женщины черной прядью и то бросал ее на глаза женщины, то, распушив, отбрасывал в сторону. Но она не могла убрать волосы – на руках у нее был ее младшенький. Женщина поминутно его подсаживала, а он, казалось, становился все тяжелее и тяжелее, сползал с ее рук. Сил уже не было, в поясище ломило, от усталости дрожали руки, подкашивались ноги.

Впереди слышались крики – полицей кого-то избивал. Пройдя несколько шагов, мать с детьми чуть не упали. На снегу в неестественной позе неподвижно лежал человек, которого только что избивали. Шедшие осторожно обходили лежавшего.

«“Не убий!” – пронеслось в ее мозгу. – Так проповедовал Христос, которому они поклоняются и которого превозносят за его миролюбие”».

Краем глаза она увидела, как стоявший среди зевак парень метнулся к колонне, схватил выроненный лежавшим на мостовой чемоданчик и мгновенно исчез.

– «На большее храбрости не хватило, – с иронией подумала женщина. – “Не укради!” завещал им Спаситель».

А колонна все шла и шла. На тротуаре, широко расставив ноги, стояла закутанная в теплый платок фигура, без конца осенявшая себя крестным знаменем.

– Слава те, господи, гонят их, иродов, хриstopродавцев. Теперь вздохнем свободнее.

«Это мы ироды, – подумала женщина, – И ты тоже продал Христа, мой маленький, – тихо сказала она, подсаживая сползающего ребенка. – “Возлюби ближнего, как самого себя”. “Не пожелай ни добра его, ни жены его”. “Если ударили тебя по одной щеке, подставь другую”. Какое смирение и какое ханжество. Да, они свято блюдут заветы своего Спасителя. Он отдал жизнь свою во искупление их грехов. Авансом, на тысячелетия. Приходите и покайтесь, завещал он. Не важен грех, важно покаяние. Он, видно, хорошо знал тех, чьи грехи принял на себя. Пусть грешат, главное, чтобы приходили к нему каяться. И они грешат и идут к нему каяться».

Ею владел стыд, который не давал ей поднять глаза и оглядеться. Она не хотела смотреть на тех, кто устроил себе зрелище на их несчастье, наживу на их беде. Не хотела, не могла себе признаться, что боится, боится встретиться взглядом с кем-нибудь из ее мальчиков или девочек, своих учеников, с их отцами или матерями, внимательно прислушивавшихся к ее словам на родительских собраниях, приходивших посоветоваться с ней по вопросам воспитания своих чад. Она боялась увидеть кого-нибудь из них мародерствующими здесь или идущими в конвое.

Сколько сил она положила, прививая им честность и порядочность, доброту, чувства собственного достоинства, справедливости и уважения к старшим, любовь к родине и готовность ее защищать. Она учила их, что в человеке все должно быть прекрасно, что жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитое прошлое.

С каким пафосом она сообщала им, что человек – это звучит гордо. Ей казалось, что она открыла им одну из величайших основ мироздания. Разве может иначе звучать венец творения природы?

Она сделала над собой усилие – подняла голову, взглянула на стоявших на тротуарах. Вот эти звучат гордо? Эти, изрыгающие нецензурную брань полупьяные озверевшие конвоиры? Или тот молоденький полицаи, на ее глазах сбивший с ног еле ковляющую старуху? Может быть, тот верзила с лоснящимся от сытости и тупого самодовольства лицом, потешающийся над стариком с длинной белой бородой в черном лапсердаке? Или та бойкая бабенка с сияющими от счастья глазами, рассматривающая только что сорванный с чьей-то головы оренбургский платок?

Где же вы, светочи русской культуры – Чернышевский, Толстой, Чехов, Горький, все, кто не находил себе места от стона, раздававшегося над великой русской рекой, от забиваемых шпицрутенами солдат? Где они все, кто шел в стан погибающих, кто жертвовал своим достоинством, своим положением, своими семьями, своей жизнью ради спасения своего народа? Стоит ли этот народ ваших жертв? Что стоите вы, если малограмотные вершители человеческих судеб так легко попирают всю вашу культуру? Где герои революции, гражданской войны, Павки Корчагины, Чапаевы, матросы Железняки? Или все это блеф для ослепления наивных, труха для закупоривания мозговых извилин? Где плоды ее трудов? Что возшло из посеянных ею семян? Все попрано. В один миг.

Она закрыла глаза и глубоко вздохнула. Ледяной воздух обжег легкие. Чтобы отвлечься от этих мыслей и занять детей, начала рассказывать им сказку. Но приступ кашля заставил замолчать. И только две слезинки, замерзая на ходу, прочертили след на ее щеках.

Улица кончилась. Колонна вылилась в открытую степь. Порывы ветра усилились, стали злее. Люди ускорили шаг, заторопились. Куда? Впереди нарастал какой-то шум. Но забивавший глаза снег не давал разглядеть, что там происходит. Доносились только обрываемые ветром крики, порой вспыхивала странная, сухо щелкавшая дробь. Передние ряды, казалось, вдруг натолкнулись на какое-то препятствие и упругой волной качнулись назад, смешались с продолжавшей сзади напирать колонной. Возникла давка, паника, люди падали, топтали поваленных, разбежались в стороны. А задние все напирала и напирала. Полицаи и откуда-то появившиеся черные шинели забегали, ругаясь, нанося удары направо и налево.

– Los! Los! Los!

– А-а, бисовы жиды!

– ... мать вашу!

Вопли, стоны, крики злобы и боль, истерики женщин, плач детей, громкие молитвы стариков, взывавших к Немю, яростный лай рвущих людей взбесившихся псов поднимались к серому запорошенному небу.

Толпа метнулась в сторону, женщину и ее детей отеснили к сугробу около развесистого кустарника и повалили на него. Это их спасло. Младшенький совсем сполз с ее рук и, наглотавшись снега, громко плакал. Она подняла малыша, вытерла его лицо от снега.

Женщина полными ужаса глазами смотрела на странную игру, затеянную полицаями и теми, в черных шинелях. Они гоняли по полю огромный черный клубок, который исполнял, казалось, какой-то немислимый танец. Клубок перекачивался то влево, то вправо, чтобы, спустя минуту, метнуться в противоположную сторону или рассыпаться на отдельные фигурки, разбегающиеся по полю, как плохо охраняемое стадо. Фигурки падали, поднимались, снова падали. Иные оставались на снегу неподвижными. Оттуда доносилась одна то усиливающаяся, то приглушаемая нота:

– А...а...а...а...!

Тут и там вспыхивали огоньки, от которых бегущие фигурки падали и уже не поднимались...

Женщина медленно поднялась, огляделась, бездумно уставилась в заносимое снегом углубление от ее тела в сугробе. И вдруг глаза ее вспыхнули радостным огоньком. Наклонившись, она стала лихорадочно разгребать снежный холм. Ветки куста мешали ей, хлестали по лицу. Выбиваясь из сил, судорожно, торопливо она продолжала рыть яму. Утрамбовав пол и стенки убежища, женщина затолкала туда своих детей.

– Скорее, солнышки, скорее, – возбужденно шептала она. – Я вас спрячу... Я вас спрячу...

– Мамочка, я боюсь, – всхлиывая, сказал младшенький.

– Тихо, солнышко, тихо...

– Мамочка, а дяди фашисты нас там не найдут?

– Не найдут, солнышко, не найдут, если вы будете сидеть тихо-тихо. – Мамочка, мне хоедно, – все еще всхлиывая, произнес младшенький.

– Тс... – Она приложила палец к губам. – Сидите тихо, как мышки, а то фашисты вас найдут.

Малютки испуганно замолчали. Сдернув с головы платок, она накрыла им куст и забросала все снегом.

– Сидите тихо-тихо, как мышки, – повторила она.

Вытерев ладонью пот со лба, она какое-то время прислушивалась к слабо доносившемуся из сугробы всхлипыванию. Когда там все затихло, она выпрямилась и с торжествующей улыбкой повернулась к удаляющемуся клубку, потом негромко рассмеялась. На душе у нее было легко и радостно – она перехитрила этих зверей. Они не найдут ее сокровища, ее малюток. Присев на снег, она тихо запела колыбельную. Из убежища не доносилось ни звука...

... Она пережила этот день на двадцать пять лет. И все эти годы ее знобило. До последнего дня своей жизни она не могла согреться

АГЕНТ МОСАДА НАШЕЛ В НАЦИСТСКОМ МОНСТРЕ НЕЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ...

Étmo Áadétáñéé

Когда дождливым вечером в пригороде Буэнос-Айреса Питер Малкин вырвал из темноты Адольфа Эйхмана, он с трудом справился с желанием тут же уничтожить этого архитектора “окончательного решения еврейского вопроса”.

“Но тогда все помнили бы, что это я убил Адольфа Эйхмана, — говорит Малкин. — А что до его злодеяний, то кто бы вспомнил о них?”

Остальное — достояние истории. Малкин и группа агентов израильского Мосада похитили человека, организовавшего отправку шести миллионов евреев в лагеря смерти, и тайно доставили его в Израиль, чтобы там его осудили.

Так в лице Эйхмана перед миром предстала отвратительная “бюрократическая” сторона Холокоста. Спустя 34 года после того, как Эйхман был повешен за преступления против человечества, 10 ноября 1996 года, история его поимки была впервые рассказана миру во всех подробностях в телевизионном фильме “Человек, который захватил Эйхмана”.

В основу сценария фильма легла книга Малкина “Эйхман в моих руках”. В момент, когда Эйхман оказался в его руках, Малкину был 31 год. Агент Мосада сумел убедить 54-летнего нацистского преступника предстать перед судом в еврейском государстве. (Это нужно было, чтобы Мосад не обвинили в его похищении). В фильме все было правдиво. Со всеми терзающими душу подробностями был показан один из эпизодов истории еврейского народа.

Сейчас Малкину за 70. Бывший опытнейший агент контрразведки уже отошел от дел, читает лекции и консультирует операции по борьбе с террористами. Он живет то в Тель-Авиве, то в Нью-Йорке, то в Париже. Убежден, что его встреча с Эйхманом была не случайной.

Малкин родился в Палестине, но вырос в Польше. Спасаясь от нацистов, он вместе с семьей вернулся на родину. Но несколько родственников Малкина, в том числе его сестра и ее трое детей остались в Польше и погибли в лагерях смерти. Их гибель навсегда осталась для всей семьи незаживающей раной. Малкин говорит, что в те несколько месяцев, пока агенты Мосада готовили захват Эйхмана, его ни разу не посетила мысль о потенциальной опасности. “Я дал себе обещание поймать человека, пославшего на смерть миллионы людей, — говорит Малкин. — Что сказала бы моя семья, если бы я не сумел его захватить?”

Эйхман был схвачен агентами Мосада в Аргентине, у дома на улице Гарибальди, где он жил со своей семьей. Его поместили в укромное заранее подготовленное место и стали дожидаться благоприятного момента для переброски пленника в Иерусалим.

Израильтяне не сомневались в том, что в их руках находится чудовище. Но перед ними оказался старый, страшно напуганный, жалкий человек.

Роберт Дюваль, играющий в Фильме роль Эйхмана, изображает его эдаким чинушей-аккуратистом, добросовестно выполняющим распоряжения сверху, что опровергается, однако, бессердечным, бесчувственным выражением лица. Он ведет себя как типичный немецкий военнопленный, который стремится не нарушать никаких правил, подчеркивает свою готовность подчиняться правилам и ничего не делает без разрешения, вплоть до посещения туалета. Там он кряхтит и стонет, мучаясь проблемами желудка, и Малкин (его играет Арилисс Хауард) понимает, что перед ним не чудовище, а жалкий, беспомощный старик.

Фильм снят в Аргентине, в тех местах, где происходил захват Эйхмана. В нем педантично прослеживаются события тех дней и недель, проведенных Малкиным и его товарищами в обществе палача евреев. Малкин беседует с Эйхманом, хотя группе агентов Мосада было дано указание избегать разговоров с пленником.

“Мне хотелось узнать, — вспоминает Малкин, — как погибли моя сестра и ее дети, другие мои родственники. Хотелось уяснить себе, как появляются люди, подобные Эйхману”.

В крошечной комнате между когда-то могущественным нацистом, а теперь пленником, одетым в пижаму, в наручниках, с цепью на ноге, и евреем Малкиным возникают странные отношения. Эйхман, пытаясь расположить к себе своего тюремщика, делает Малкину комплимент по поводу блестяще выполненной операции. Он умоляет израильтян пощадить его семью, и Малкин, скрывая ярость, которую рождает в нем избирательное человеколюбие Эйхмана, отвечает ему вполне спокойно.

Через какое-то время Малкин усматривает в Эйхмане искру порядочности. В конце концов он задает вопрос, который давно его жжет: как мог этот человек послать на смерть маленького мальчика, такого, каким был племянник Малкина. Но Эйхмана вопрос удивляет: “Ведь это были евреи!”

“Я говорил с ним как с человеком, он же отвечал мне как нацистский офицер, — вспоминает Малкин. — Я понял, что все бесполезно — до его совести не докричишься”.

Чувствуя на своих плечах вес истории еврейского народа, Малкин не позволяет эмоциям взять верх над выдержкой и хладнокровием. “Вот он лежит передо мной в углу, с цепью на ноге — так что же мне, задушить его? К чему тогда сведется величие порученного мне дела?”

Малкин и его товарищи понимают, что не так важно было уничтожить Эйхмана, как представить его перед судом, чтобы Израиль смог вынести приговор нацизму, приговор, который был бы вписан в историю человечества.

Пока аргентинская полиция и немецкие частные детективы искали исчезнувшего Эйхмана, агенты Мосада усыпили своего пленника, надели на него форму пилота авиакомпании El-Al и переправили его в Иерусалим. В фильме впечатляюще отображены последние дни Эйхмана. Становится ясно, что пока такие евреи, как Малкин, пытались разглядеть в одном из самых гнусных нацистских преступников нечто человеческое, сам Эйхман был далек от того, чтобы изменить свой взгляд на евреев.

“Я хочу показать, — говорит Дюваль, — как он мыслил: одно дело моя семья, и совсем другое дело вы, евреи!”

Эйхман не отрекся от своих взглядов. “В Аргентине ходили слухи, — продолжает Дюваль, — что последним желанием Эйхмана было стать евреем, чтобы с его смертью умер еще один еврей”.

Даже сегодня Малкин никак не может осознать, что жалкий пленник, который какое-то время находился под его надзором, отправил в печи миллионы людей. “Человек по имени Эйхман остался непонятен мне”, — говорит он.

ОН ЗАИКАЛСЯ, НО ЕГО ВНИМАТЕЛЬНО СЛУШАЛИ

Аידען אױס זאן

Каждого, кто хотя бы самое короткое время общался с заикающимся Александром Кривицким, слушал его две-три острые, безупречным литературным языком сказанные реплики, неожиданное оригинальное суждение, веселый и смелый парадокс, – все это сразу привлекало к этому человеку интерес. В полемике, будь то серьезной или шуточной, он был непобедим. Сколько раз мне пришлось быть свидетелем того, как он «укладывал на обе лопатки» весьма достойных соперников, зубастых оппонентов. Огромная разносторонняя эрудиция, энциклопедические знания в литературе и истории, особенно военной, какая-то удивительная «оперативность» доводов и аргументов сочетались в нем с истинно «дьявольской» находчивостью, с неотразимостью точного и хлесткого сарказма.

– Какой острый язык, – говаривали, бывало, побитые оппоненты. – С ним только свяжись... Умен. Чертовски умен.

Умный, но злой. Злой, но умный. Таково было расхожее мнение о Кривицком. Расхожее, но, на мой взгляд, поверхностное: Саша Кривицкий вовсе не был злым человеком. Ему были свойственны настоящая доброта, искреннее участие и готовность помочь в беде. При этом мог он быть и беспощадно резким, когда сталкивался с лицемерием, черствостью, приспособленчеством, пошлостью. Тогда его обычно добродушно-иронический взгляд из-под стекол очков становился колючим и действительно злым.

Эта была, конечно, незаурядная личность. Своеобразная. Яркая. С четкими, твердыми принципами, взглядами и вкусами, свободная от каких-либо догматических шор. Юмор, ирония Кривицкого, меткие решительные высказывания и характеристики,

весь его стиль отражали живой, независимый ум, на редкость самостоятельное, не отягощенное «общепринятыми» трафаретами мышление.

Врожденный дефект речи, заикание, заставлял Кривицкого избегать публичных выступлений, в тесном же кругу, в деловой или товарищеской беседе, он несколько не мешал убедительности и доходчивости его слов, даже придавал им некоторое забавное обаяние.

«Помню, что я заика, и пафос – не моя стихия», – говорит военный корреспондент Гурский в повести Константина Симонова. Между прочим, Гурский – мастерски вылепленный писателем образ, в котором все, кто был знаком с Кривицким, без труда узнавали самые характерные его черты – и манеру говорить, и веселую иронию, и «злой язык», и личную отвагу. Кривицкого единодушно признавали прототипом Гурского. Кстати, мне довелось видеть забавную надпись, сделанную Симоновым на подаренной Кривицкому книге с упомянутой повестью: «Прототипу от просто типа. Саше Кривицкому от Кости Симонова».

Мне хочется привести маленький отрывок из повести Симонова, о которой идет речь. Дело происходит в тылу врага, в штабе партизанского отряда. Гурский говорит партизанскому командиру:

«– Я знаю, какие ты давал приказания, когда мы с Люсиным ходили там, у тебя, на оп-ерацию, – б-беречь и прикрывать с-собой...

– Да. Ну и что же?

– Это неп-правильно. Человек не вправе соглашаться на то, чтобы его п-прикрывали грудью. Самое б-большее, что он сможет написать, – это автобиографию п-под заголовком “Как меня с-спасали”».

И мне думается, что в этих словах Гурского отражена нравственная позиция корреспондентского поведения на фронте самого Кривицкого и в равной мере Симонова.

Кстати сказать, эти два замечательных человека тесно связаны между собой в моих воспоминаниях. Надо знать, как много значили они друг для друга, с полуслова понимали один другого в абсолютной уверенности, что Симонов никогда не подведет Кривицкого, а Кривицкий Симонова. Я знаю, как считался Симонов с мнением Кривицкого во всех своих литературных, редакционных, театральных и других делах.

Приведу маленький, но запомнившийся мне эпизод. Как-то мне позвонил Кривицкий:

– Б-Боря! У меня к вам серьезное предложение. Б-берите под ручку Раису, и мы вместе с женами двинемся в МХАТ на премьеру симоновской пьесы «Чужая тень». Мы за вами заедем.

В последнем антракте мы в фойе подошли к Симонову.

– Ну, Константин Михайлович, – заговорил я, – большое, большое спасибо. Смотрится с большим интересом.

Я хотел прибавить еще какие-то приятные слова, но вдруг заметил, что Симонов меня совершенно не слушает, взор его был устремлен на Кривицкого. Я тоже стал смотреть на него. Кривицкий молчал. Симонов ждал. Наконец Кривицкий сказал:

– Пьеса явно наспех написана.

После некоторой паузы Симонов сумрачно ответил:

– Саша, ты знаешь, при каких обстоятельствах я взялся писать эту пьесу и по чьему заданию.

– Знаю, Костя, знаю, – сказал Кривицкий. – И надо признать по справедливости, что ты, в общем, с этим почетным заданием справился.

Он немного помолчал, а потом мы услышали немногословный, но предельно точный анализ пьесы и спектакля. Я видел, как внимательно слушал его Симонов, и было ясно, что для него это мнение было безусловно авторитетным, одновременно дружеским и объективным.

И еще несколько слов о «Гурском». В новой повести Симонова я не без некоторого удивления прочел, что военный корреспондент Гурский, собирая злободневный материал для своей газеты, погиб на переднем крае... При очередной встрече с Кривицким я не удержался и спросил:

– Что это, Саша, Симонов вдруг вздумал отправить вас на тот свет?

Спросил и тут же пожалел об этом, ожидая иронического колкого ответа, который не замедлил последовать:

– Б-Боря, – заговорил Кривицкий со сдержанным раздражением (видно, я не первый приставал к нему с этим вопросом). – Все дело в том, что Симонов писал не биографию товарища Кривицкого, а самостоятельное художественное произведение, в котором автор имеет право распоряжаться судьбами героев по своему усмотрению, не спросив своих знакомых. М-может быть, вы заметили, что так поступали Пушкин, Гоголь, Чехов, Бальзак и некоторые другие литераторы.

– Да, да, Саша, – заторопился я. – Пусть будет товарищу Гурскому царство небесное. Главное, что его прототип жив-здоров.

И мы оба засмеялись.

... Познакомился я с Кривицким незадолго до начала Великой Отечественной в редакции центральной военной газеты «Красная звезда», куда меня пригласил на работу ее редактор знаменитый Давид Ортенберг. На мне в ту пору еще лежала отметина брата «врага народа», но мои рисунки уже печатала газета «Труд», на что, как я понимал, было дано высочайшее соизволение. Много позже для меня стало очевидно, что я был возвращен к своей деятельности в печати одновременно с вынесением смертного приговора моему брату. Взаимосвязь и странное совпадение этих двух фактов недоступны пониманию нормального человека, но целиком в характере т о г о, кто тогда решал судьбы людей.

Мне пришлось по душе дружная, товарищеская атмосфера, царившая в редакции «Красной звезды», которая после отъезда моей семьи в далекий тыл стала моим домом (это называлось «перейти на казарменное положение»). А ближе всего я подружился с секретарем редакции Германом Копылевым, писателем Василием Гроссманом и... Сашей Кривицким.

Кривицкий занимал в газете должность заведующего литературным отделом, но функции его были гораздо шире – фактически он являлся авторитетным консультантом по самым разнообразным, подымавшимся на страницах газеты проблемам. Был автором многих передовых статей. Мне, в частности, запомнилась интересная, построенная на историческом материале статья, связанная с введением в Красной Армии погон вместо привычных «кирпичиков», «шпал» и «ромбов». Он часто выезжал на фронты и, подобно «Гурскому», летал в тыл врага, где действовали партизаны. Из всех его напечатанных в «Звездочке» корреспонденций наибольшую известность получил очерк о подвиг 28 панфиловцев у деревни Дубосеково, ценою жизни не позволивших пробиться к Москве группе немецких танков.

Этот очерк перепечатали другие газеты, а вскоре по указанию сверху был издан массовым тиражом в виде отдельной брошюры. Подвиг 28 бойцов дивизии генерала Панфилова стал легендарным, как и вошедшие во все хрестоматии слова возглавлявшего их политрука Клочкова: «Велика Россия, а отступить некуда – позади Москва...»

К этому надо, однако, добавить то, о чем Кривицкий поведал только близким друзьям. По каким-то редакционным делам он был принят начальником Главного политического управления армии секретарем ЦК А. Щербаковым. Поговорив о делах, Щербаков неожиданно спросил:

– Скажите, товарищ Кривицкий. Из вашего очерка следует, что все 28 панфиловцев погибли. Кто мог вам поведать о последних словах политрука Клочкова?

– Никто не поведал, – напрямик ответил Кривицкий. – Но я подумал, что он должен был сказать нечто подобное, Александр Сергеевич.

Щербаков долго молча смотрел на Кривицкого и наконец, сказал:

– Вы очень правильно сделали, товарищ Кривицкий.

По наблюдению Саши, сказал он это с явной неохотой. Ведь ни для кого не было секретом, что Александр Сергеевич недолюбливает национальность, к которой принадлежал Кривицкий. Но, видимо, в данном случае он не мог не признать подлинно публицистическое и пропагандистское озарение, вдохновившее автора очерка о 28 панфиловцах.

Вместе с тем надо сказать, что сразу после опубликования знаменитого очерка не обошлось без сомнений и споров. Помню, я как-то зашел в крохотный кабинет Кривицкого в редакции, желая, как обычно, посидеть у него, «потрепаться», и застал там целое общество – Гроссмана, Дангулова, Высокоостровского, еще кого-то из литературной «команды» газеты. Сидел тут и Александр Твардовский. Шел как раз горячий разговор о панфиловцах.

– А-а, Б-Боря, заходите, заходите, – сказал Кривицкий и почему-то счел нужным, обращаясь к Твардовскому:

– А это, Александр Трифонович, наш Борис Ефимов. Вы, конечно, знаете его кари...

– Ну и х...рен с ним, – мрачно оборвал его Твардовский.

Саше стало, видимо, неловко, и он быстро заговорил, продолжая беседу:

– Так вот, что бы вы тут ни говорили, можете с-сомневаться сколько вам угодно, а вот эта дерьмовая книжонка (он потряс в воздухе брошюрой о подвиге панфиловцев) через двадцать пять лет будет п-первоисточником, да, да, п-первоисточником!

... Между тем в октябре 41-го года гитлеровский «Тайфун» неудержимо рвался вперед, преодолевая мужественное сопротивление наших войск, и угроза столице стала вполне реальной. В связи с этим «наверху» было принято решение создать оперативные группы редакций «Правды», «Известий» и «Красной звезды», чтобы «в случае чего», иными словами, в случае взятия Москвы немцами, обеспечивать выход этих газет в Куйбышеве (ныне Самаре). В оперативную группу «Красной звезды» были включены и мы с Кривицким. Выехали мы из Москвы 16 октября и после целой недели невеселого, изнурительного пути приехали в Куйбышев. Однако тут нас уже ожидала телеграмма Ортенберга с приказанием Кривицкому и Ефимову немедленно вернуться в Москву. Редактор, вероятно, спохватился, что в такой острый момент лишил газету самого оперативного и безотказного автора передовых статей. Возможно, требовалась на страницах «Звездочки» и злободневная смешная карикатура. Так или иначе, но помню, как мы с Сашей в полном дорожном снаряжении сидели в гостинице в томительном ожидании телефонного звонка для выезда на аэродром. Надо признаться, слухи о том, что вокруг Москвы, на трассе, соединяющей столицу с Куйбышевым, летают немецкие истребители, отнюдь не способствовали радужному настроению. Ночью звонок последовал. Управление делами Совнаркома сообщало, что ввиду перегруженности самолета редакции «Красной звезды» может быть предоставлено только одно место. Сомнений в выборе не было: полетел Кривицкий. Я вернулся в Москву несколько позже, поездом, в одном купе с Ильей Эренбургом.

Редакцию «Красной звезды» я застал уже не на прежнем месте, т. е. не в здании Центрального театра Красной Армии, а на пятом этаже редакции «Правды» на улице Правды. И был несказанно рад снова встретиться с Сашей, с Гроссманом, Копылевым и даже с суровым Ортенбергом.

А впереди было еще три года страшной войны...

Закончить этот очерк мне приходится на печальной ноте: так распорядилась судьба, что на мою долю выпало провожать в свое время в последний путь обоих – сначала Симонова, а через два года после него и Кривицкого. Вечная им память.

И бережно храню я двухтомник военных дневников Константина Симонова с шуточной надписью автора: «Дорогому Борису Ефимовичу, одинаково мужественному в дни войны и в дни мира, на фронте и в ЦДЛ. Ваш Константин Симонов. 24.V. 77.»

И еще бережно храню я маленькую книжечку о подвиге 28 панфиловцев с авторской надписью: «Дорогому Боречке Ефимову – хорошему человеку с милым сердцем и веселым характером. 21 декабря 1942 года. А. Кривицкий».

ИЗ МАЙСКОЙ ПОЧТЫ

Уважаемая редакция!

Во втором номере журнала «Армейский сборник» за 1999 год в рубрике «Твои сыны, Отчизна» была опубликована статья «Мечтой окрыленные» о моем отце Лившице А. Л. Это первая публикация о нем в открытой прессе, до этого имя его было засекречено, потому что с 1960 по 1970 год он был генеральным конструктором систем ПВО Советского Союза, при нем и при его участии были сделаны пояса защиты городов Москвы и Ленинграда, Дальнего Востока.

Соединив зенитную артиллерию, истребители-перехватчики, средства локаторного обнаружения, затем включив в эту систему ракетные комплексы, он первый в истории человечества создал идеологию войск ПВО, а применив счетно-решающие, потом и вычислительные машины, создал системы противовоздушной обороны.

Родился Анатолий Леонидович Лившиц 7 сентября 1914 года в городе Юрьеве (Тарту) в семье профессора математики Юрьевского университета Леонида Михайловича Лившица, работавшего позднее ректором МИИТа, начальником профобра, профессором Свердловского университета и Промакадемии, директором Института математики и механики Академии наук. Умер Л. М. Лившиц в 1937 году от тяжелой болезни. За два дня до смерти к нему явились люди из НКВД (в это время производилась чистка Института красной профессуры, где он заведовал кафедрой математики), но увидев его, дедушка лежал без сознания, как ни странно, куда-то позвонили и ушли. Через два дня он умер, и «благодаря» этому мой отец не стал сыном «врага народа». Однако вернемся назад. При таком отце, достаточно крупном ученом, Анатолий Лившиц в 1929 году поступает не в институт, а в электромеханический техникум им Красина, откуда в 1931 году в числе 5% отличников, т. е. доказав свою состоятельность, был переведен в Московский энергетический институт. Говорю это как пример глубокой принципиальности как Лившица-отца, так и Лившица-сына – никогда в своей жизни они не пользовались протекцией, полагались только на свои знания, ум, порядочность и честность. Естественно, жилось им с этим багажом не легко. Впоследствии, когда мой отец стал уже директором института (МНИИПА), заместителем по науке у него был Залман Михайлович Бененсон, а другим – Давид Борисович Юдин. На него неоднократно писали анонимки и в Министерство, и в ЦК партии о том, что «Лившиц превратил военный институт в синагогу», и только успешное продвижение работ по созданию системы ПВО Советского Союза не давало возможности антисемитам все это порушить. Однако, когда в 1970 году уже больной (он умер в 1973 году) он вынужден был перейти на преподавательскую работу в МИРЭА заведующим кафедрой систем управления, работающих в реальном масштабе времени, Залмана Михайловича Бененсона сняли с должности и он перешел на другую работу, в КБ-1. В тот год коллектив КБ-1 прислал в МНИИПА телеграмму: «Благодарим за бесценный подарок. Коллектив КБ-1».

Снова вернемся назад в 30-е годы. С 1933-го совмещал учебу в МЭИ с работой в должности и. о. инженера на кафедре Карла Адольфовича Круга, одного из основоположников электротехники и приборостроения, мемориальная доска которому прикреплена к библиотечному корпусу МЭИ. В 1936 году по окончании института,

оставленный в аспирантуру при нем, он работает здесь инженером, старшим инженером, научным сотрудником, преподавателем и после смерти К. А. Круга – начальником лаборатории учителя. В 1940 году его переводят на работу в Научно-исследовательскую лабораторию артиллерийского приборостроения (НИЛАП), созданную по инициативе маршала артиллерии Н. Н. Воронова для разработки приборов наведения. Впоследствии эта лаборатория превратится в институт артиллерийского приборостроения, головной в отрасли, а он, в свою очередь – в Московский научно-исследовательский институт приборной автоматики – головной институт систем ПВО. В этом институте отец работал до конца своей жизни, пройдя путь от инженера до генерального конструктора.

В 1944 году в МВТУ им. Баумана А. Л. Лившиц защитил кандидатскую диссертацию на тему «ПУАЗО-5 (прибор управления зенитным огнем № 5). Тема была закрытой. Прибор, автором и создателем которого, как и предыдущих, был отец, давно стоял на вооружении. На этих приборах советская артиллерия провела всю войну. В 1951 году А. Л. Лившицу за комплекс приборов ПУАЗО, а также за новый комплекс приборов наведения истребительной авиации, начатый в 1940 году и законченный в 1950-м (принятый на вооружение Советской Армией в 1953-м), была присуждена Сталинская премия (формулировка в печати «За успехи в приборостроении»).

Уже в этой системе основным элементом являлось счетно-решающее устройство, тогда еще механическое. Так произошло соединение зенитки-локатора-истребителя-перехватчика-вычислительной машины, в дальнейшем к этому будут присоединены ракетные комплексы. Этот год, на мой взгляд, следует считать годом рождения ПВО, до этого все его составляющие являлись отдельными родами войск, и только в этой системе они впервые были объединены в единый, новый род войск – войска ПВО.

В это самое время, в начале 50-х годов А. Л. Лившицу стало понятно, что наводить перехватчик по данным одной радиолокационной станции, при тех скоростях, на которые уже вышла авиация, малоэффективно. У него возникает идея создания комплексной автоматизированной системы оповещения, управления и наведения истребителей в сочетании с РЛС кругового обзора и аппаратуры передачи данных, причем сопряжение должно осуществляться непосредственно с трактом Эхо-сигнала, а координаты цели обрабатываться счетно-решающими приборами (впоследствии вычислительный комплекс), вырабатывающими параметры движения истребителя, заодно попутно решая ряд предварительных штурманских задач (оптимизация точки).

Вот эта идея, равно как и ее техническое воплощение, явились окончательным торжеством идеи создания системы противовоздушной обороны как единого комплекса мер по защите воздушного пространства, требующего объединения и специализации существовавших порознь отдельных родов войск.

Это привело к созданию теории перехода на аналитические методы решения задачи с целью реализации этих идей путем создания систем с использованием счетно-решающей аппаратуры и следящих систем на магнитных усилителях.

Система опережала свое время на несколько десятков лет, что обеспечило ее применение для нового поколения истребителей, а также теоретическую ценность решения данного вопроса, поскольку основным методом управления был принят «Маневр», выводящий истребитель-перехватчик в наиболее выгодную для атаки точку.

Массовый выпуск данной аппаратуры пришелся на 1964 год. В это время А. Л. Лившиц, уже доктор технических наук, профессор, директор, генеральный конструктор МНИИПА – так теперь назывался бывший НИИ-5, который в 1958 году был переведен в Государственный комитет по радиоэлектронике (ГКРЭ) с целью создания отраслевых научно-исследовательских институтов для разработки систем аппаратуры автоматизации управления средствами ПВО Советского Союза. Главным конструктором этой системы и одновременно главным инженером института был А. Л. Лившиц. В 1959 году после успешной защиты аванпроекта системы Луч-1 он стал генеральным конструктором систем ПВО СССР, а на МНИИПА возложили разработку единого комплекса средств автоматизации системы управления войсками ПВО Советского Союза. (То, что позднее назовут «Щит Родины».)

Со свойственной ему принципиальностью и ответственностью А. Л. Лившиц растит и воспитывает кадры ученых. Оказывая большую помощь своим сотрудникам, он никогда не опускался до мелочей опеки, доверял людям, с которыми работал, но требовал выполнения работы в срок, сам был очень пунктуальным, и требовал от других того же. Щепетильно относясь к вопросам научного авторства, он поддерживал этим в коллективе здоровый дух товарищества, люди работали в институте подолгу, работали семьями, с большой отдачей и, как бы это сейчас странно ни прозвучало, с большой любовью к своей работе.

За время работы генеральным конструктором проявилось еще одно дарование А. Л. Лившица – он оказался отличным администратором, координатором и руководителем разных коллективов страны. Он – один из основных авторов разработки принципиальных теоретических решений, т. е. ученый-теоретик – умел оптимально оценивать возможности промышленности, возможности смежников и в результате этого выполнял в срок задачи, которые ставились перед МНИИПА как перед головным институтом.

Под руководством А. Л. Лившица и при его личном участии были решены основополагающие задачи организации системы ПВО: теоретически разработаны оптимальные методы обработки радиолокационных сигналов в условиях активных и пассивных помех при объективных методах определения данных о воздушных целях; разработана теория управления истребителем при наведении; выбраны оптимальные траектории и методы наведения в зависимости от типа истребителя и его вооружения в условиях массового налета авиации противника; показано, что важнейшими составными частями в системе управления ПВО должны стать создание единого помехоустойчивого радиолокационного поля, использование мощных быстродействующих вычислительных средств для обработки данных, наличие большого количества каналов связи. Все это практически и есть создание теории войск ПВО и системное управление войсками ПВО.

25 лет прошло со дня смерти моего отца, я уже не верил, что когда-нибудь увижу публикацию о нем в открытой печати. Однако чудо свершилось, и чудо это сотворили два вполне реальных человека – это нынешний генеральный конструктор МНИИПА доктор, профессор Яков Владимирович Безель и кандидат технических наук Павел Гаганов. Им двоим я хочу поклониться до земли за светлую память об отце, они работали с ним, они его помнят. Вообще, хоть и говорят, что хороший человек – это не профессия, всегда очень приятно, когда высокий профессионал еще и хороший человек. Отец был хороший человек, я утверждаю это не только потому, что я его сын. Это было заложено в нем семьей. Это было заложено в нем спортом (он был избран капитаном II команды ЦСКА, футбольной, был избран председателем спортивного клуба МЭИ. Плохих людей в капитаны команды в игровых видах спорта, как и в председатели

спортклуба института не выбирают). Он любил друзей, наш дом для них был открыт в любое время, он обожал застолья, жаль, что позволить себе застолья и друзей мог крайне редко. В Институте МНИИПА, а также на полигоне его очень любили, любили и те, кто проработал с ним всю войну, чьи семьи были с моей семьей в эвакуации в Казахстане, и те, кто молодыми лейтенантами пришли к нему в конце войны, в 1946 году, и даже те, кто пришли на работу в МНИИПА позже. Нет, отец не был идеальным человеком. Но он всю жизнь проработал с одним секретарем Александрой Ивановной Путилиной, ей 90 лет, она в трезвом уме, у нее прекрасная память, и она помнит и любит его до сих пор. Он проработал с одним шофером Мишей Чигариным, он жив и любит его до сих пор. Это показывает его умение прощать и понимать, так как трудно, наверное, невозможно, как у нас, в России, говорят, проработать с одним «хозяином» и ни разу не сделать что-нибудь не так. Он особенно бережно относился к людям, которые стояли ниже его по служебной лестнице. Никакой брани, никакой фанаберии, такт и требовательность, но требовательность только в интересах дела, дела, которому он отдавал всего себя, дела, из-за которого он умер так рано (ему было 59 лет).

В институте и на полигоне его звали «Папа Толя». Этим было сказано все. Я горжусь моим отцом. Горжусь им как человеком. Я никогда не забывал и не забываю, что он был еврей. Должен сказать, что и он никогда этого не забывал, ему это никогда не давали забыть.

Публикация в «Армейском сборнике» позволяет утверждать, что идеологом системы управления войсками ПВО и создателем этой системы в том виде, в каком она сейчас существует, был Анатолий Леонидович Лившиц.

Ààëáí ò èí Èèâøèö
Øòðàùèí à Áàðì àí èÿ

2 МАЯ

90 лет со дня рождения Героя Советского Союза генерал-майора **Матвея Григорьевича Вайнруба** (р. 1910, Борисов).

3 МАЯ

80 лет со дня рождения Героя Советского Союза старшего лейтенанта **Евеля Самуиловича Белявина** (1920, Борисов — 1972, Минск).

140 лет со дня рождения математика, профессора, иностранного члена-корреспондента Петербургской АН, иностранного почетного члена АН СССР, члена Национальной академии деи Линчеи в Риме, автора трудов по математической физике, интегральным и интегро-дифференциальным уравнениям, функциональному анализу **Вито Вольтерры** (1860, Анкона, Италия — 1940, Рим).

4 МАЯ

70 лет со дня рождения певицы, солистки Метрополитен-Опера, исполнительницы партий Джильды, Царицы ночи, Розины, Лючии и др. **Роберты Питерс** (наст. фамилия Питерман; р. 1930, Нью-Йорк).

5 МАЯ

5 лет со дня смерти шахматиста, международного гроссмейстера, заслуженного мастера спорта, шестого чемпиона мира по шахматам, доктора технических наук, автора книг по шахматам и кибернетике **Михаила Моисеевича Ботвинника** (1911, Куоккала Выборгской губ. — 1995, Москва).

6 МАЯ

80 лет со дня рождения Героя Советского Союза старшего лейтенанта **Мордуха Пинхусовича Кравца** (р. 1920, Мелитополь).

10 МАЯ

95 лет со дня рождения физика-экспериментатора, академика АН СССР, профессора МГУ, автора исследований и разработчика уникальных приборов в области физики низких температур, тонких металлических коллоидов, вакуума и др., лауреата четырех Государственных премий СССР **Александра Иосифовича Шальникова** (1905, Петербург — 1986, Москва).

13 МАЯ

115 лет со дня смерти анатома, профессора Гейдельбергского университета, директора Геттингентского анатомического института, автора руководства по общей анатомии и анатомии почек **Фридриха Густава Якова Генле** (1809, Фюрт, Германия — 1885, Геттинген, Германия).

14 МАЯ

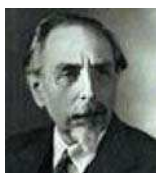
5 лет со дня смерти химика и биохимика, исследователя зависимости активности ферментов от их структуры, основателя эволюционной биохимии, автора трудов по расшифровке первичной структуры фермента рибонуклеазы, лауреата Нобелевской премии по химии 1972 года (совм. с С. Муром и У. Стайном) **Кристиана Бемера Анфинсена** (1916, Монисин, США — 1995, Ренделстаун, США).

115 лет со дня рождения дирижера, композитора, почетного доктора ряда американских университетов, руководителя Симфонического оркестра Лос-Анджелеса **Отто Клемперера** (1885, Бреслау, Силезия — 1973, Цюрих).

125 лет со дня рождения математика, профессора и директора Института математики Национального университета в Росарио (Аргентина), члена Национальной академии деи Линчеи в Риме, автора трудов по теории функций высшей геометрии, квантовой механики **Беппо Леви** (1875, Турин — 1961, Росарио).

110 лет со дня рождения пианиста, композитора, заслуженного деятеля искусств, доктора искусствоведения, профессора Московской консерватории, первого исполнителя ряда сочинений Прокофьева, Мясковского, Александрова, Страчинского, автора книг “Пианизм как искусство”, “Мастерство пианиста”, лауреата Государственной премии СССР **Самуила Евгеньевича Фейнберга** (1890, Одесса — 1962, Москва).

15 МАЯ

85 лет со дня рождения драматурга, сценариста, режиссера, автора сценариев фильмов “Человек родился”, “В твоих руках жизнь”, “Им покоряется небо” (совм. с Аграновским), “Обвиняется в убийстве”, постановщика фильмов по собственным сценариям “Случай из следственной практики”, “Свой”, “У нас на заводе”, “Щит города”, “Срок давности”, лауреата Государственной премии СССР **Леонида Даниловича Аграновича** (р. 1915, ст. Змеевка Орловской губ.).

30 лет со дня смерти поэта, автора произведений о трагической судьбе евреев — жертв Холокоста “В обиталищах смерти”, “Омрачение звезд”, “Следы на песке” и др., лауреата Нобелевской премии по литературе 1966 года (совм. с Ш.-Й. Агноном), **Нелли Закс** (1891, Берлин — 1970, Стокгольм).

205 лет со дня рождения историка и теоретика музыки, композитора, основателя консерватории Штерна в Берлине, профессора Берлинского университета, родоначальника классического учения о музыкальных формах, автора первой научной монографии о Бетховене, учебника композиции и других трудов **Адольфа Бернхарда Маркса** (1895, Галле, Германия — 1866, Берлин).

155 лет со дня рождения биолога и патолога, почетного члена Петербургской АН, профессора Новороссийского университета в Одессе, одного из основоположников сравнительной патологии, эволюционной эмбриологии, иммунологии, создателя научной школы, основателя (совм. с Н. Ф. Гамалеей) первой в России бактериологической станции, с 1988 года работавшего в Пастеровском институте, автора трудов по старению, лауреата Нобелевской премии по медицине 1908 года (совм. с П. Эрлихом), **Ильи Ильича Мечникова** (1845, Ивановка Харьковской губ. — 1916, Париж).

85 лет со дня рождения экономиста, автора трудов по проблемам моделирования экономического цикла, экономико-математических методов измерения полезности, учебника “Экономика. Вводный курс” и др., лауреата Нобелевской премии по экономике 1970 года **Пола Сэмюэлсона** (р. 1915, Гари, США).

18 МАЯ

170 лет со дня рождения скрипача, композитора, автора опер “Царица Савская”, “Сверчок у очага”, увертюры “Шакунтала” и других произведений **Карла (Кароя) Гольдмарка** (1830, Кештели, Венгрия — 1915, Вена).

25 лет со дня смерти физико-химика, иностранного члена-корреспондента АН СССР, председателя американского химического общества, автора трудов по радиохимии, теории растворов, адсорбции, сформулировавшего (одновременно с Ф. Содди) правило смещения при распаде радиоактивных элементов, установившего (совм. с Ф. Панетом) правило соосаждения радиоактивных элементов из растворов, **Казимира Фаянса** (1887, Варшава — 1975, Анн Арбор, США).

35 лет со дня казни израильского разведчика, внедрившегося в правительственные круги Сирии, чья информация стратегического характера способствовала победе Израиля в Шестидневной войне, именем которого назван ряд улиц, площадей, парков и школ в ряде населенных пунктов Израиля, **Эли Коэна** (1924, Александрия, Египет — 1965, Дамаск).

70 лет со дня рождения литературоведа, писателя-историка, автора книг об общественном и культурном движении, истории свободомыслия в России XVIII—XIX веков (с аллюзиями на современную общественно-политическую ситуацию) “Лунин”, “Герцен против самодержавия”, “Пушкин и декабристы”, “Грань веков”, “Последний летописец” и др. **Натана Яковлевича Эйдельмана** (1930 — 1989, Москва).

20 МАЯ

85 лет со дня рождения военного и государственного деятеля, начальника Генерального штаба, министра обороны, министра иностранных дел Израиля **Моше Даяна** (1915, Дгания Алеф, Израиль — 1981, Тель-Авив).

21 МАЯ

140 лет со дня рождения физиолога, профессора Лейденского университета, доктора медицины, основоположника электрокардиографии,

создавшего прибор для регистрации электрических изменений в сердце, впервые использовавшего электрокардиографию в диагностических целях, лауреата Нобелевской премии по медицине 1924 года **Виллема Эйтховена** (1860, Семаранг, Голландия — 1927, Лейден, Голландия).

23 МАЯ

75 лет со дня рождения генетика, заложившего основы генетики микроорганизмов, открывшего трансдукцию и рекомбинацию (совм. с Э. Тейтемом) у бактерий, исследовавшего причины возникновения устойчивости бактерий к антибиотикам, лауреата Нобелевской премии по медицине и физиологии 1958 года (совм. с Тейтемом и Бидлом) **Джошуа Ледерберга** (р. 1925, Монтклэр, США).

90 лет со дня рождения музыканта, кларнетиста, создателя джазовой группы его имени **Арти Шоу** (наст. имя и фамилия Авроом-Ицхок Аршавский; р. 1910, Нью-Йорк).

24 МАЯ

60 лет со дня рождения поэта, автора стихотворных сборников “Остановка в пустыне”, “Конец прекрасной эпохи”, “Часть речи”, “Урания”, “В окрестностях Атлантиды”, прозаических произведений “Меньше единицы”, “Набережная неизлечимых” и др., лауреата Нобелевской премии по литературе 1987 года **Иосифа Александровича Бродского** (1940, Ленинград — 1996, Нью-Йорк, похоронен на острове-кладбище Сан-Микеле в Венеции).

130 лет со дня рождения юриста, члена Верховного суда США, сторонника неограниченного расширения прав суда **Бенджамина Натана Кардозо** (1870, Нью-Йорк — 1938, Порт Честер, США).

25 МАЯ

85 лет со дня рождения Героя Советского Союза, младшего лейтенанта **Михаила Яковлевича Валянского** (1915, Кутаиси — 1987, Севастополь).

27 МАЯ

85 лет со дня рождения писателя, автора романов “Восстание на “Кейне” (Пуллитцеровская премия), “Ветры войны”, “Внутри, извне”, собраний эссе “Это Б-г мой” и др. **Германа Вука** (р. 1915, Нью-Йорк).

100 лет со дня рождения изобретателя в области фотографии, разработавшего (совм. с Маннесом) “кодахромовый процесс”, используемый в цветной фотографии, музыканта **Леопольда Годовского** (р. 1900, Чикаго).

20 лет со дня смерти сценариста, режиссера, автора сценариев фильмов “Фро”, “Месяц май”, “Лебедев против Лебедева”, “Городской романс”, “Кузнечик” и др., постановщика (совм. с Хуциевым) фильм “Весна на Заречной улице” **Феликса Ефимовича Миронера** (1927, Киев — 1980, Москва).